

**ВСЕ
ЕЩЕ
ЧЕЛОВЕК**

Владислав Хохлов

Мрачная история о путнике в разрушенном мире. Человечество столкнулось с глобальной угрозой, и выживших можно пересчитать по пальцам.

Майкл потерял всё. Достаточно "всё", чтобы халатно относиться и к своей жизни. Но ему всё же суждено найти себе спутника, друга, который воскресит его и поможет найти дорогу не только к принятию потерь и грядущего ужаса, но и к спасению своей души.

Майкл может бежать от чудовищ и опасностей, но не от ужасного будущего и собственных мыслей.

Длинный зал-аудитория. Утро 4 июня. Группы студентов из разных факультетов собрались на одну из самых простых, и в то же время сложных лекций — философия. В помещении все присутствующие расселись кто куда; большинство решило присесть поближе к лектору. В освещённой части зала стоял молодой преподаватель. Он любил эту работу, и почти всегда полностью отдавался ей.

— Наш мир переполнен огромным количеством живых существ: многие виды вымирают, некоторые новые открываются наукой и по сей день. Кто-то скажет, что среди всех созданий, что населяют нашу планету, именно человек — венец творения. Кто-то говорит о религиозном начале, другие утверждают об эволюционном развитии. Все они едино правы, и в то же время — нет. Запишите: Сократ — согласно антропоцентризму — считал человека частью природы, её центром, а многозначительность жизни объясняли условиями внешней среды. В добавок, можно говорить о том, что человечество непосредственно является частью всего вокруг: его ядром и оболочкой. Даже если вы посмотрите на человека, с точки зрения самого несуразного биолога, то сможете сравнить его с обычным лесом, внутри которого обитают более скоротечные и меньшие создания. Мы — часть мира, и сами являемся для кого-то миром.

— А вы как думаете по этому поводу? — раздался вопрос одного из студентов. — У каждого преподавателя своё мнение, и все они разнятся.

Лектор перевёл взгляд на юношу, сидящего в третьем ряду: он не выглядел прилежным учеником, и скорее всего просто намеревался замедлить ход лекции. Однако, соблазн был велик.

— Я и мои коллеги так долго изучали все точки зрения, все доводы и теории, что, казалось бы, утратили собственную мысль касательно бытия... Я могу вспомнить сотни философов, которые пережёвывали и изучали всё новые и новые теории, могу назвать десятки умов, которые впервые высказали что-то иное и дикое. В чем-то я смогу согласиться; с кем-то готов спорить. — Преподаватель остановился: он задумался над вопросом юноши и начал размышлять о том, что же он сам думает об этом.

— И какой ваш ответ? — дополнила общий вопрос студентка со второго ряда.

Лектор снова замер на месте. Он окинул взглядом аудиторию и посмотрел на каждого студента, от умника и отличника до лентяя и неуча. Он опёрся на преподавательский стол, поскольку почувствовал лёгкое головокружение. Этот, казалось бы, простой вопрос оказался критичным для того, кто стал словно огромным архивом знаний. Он мог легко процитировать до мелочей ответ любого доктора наук, соединить некоторые ответы в единый и понятный, но своими словами сказать не мог. Он оказался слаб перед великим вопросом вселенной, как личность. Но всё же гордость играла в нём, и он не хотел пасть перед учениками.

— Венец творения, это простенькое описание доминирующего вида, в той или иной среде. Жизнь всякого скоротечна и... «венец творения», — лектор жестом продемонстрировал кавычки, — уж точно не сможет существовать вечно. Но разве не бессмертие позволит хищникам доминировать? Что даст «венцу» то самое право, как не бессмертие и извечное господство? Но и как же он может быть таким идеальным, если не может познать такую простую вещь как смерть?... — Его слова звучали сумбурно, но мысль

была вполне ясна.

— Это парадокс Бога.

— Именно! Природой заложено начало и конец жизни, если же «венец» будет идти наперекор своим первичным установкам, то он не будет настолько идеальным. С другой стороны, полное выполнение наших функций и делает всех живых существ «венцами». Все на этой планете рождены со своими правилами и обязанностями, не нам выбирать что-то из этого, не нам это менять. Когда-то и человечеству придёт конец — отрицать этого не стоит, — это всего лишь одна из обязательных черт живых видов. Вспомните даже эволюцию: считаем ли мы *homoerectus* своим видом? Нет. Они наши предки, но мы эволюционировали в новый вид. И, перед тем, как меня закидают вопросами о религии и рождении человека, отвечу сразу: и сотворённые Богом люди могут эволюционировать, адаптируясь под окружающую среду, но это уже вопрос биологии. Однако, люди самые прекрасные творения. — Преподаватель отошел в сторону и стал говорить заметено тише, словно перешел на диалог с самим собою. Его по-прежнему было слышно с дальних парт, но там уже никого не осталось — даже самые скупающие студенты загорелись интересом и придвинулись поближе.

— Только человек способен помимо созидания окружающего мира стремиться к самосовершенствованию. Человек способен насильно отказаться и притупить древние и могучие инстинкты наших предков. Одним из плодов развития стал альтруизм: только человек способен себе во вред помочь ближнему, отдать себя ради чужого. У насекомых прослеживается схожее поведение, но они получают приказы от королев и инстинктов; человек сам распоряжается тем, что имеет. Многие люди не полноценно осознают свои способности, так как сдаются инстинктам, если же их направить и помочь, то мы навсегда станем выше, чем любое другое живое существо. — Лектор, стоя у окна, медленно повернулся к студентам; он заметно побледнел, а его глаза расширились и дрожали от страха. — «Венец» — идеал. Идеал — недостижимая цель. Если человек способен отречься от всего, что его окружает, дабы построить себя самого, то он ближе всех к названию идеала. В то же время, он не только даст нам рывок в эволюции, но и приблизит нашу природу к логическому завершению.

Глава 1.1 Мир, который мы видим на картинах (Из норки в норку)

Глава 1. Мир, который мы видим на картинах

1.1 Из норки в норку

Со дня полного уничтожения мира прошло чуть больше 2-х лет. 27 месяцев. 823 дня с начала конца.

Человек свергнут со своего престола.

Майкл пробирался через обломки зданий. Разницы в дороге между руинами и целыми домами не существовало — все они были безжизненны. Новый враг человечества работал искусно, им не требовалось разбирать по кирпичику каждое строение, — они приступали к этому только при необходимости, — если внутри была жертва. Местами можно было заметить обглоданные кости, и не требовалось гадать, кому они принадлежали. Было понятно, что в «чистке» постарались животные. Майкл последний раз видел живого человека около 3-х месяцев назад, когда случайно заметил его, обшаривающим обломки продовольственного склада. Тот доходяга выглядел неспособным выжить хотя бы ещё пару дней. Быть может, он погиб через эти “пару дней”.

«Теперь я сам “доходяга”» — подумал Майкл. Всё его продовольствие приближалось к нулю. К такому же нулю, как и выцветшие портреты людей на надгробных плитах в старых кладбищах. Он из последних сил пытался экономить оставшийся паёк: вместо пригодных трёх дней, он тянулся уже неделю. Если же в ближайшее время не будет найден новый источник пищи, то Майкл присоединится к своей семье.

Этот пилигрим идёт вперёд с первых недель начала всепланетного хаоса. Он шел с востока на запад, и, сам не знал почему, — ему просто хотелось идти вслед за уходящим солнцем.

Майкл бежал не от опасности, он бежал от старой жизни. Сама опасность погибнуть от рук преследователей и случайной встречи с одним из альфа-хищников была менее страшной — жизнь для Майкла уже ничего не стоила. Он умер именно тогда, когда издали заметил, что его дом обращён в кучу обломков. Когда внутри его ждала любящая жена, мать с отцом, сестра одноклассника и младшие братья. Надежды на их спасение не было. В течении двух дней, сотовая связь продолжала существовать, но из-за нагрузки на неё, только единицам везло позвонить до желанного абонента. Большинство же людей, во время очередной попытки совершить блаженный звонок родным и любимым, слышали только предупреждение о текущем военном положении.

Ещё до начала кошмара, Майкл находился далеко от родного дома, и, как только узнал о том, что вокруг творится что-то не ладное, то сбежал к своей семье. Такое безрассудство и дезертирство одновременно и спасло, и уничтожило его. Тем самым, он раньше времени осознал гибель своей семьи, и стал единственным выжившим из своей командировочной группы, которая временно располагалась в другом городе. Желая всё сделать быстро, он решил не пользоваться транспортом и направился напрямик, через труднопроходимые леса и горы. Путь его занял целых четыре дня, что выиграло ему ещё два, и, всё закончилось тем, что Майкл добрался до своего дома тогда, когда никого уже не осталось.

Мир вокруг погрузился в полное молчание. Больше нельзя было услышать радостные

крики детей с соседней улицы или постоянные разговоры между соседями. Из городов бесследно исчезли птицы, собаки и коты — именно те животные, которые были постоянными жильцами этих мест. Даже складывалось ощущение, что собственное тело погрузилось в безмолвный траур. В тот день Майкл изменился. Он взял брошенный на земле походный рюкзак, подобрал дровко метлы и просто ушел. В его голове ничего не было, ни шока, ни скорби, ни удивления или страха. Только пустота. Он просто шел, без какой-либо цели. Осознание произошедшего, и начатого пути, пришло только спустя пару часов, когда Майкл был уже далеко от дома.

За весь путь, он встретил много людей, что рассказывали ему о ситуации в мире; телевидение и радио уже стали мифом, сказкой. Вся информация переходила из рук в руки, достигая до слушателя именно так, как слышали её впервые. Что-то выглядело совершенно понятным и логичным; что-то всплывало как какая-та загадка или ложь, переполненная не состыковками и абсурдом. Среди многих десятков историй, Майкл встретил ту, что посчитал самой правдоподобной: по неизвестным всем причинам, недалеко от родного города Майкла, — приблизительно в тысячи километрах со стороны угольных шахт, — произошел взрыв природного газа. Прибывшие к месту происшествия бригады полиции, скорой помощи, службы чрезвычайного реагирования и пожарных быстро перестала выходить на связь. Рассказчик говорил собранно, детально вспоминая все события, сохраняя их первоначальную последовательность.

По его словам, он слышал эту историю от грибника, который был недалеко от места происшествия, но учитывая то, что он прятался за деревьями и не влезал в гущу событий, то остался в живых. Именно из угольных шахт вышли первые существа. Это были огромные разнородные создания; по ним было заметно, что они не принадлежали к какому-то единому народу или виду, они одновременно и были похожи друг на друга, и в корне отличались от каждого. Если люди, рыбы, животные и насекомые схожи между представителями своего вида, то те создания выглядели так, словно каждого создавали индивидуально, не смотря на предыдущие результаты.

В считанные минуты все прибывшие бригады были снесены, а существа отправились в сторону населённых пунктов. Грибник уцелел и сбежал в деревню. Он пытался рассказать то, что видел, но никто не поверил. Если бы кто-то и смог поверить в слова старика, всё равно ничего бы не изменилось. Даже спустя несколько месяцев после начала конца человечества, никто так и не смог достойно отреагировать на эту угрозу. Именно из-за незнания, нерасторопности и страха, люди и проиграли. Это была не война, это было истребление. Единственные попытки человечества дать отпор склонились к тому, что были мобилизованы войска, были и бомбардировки окрестностей, западни, ловушки, и многое-многое другое. Кто-то говорил, что было убито несколько чудищ, но Майкл сомневался в этом. Старый грибник сбежал, ища спасение в лесу, и корил себя перед незнакомцами за неспособность. Жители его деревни покинули её в течении первых дней после оповещения о чрезвычайной ситуации.

Майкл сравнивал и проверял информацию о случившемся. Он не мог себе простить то, что ничего не знал о своей семье. Нет, тел он не видел, но стоя у груды камней ощущал *всё*. Если его любимых нельзя было найти и похоронить со всеми почестями, то он хотя бы мог рассказать их трагичную историю и радостное прошлое, чтобы любой случайный слушатель мог передавать её из уст в уста. Это единственное, что у него оставалось.

Чем больше Майкл узнавал о чудищах, тем страшнее они представлялись. Огромны,

жестоки, непобедимы. У них были зачатки интеллекта, обучаемость и стратегическая сноровка. После того, как они уничтожили дом Майкла, то направились дальше, и шли прямо к следующей цели, будто знали карту местности. Именно из-за того, что несколько городов расположены полукругом у подножья горы, Майкл смог сбежать от них. Только молниеносное, необдуманное и поспешное решение сохранило ему жизнь.

Сейчас он прятался в подвале жилого дома. Это было самое удобное и труднодоступное место для чудищ: они могли свободно осмотреть хоть каждое окно или выгнуться так, что свободно просовывали руки в самые отдалённые углы, причиняя строениям минимальный ущерб, но под землёй подобная гибкость не играла на руку. Единицы из них имели глаза-усики, и при таких необычных органах зрения, уже никто не мог быть в безопасности. Майкл был готов ко всему. За свой долгий путь на протяжении сотен километров, он набрался опыта; с начала пути он изучал и анализировал. На самый крайний случай, он уже несколько недель носит с собой картонную коробку, которой мог бы прикрыться от преследователя. Вначале это казалось слишком глупо, но эта вещь действительно как-то спасла ему жизнь.

Вокруг Майкла было темно и сыро, ему приходилось делиться своим местом с агрессивными и голодными крысами и жуками. Возможно, подвал был более опасным, чем нахождение снаружи дома, ведь он уже долго не встречал ни друзей, ни врагов, чтобы хоть как-то дополнить свои знания о выживании. Однако страшный склеп, где он находился, вызывал большее доверие, чем открытая местность. Это был маленький сейф, со своими недостатками, но всё же безопасный.

Майкл поднялся во весь рост и подошел к закрытому продуху в стене. В минуты, когда он начинает вспоминать прошлое, — или хотя бы сильнее осознавать печальность настоящего, — то его сковывали мучительные чувства одиночества и меланхолии. Его преследовали вопросы о смысле жизни, о том, что человечеству суждено сгинуть, а титул последнего человека носит в себе самый мрачный контекст. С противоположной стороны жилого дома, где нашел своё временное прибежище Майкл, находилось кафе и магазин с продовольствием. Здания были целые, нетронутые даже мародёрами. Это было легко заметно по дверной ручке, — Майкл успел набраться опыта в этом деле. Он подумал проникнуть внутрь.

Отдельно о погоде: в последнее время она сильно портилась, ещё сильнее чем до начала всего ужаса. Теперь, самым обычным явлением можно назвать мрачные тучи, крепко сковавшие небо. Из-за них казалось, что солнце просто исчезло. Единственное напоминание о ярком гиганте было то, что всё ещё легко определялось его положение по лёгким просветам в облаках. В какой-то момент весь мир начали охватывать мощные песчаные бури; погода начала портиться с того момента, как только количество погибших перешло за миллиард, по крайней мере так считали некоторые встречные люди.

Среди всех интересных личностей, был учитель географии, который и предположил одну странную теорию: «душа каждого убитого пыталась отправиться на небеса, но застряла где-то на пороге». Если бы раньше этого учёного посчитали чересчур набожным, то сейчас каждый встречный готов верить во что-то неземное. Людей становилось так мало, что учёным и верующим был каждый встречный, а противников подобных мыслей и вовсе не осталось. Главной причиной такой резкой веры стал не факт развивающегося апокалипсиса, и то, что именно в церкви и соборы направлялись первые испуганные люди, вспоминая различные мифы и истории, — всему виной был странный внешний вид созданий, нашедших на цивилизацию людей. Эти существа легко напоминали демонов с различных религиозных

витражей и историй. Правда, сами по себе они были более отвратительны.

«Ну вот, стоило подумать о двери в магазин, как сразу вернулись воспоминания о прошлом» — пожаловался самому себе Майкл. Чувство голода испарилось, вместе с ним исчезла надежда на то, что сегодня удастся поднять себе настроение. Он достал из кармана тёмного пальто небольшой сборник анекдотов и, открыв случайную страницу, начал читать:

Просит деревенская жена своего мужа: «Купи нам петуха — хочу, чтобы пел ранним утром на восход солнца». Посидел муж, подумал, что придётся теперь утрами слышать громкие крики под окнами, и сказал жене: «Я лучше свиней научу выть в полночь». «На кой чёрт тебе свиней учить выть в полночь?» — поинтересовалась жена, а муж отвечает: «Я лучше буду знать, когда начать пить, чем, когда закончить».

Большинство шуток были нелепыми, глупыми и не смешными. Майкл прочитал ещё парочку, а некоторые даже знал наизусть, но чтение позволяло глубже оценить то, что придумал и опубликовал до своей кончины автор. Сейчас небольшая книжка в руке уже не смешила, а сладко навевала воспоминания о давних годах былой жизни. Майкл улыбнулся, вспоминая, как праздновал день рождения с семьёй.

После нескольких минут чтения анекдотов, Майкл наконец-то расслабился. Казалось бы, чем дольше он жил, перебираясь из одного опустевшего города в другой, тем быстрее он должен был привыкнуть к полному одиночеству, но тоска и мысли о гибели людей быстро нагоняли его и не давали заскучать. Майкл вышел из подвала и оказался на улице. Вглядываясь в сторону закрытого магазина, он медленно оценивал окружающую обстановку. Было достаточно тихо, серо, даже ветер перестал шуметь в ушах. Майкл остался наедине, и, только едва просвечивающее сквозь густые тучи солнце составляло ему компанию. Медленными шагами он направился к желанному магазину.

Но Майкла не долго окружала тишина — он сам стал источником звука, — шаркающей и измождённой походкой ему удалось перейти бывшую проезжую часть. Он был бы рад услышать хоть что-то кроме своей надоевшей походки. На плечи ему давила старая и верная сумка, и, он бы давно избавился от всего тяжёлого, что носит с собой долгие месяцы, но одежда и рюкзак со всем нажитым, были единственным, чему он был обязан жизнью. Если бы ему удалось сейчас услышать чью-то речь, или шум мотора машины, или электрического генератора, он бы посчитал этот день самым лучшим. Но нет, Майкл был один, в тихом и мёртвом мире.

Один человек, и, вместе с ним странный новый грохот. Звук появился сразу, как только он почти подошел к двери магазина. Он нарастал и попадал в такт того, как двигался Майкл. Это был топот, исходящий откуда-то издали и медленно приближающийся к выжившему.

Шансы на побег в укрытие таяли на глазах. Попытка вернуться обратно в дом вызвала бы слишком много ненужного шума, который ещё сильнее привлёк бы внимание. Желанный магазин стоял впритык к следующему зданию, и между ними не было свободного пространства, куда мог бы пролезть человек. Даже дверь внутрь не могла помочь Майклу, ибо он прекрасно видел, как на ней висел навесной замок. Избрав один единственный вариант, Майкл впопыхах достал привязанный к сумке картон и укрывшись им лёг на землю.

Прикрытие в виде картонной коробки работало безотказно, по крайней мере в первый и последний раз. Были надежды, что это средство может быть уникальным для всех нежелательных встреч. Но учитывая *особенность* каждого существа, как когда-то говорил старый грибник, никогда нельзя было надеяться на то, что эта уловка сработает на все сто. Слепо надеяться на успех, всё равно что положить голову под железнодорожный состав, в

надежде, что он окажется надутым. Именно этим странным и неуместным сравнением, Майкл начал высматривать надвигающуюся угрозу через небольшую прорезь в картоне.

В паре кварталов от убежища Майкла из-за угла здания вылезло невиданное ранее существо. Это уже был плохой знак, ибо мог легко попасться монстр, на котором не сработает человеческая хитрость. Майкл не один раз видел и вдали и вблизи монстров из угольной шахты, и мог заранее представить то, что выйдет недалеко от него. Фантазия подвела его. Ему даже показалось, что у него началась галлюцинация. Он онемел от вида этого существа, и, потеряв его из виду, не смог бы вспомнить странные черты или хотя бы приблизительно указать их.

Передвигаясь на четырёх трёхпалых конечностях, словно горделивая горилла, по пустой улице шел монстр. На его лапах отсутствовала кожа, выступали только чистые и пульсирующие мускулы; в районе живота находилась небольшая зона, покрытая плотным волосным покровом; спина была скрыта выпирающим и острым панцирем с шипами, издали напоминающий острые каменные колья. Более странной из всего этого коктейля была голова: морда обтянута тонкой кожей, демонстрируя выпирающие кости черепа, схожего с человеческим; отсутствовали губы и нос, их заменяли впадины и плавно переходящая кожа в тупые зубы. Глаза-бусинки у существа располагались, где и должны были, — в глубине глазных впадин виднелись маленькие жёлтые зрачки; из макушки до уровня скул свисали закрученные рога. Вальяжной походкой существо вышло в центр и начало двигаться вдоль улицы. Высота твари составляла приблизительно пять метров.

Майкл по-прежнему никак не мог отвернуться от странного создания. Он был словно загипнотизирован этой выразительной внешностью. Хотя человека и прятала темнота внутри коробки, что-то подсказывало ему, что его прекрасно видно.

Существо подходило ближе, и уже поравнялось с убежищем Майкла. Проходя на одной линии с коробкой, оно остановилось. Было ли это проявление интереса или оно действительно что-то знало, но чудовище посмотрело прямо на картонное сооружение, словно вглядываясь внутрь него. Майкл увидел в маленьких жёлтых глазах неживой холод участника геноцида, убийцу миллионов людей. Никто точно не мог сказать или предположить, сколько всего по земле ходят аналогичных творений, но этот был самым выдающимся, — это легко наблюдалось в его взгляде. Некоторое любопытство, голод и спокойствие при лицезрении опустошенных улиц и домов.

Майкл не успел заметить сразу, но через несколько секунд ему показалось, что существо что-то жуёт. Оно двигало челюстью вверх-вниз, но никаких сопутствующих звуков не было, и во рту чудовища ничего не было. Затем, оно высунуло большой и тёмно-зелёный язык наружу, который походил на разбухший труп коровы. Этот язык монстр зажал зубами, словно пытаясь издать им какой-то шипящий звук. Язык исчез, но Майклу показалось, что существо пыталось улыбаться, по крайней мере об этом говорил его хитрый взгляд.

Подняв огромную руку, великан опустил её на коробку Майкла. Сопутствующий звук был похож на то, словно кто-то пытался растянуть канат, и в конце всего потуга, тот просто лопнул.

Мужчина вовремя успел покинуть своё убежище. Он приготовился к побегу сразу же, как только заметил странное поведение чудовища. Одним прыжком он вылетел из коробки и, приземлившись на ноги, начал бежать. Минус путешествия по материку был в том, что, будучи в новых населённых пунктах, часто тяжело сориентироваться на местности и понять, куда стоит бежать, а каких мест вообще лучше опасаться. Ему пришлось бежать вслепую.

Чтобы выжить, требовалось как можно быстрее найти открытый спуск в канализационный колодец или запутать существо в перепутье улиц и дворов, а там спрятаться в подходящем месте. При встречах с этими альфа-хищниками требовалось действовать исходя из способности противника. У чудовища отсутствовал нос и не было видно ушей, и похоже, оно даже не обладало такими чувствами. Именно на Майкла смотрело существо, не на коробку, а на человека внутри, это говорило о том, что оно видело в темноте и имело очень острое зрение... но это была только теория.

Майкл выбежал на соседнюю улицу, через шум бешеного биения сердца он слышал, как монстр вступил в погоню. Его поступь была такой громкой, что казалось, словно оно идёт прямо над ним, и, заигрывая с жертвой, даже не думает ловить её, когда есть такая возможность. Продолжая свой наивный побег, Майкл резко повернул в сторону тесного переулочка, надеясь, что неожиданность и теснота сильно помешает преследователю. Рогатый монстр запрыгнул на крыши двухэтажных домов и продолжал садистскую игру уже с возвышенности.

Беглец перемещался по сплетённым переулочкам и тоннелям, перебегая иногда через закрытые и открытые дворы между домами. Каждый раз он ощущал нависшую над ним угрозу, часто замечая глаза-бусинки высоко над собой. Постоянно судорожно сворачивая с одной дороги на другую, Майкл надеялся запутать монстра, но тот продолжало следовать за ним след в след. Находясь в одном из тоннелей, что выходил на открытую улицу за пределами маленького жилого квартала, Майкл заметил открытый спуск в канализацию. Это было идеальное спасение, ибо габариты преследователя наотрез не позволят ему продолжить охоту в тесных помещениях. Выбор был сделан.

Выбежав на открытую местность, Майкл прыгнул в канализацию, не сбавляя скорость. Оказавшись ниже земли, он успел услышать, как сверху что-то огромное упало с большой высоты. Пока беглец летел вниз, он видел перед собой быстро мелькающие детали канализационного колодца: систему проводов и водосточных путей, торчащие кирпичи и куски арматур. Пролетев полтора метра, он столкнулся головой о часть накренившейся лестницы. Ночь накинута на его глаза так же быстро, как и облегчение от чувства собственной безопасности.

Глава 1.2 Мир, который мы видим на картинах (Кошки-мышки)

1.2 Кошки-мышки

Майкл очнулся на холодном полу канализационного тоннеля. Вокруг него осела пыль и лежали небольшие куски камня и бетона. Голова гудела, словно внутри неё играл целый праздничный оркестр. Но нет, по ней только ударили металлической лестницей. Он не сразу вспомнил то, что с ним произошло. Приложив руку к голове, он заметил, как половина его макушки была рассечена до крови. Всё тело ужасно болело, — полёт и приземление явно были не благоприятными. Но Майкл, по крайней мере, не попался своему преследователю на ужин.

Вспомнив все недавние события, удачливый беглец расслабился. Он был далеко от чудища и понимал, что тот никак не сможет достать его здесь. Но всё же в окружающей обстановке что-то было не так. Майкл располагался прямо под канализационным проходом, но он не мог увидеть над собой небо. Даже ночь была бы светлее чем то, куда он смотрел. Когда же он вглядывался в темноту над головой, то смог увидеть огромный палец своего преследователя, который был вставлен в канализационный спуск, и, видимо, застрял.

«О чём он только думал?» — спросил себя Майкл. Поднявшись во весь рост, он вытер окровавленное лицо о подол пальто. Вокруг было темно, — свету неоткуда было просачиваться в тоннели под городом. Майкл достал уцелевший фонарь. Ему крайне повезло, что не все вещи были в рюкзаке, а бережно находились в карманах. У него ещё остался небольшой перочинный нож, крестовая отвёртка, синий фломастер и пара хлопушек с зажигалкой. Подсвечивая себе дорогу, мужчина направился дальше в тоннели.

Канализация выглядела более мирной, чем могло показаться на первый взгляд. Она была тихой и чистой настолько, насколько могла это себе позволить. Огромное количество ответвлений уходило вглубь сети водоотвода. Здесь было душно, из-за чего гость расстегнул пуговицы пальто. Майкл на протяжении нескольких минут не видел никакого признака, что где-то по близости есть люк на поверхность. Он бродил по каналу, представляя карту местности и расположения домов. Вокруг было сухо, только иногда можно было встретить маленькие лужи дождевой воды. Вскоре, выживший нашёл желанный подъём.

Майкл не сворачивал в тоннелях, поэтому согласно его ожиданиям, поднялся на той же улице, где и спустился. Он осторожно отодвинул тяжёлый люк и медленно высунул голову. Наступил вечер, и солнце озаряло багрянцем всю окружающую архитектуру малоэтажных зданий. В пятидесяти метрах от Майкла стоял тот самый монстр. Воткнув палец в канализационное отверстие, он смиренно сидел и ждал дальнейшего развития событий. Молча и бездвижно смотря вниз на бетон, зверь не подавал никаких признаков жизни.

Мужчина решил вылезти из своего убежища: он выбрал именно этот проход, потому что боялся потеряться. Майкл хотел, как можно скорее забрать свой ранец. Его вещи могли уцелеть, и тогда у него было бы больше шансов на выживание. Возвращаясь на поверхность, он не рассчитал того, сколько потребуется свободного места, чтобы пролезть между люком и стеной. Когда же он был на полпути к успеху, то металл предательски начал громко царапать бетонную дорогу.

Майкл осознал ошибку своей излишней торопливости слишком поздно. Когда он поднял взгляд вдаль, то заметил, что всё не так уж и плохо, и, в то же время, хуже некуда.

Существо с застрявшим пальцем в канализационном колодце смотрело прямо на человека. Оно явно слышало его; оно прекрасно слышало всё. Майкл снова замер, как маленький зверёк, смотрящий в голодные глаза страшного хищника. Чудище ничего не делало, а просто уставилось на испуганную жертву. Майкл же был загипнотизирован маленькими жёлтыми глазами-бусинками, которые, как зажжённые свечи сияли на фоне омерзительной морды громадного преследователя. Кто-то из них должен был нарушить небрежное спокойствие статуй, пошевелиться, очнуться, продолжить свою изначальную роль в всё ещё не оконченной ужасной погоне. Первый ход сделало само чудище: оно начало разворачиваться гротескным телом, чтобы пойти навстречу Майклу, но не смогло сдвинуться с места, так как палец намертво застрял.

Майкл по-прежнему не двигался, он был уже ошарашен тем, как комично монстр пытается освободиться. Сердце его сжималось от страха и волнения, а на лице выступила наивная и нервная улыбка, которой не было *здесь* место. Всё же ему удалось полностью выбраться наверх, когда всё представление затянулось. То, что человек был готов в любую секунду сорваться и ускользнуть, ощутил и сам преследователь. Вместо продолжения попыток осторожно высвободить огромный палец из капкана, куда он сам его засунул, он решил изо всех сил вытащить его, не считаясь с возможными ранами и неудобством. Железное кольцо сдирало загрубевшую кожу чудища; небольшие лоскуты упали на бетон и окрасили его в красный. Существо опять повернулось в сторону Майкла и смотрело на него спокойно, с уже знакомым, извращённым азартом, словно ничего с ним не происходило, и оно не получило никакого дискомфорта.

Майкл побежал в соседний переулочек, который был переплетён целой сетью поворотов и дворами с лабиринтом хитрых и извилистых проходов. Единственным и верным путём оставался только надземный переход в одном из зданий, который располагался близко к Майклу, но недостаточно, чтобы быть уверенным в том, что он окажется там раньше противника.

Конструкция перехода отличалась от узких переулочков свободным пространством, из-за чего чудище, добравшись до входа, засунуло туда лапу по самое плечо. Его движения были быстры, и он надеялся на то, что слепо схватит или раздавит свою прыткую добычу, но она была быстрее, чем могло показаться на первый взгляд. Человеку едва хватило времени и скорости, чтобы он выбежал из достигаемой зоны огромной руки; он смог это сделать, но не его палец. Дотянувшись до подола одежды, чудище всё же сумело ухватиться за что-то и вытащить наружу. Майкл обрадовался, что успел заранее расстегнуть все пуговицы тогда, когда ещё минут десять назад страдал от духоты.

Теперь и другие вещи оставили Майкла в верном одиночестве, кроме карманного фонарика.

Через несколько минут он вернулся на знакомые участки, по которым и пролегал его запутанный побег. Вокруг было тихо; Майклу даже показалось, что его преследователь наконец-то отстал. Может, схватившись за палец, он действительно поверил в то, что маленькая тряпка в тисках огромной лапы и есть тот самый беглец. Если Майклу удавалось откупиться от смерти пару раз, то сейчас он уже ничего не мог поставить на весы, кроме собственной жизни. До места, где беглец впервые столкнулся с *ним*, было недалеко. Он скорым ходом прошел это расстояние, и в конце увидел свой раздавленный ранец. «Всё конечно...» — подумал он про себя. Последний шанс на выживание исчез, — у Майкла не было ни еды, ни инструментов; остался только небольшой заряд батарей в фонаре, а светлых

надежд на что-то хорошее ещё меньше.

Посторонний шум вернул удручённого мужчину в реальный мир. Майкл услышал странный шорох недалеко от себя; он не сомневался в том, откуда он взялся. Обернувшись назад, он застал то самое существо, что уже не первый час гонится за ним кругами. Загадочный зверь медленно подходил к жертве, явно как-то ощущая то, что маленький человек на грани того, чтобы сдаться и отдать своё последнее богатство. Маленькие жёлтые глаза-бусинки ещё сильнее светились во тьме глазных впадин. Майклу даже на мгновение показалось, что если он протянет к этим маленьким огонькам руки, то сможет почувствовать исходящий от них жар. Но они были слишком далеко от него, и это удручало. Человек быстро взялся за карманный фонарик и направил луч прямо в лицо своего преследователя, будто оно могло на подобии детских воображаемых чудищ растаять на свету. Это привело к самому неожиданному результату:

Зверь остановился и вытянувшись встал на задние лапы. Таким образом существо возвысилось над Майклом ещё на целый метр. Встав столбом, оно смотрело прямо на человека, гипнотизируя его взглядом. Это продолжалось от силы пару минут, пока Майкл не решил хоть что-то предпринять. Он понял, что прямо сейчас получает второй шанс на спасение. Оставив приманку в виде света фонаря, Майкл нырнул за угол, где сразу же присел и пытался не шуметь. Пока чудище хрипело и удивлялось исчезновению человека, тот успел ползком пробраться за здание и спрятаться в одном из мусорных баков. Позже он услышал, как его преследовать съел брошенный фонарик.

Майклу ничего не оставалось, кроме того, как просто сидеть и ждать чего угодно. Он уже пожалел, что очередной раз сбежал от чудища, продолжая попытки выжить, при этом предоставляя самому себе всё меньше и меньше возможности хоть как-то существовать дальше. Вокруг всё затихло: или монстр продолжал стоять на месте, или бесшумно перешел в другую зону поисков. Но в любом случае, он мог находиться где-то поблизости. Майкл поднялся и начал осматриваться вокруг. Он видел нетронутые другими созданиями и людьми здания, опустошенные и покрытые сантиметрами грязи, как после долгих месяцев войн, только текущая картина имела небольшое дополнение в том, что каждое живущее по соседству растение считало своим долгом отбивать ту территорию, с которой их когда-то выгнали. Путнику заново придётся найти себе необходимые для путешествия вещи. Очередной раз ходить из одного здания в другой, в надежде, что быстро найдутся нужные приспособления... но это будут проблемы нового дня. Майкл устал, и его клонило в сон. Эту холодную и опасную ночь он провёл в мусорном баке.

О том, что наступило утро, Майкл понял только тогда, когда услышал пение птиц. Их голоса звучали более жалобно, нежели до того, когда весь мир перевернулся с ног на голову. Эти маленькие существа словно спрашивали у самого человечества, почему те проиграли в этой ужасной битве. Выживший сидел в баке и слушал, как спокойно те общаются друг с другом. Он начал вспоминать, что ни разу не видел, — и даже не слышал, — того, чтобы какое-нибудь чудище нападало на животных. Они просто не обращали на меньших тварей внимание, игнорировали, как что-то... несущественное. Этим исчадиям интересовали только люди.

Через несколько минут Майкл покинул своё убежище, и медленными шагами отправился в путь. Из темноты он вышел обратно в серый мир, где серым было небо, земля, и даже некоторые здания вокруг, те, что ещё не были покрыты слоями зелени. Встретив несколько открытых домов, Майкл нашел для себя консервную банку с супом, жилетку и

маленькую книгу с анекдотами. Он бы не простил себе то, что оставил бы такую полезную для себя вещь где-то на развалинах бывшего мира... это маленькое напоминание о чём-то светлом и хорошем из прошлой жизни. Это был незначительный способ отвлечься от гнетущих мыслей и забыть про ужас реальности, размещённый на двадцати компактных страницах.

Прикончив суп из консервной банки, Майкл направился в дальнейшее путешествие. Он шел теперь через дворы, пытаясь далеко обходить всевозможные улицы и прочие открытые пространства. Предыдущая встреча с чудищем ему сильно не понравилась, и, он не будет рад, если очередной раз столкнётся с новым знакомым. Скорее всего эта встреча будет последней, и, было понятно, для кого именно. Дальнейший путь был не близок; огромное количество домов были заперты, а Майкл не хотел привлекать к себе внимание грубо разбивая окна и двери, в надежде оказаться внутри. Он лишь входил туда, где двери были гостеприимно открыты и не заперты. В дни, когда альфа-хищники вторгались в города, они встречали только единичные скопления людей, которые или пытались прятаться, или осознавали своё плачевное состояние и не надеялись на какой-то счастливый исход. Большинство же людей стремились слепо спасти себя и близких. Они покидали дома, пытаясь добраться до военных баз и огромных подземных бункеров. Поэтому очень много машин и провизии можно было найти там, где меньше всего их ожидается увидеть при наступлении конца света — на глухих дорогах и в лесах.

Находясь в брошенных домах, Майкл искал еду и одежду. Местами он представлял, что встречал ещё живых жителей и делился с ними новостями. Затем, они все вместе садились за стол и ужинали. Эти приятные люди были вежливы, и культурно делились последней едой с нуждающимся. Некоторые дома представляли из себя немые картины того, как именно люди пытались бороться за жизнь. Где-то были грубо выбиты окна, а на стенах виднелись засохшие багровые пятна, где-то полы комнат были усеяны остывшими гильзами и опустевшими обоями. Пыльные пустые полки так и намекали, что здесь когда-то стояли семейные фотографии.

Этап сбора занял у Майкла больше недели, ведь ему понравилась такая жизнь, даже несмотря на то, что он ощущал себя *настоящим* вредителем.

В один из ничем не примечательных дней, когда Майкл медленными темпами приближался к границе города и надеялся вскоре покинуть его, он заметил небольшую стаю птиц, что кружила над каким-то дальним высоким шпилем. Хотя прямые лучи солнца уже давно не падали на землю, но что-то на той вершине всё же светилось и бросало отблески. Казалось, что это настоящий маяк, что зовёт к себе выживших. Это была слабозаметная, но приятная на вид точка, что била в глаза и становилась желанной, как для пирата гора сокровищ. Птицы над шпилем молча кружили в небе, словно их вело остаточное воспоминание о том, какой приятной была жизнь при людях. Пока Майкл медленно пробирался в сторону странного свечения, то наблюдая за всей ситуацией не заметил ни разу, чтобы на протяжении нескольких часов птицы или начинали садиться, или издавали хоть какие-то звуки. Ему показалось это странным, но он был уверен в том, что они не просто так выбрали это место.

Вскоре Майкл покинул огромную сеть домов и улиц, и вышел в небольшой парк. Точнее, это место когда-то было парком, ухоженным и аккуратным кусочком природы в темнице каменных зданий. Теперь же эта маленькая площадь представляла из себя ужасно заросшую чащу; большинству растений даже удалось покинуть асфальтный барьер и

разрастись за пределы старой территории. Это место могло быть идеальным домом для маленьких и средних зверей, стать им раем, только в гущах этого клубка ветвей и стеблей никто не жил. Пробираясь с боем через толстые и густые заросли, Майкл ощущал себя словно в ловушке, — он был полностью окружен со всех сторон, и, в этот неприятный момент он мог попасться к кому угодно. Через несколько минут Майкл вышел на более открытую площадь, где увидел, что высокий шпиль стоял на крыше католической церкви.

Глава 2. Дом для брошенных

Глава 2. Дом для брошенных

Здание церкви оказалось ещё больше, чем, когда Майкл только начал подходить к нему. Было ощущение, что высокий шпиль, идущий вверх из колокольни, доходил даже до тёмных туч, растворяясь в их потоке. Она была окрашена в белый цвет, и сильно выделялась среди зелёных деревьев и тёмных туч. Она оставалась чистой, нетронутой, девственной, и словно сияла, так же ярко, как и её высокий шпиль. Только сейчас, находясь перед всей постройкой, Майкл заметил, как на верхушке красовался большой золотой крест, что было даже неувидительно.

Само здание снаружи казалось нетронутым ни человеком, ни каким-либо другим живым существом. Среди окружения оно выглядело настолько ни к месту, что казалось опечаленным из-за того, что его забыли, бросили на растерзание безжалостной природе, растущей в каких-то нескольких метрах. Через пару лет, белые стены церкви покроются зелёной тюрьмой, и навсегда погребут за собой не только идею самого здания, но и то, что когда-то оно несло в себе. Раньше, оно радостным звоном колокола встречала пришедших за помощью людей, а также тех, кто соблюдал еженедельные службы. Однако, несмотря на всю тяжесть неизбежного будущего, сейчас здание выглядело тихо и умиротворённо; можно было встать под определённым углом, и заметить, как спокойно стёкла-глаза поблёскивают под едва спадающими лучами света. Несмотря на всё, само здание было одиноко, точно так же, как и Майкл.

Каменные ступени к двери были покрыты комьями грязи и осколками стекол и щебня, местами на земле лежали гильзы и прочий мусор; все окна первого этажа были заколочены. У Майкла не было возможности посмотреть внутрь, и оставалось только открыть дверь. Он всё же трусил протянуть руку к двери или постучаться; путник продолжал смотреть на церковь, вдохновляясь тем, как прекрасно она выглядит, несмотря на прошедшие года. Её углы были острыми, подчёркивая объём и изящность; фронтоны украшены скульптурами ангелов и арф. Помимо всего, сам шпиль можно было посчитать отдельным произведением архитектурного искусства, — он выглядел как высокое рыцарское копьё, что стремится разрезать небесный свод. Оконные рамы имели тёплый синий цвет, что напоминало о чистом и спокойном небе. Подобные церкви встречались часто, и это походило на самый красивый экземпляр. Настоящий памятник. Стоя перед этим гигантом, возникал лёгкий страх, похожий на тот, что испытывал Майкл, стоя недалеко от зверя, который гнался за ним. И он сравнил церковь с чудовищем, от которого бежал. Если бы, то существо ещё раз поднялось на задние лапы, то смогло бы быть в половину церковной башни, а подняв мускулистые лапы, так и вовсе сравниться с ней.

«Что было со всеми людьми, что пришли сюда в час нужды?» — подумал Майкл. Он представил, как в час страха и всеобщего побега человечества, определённая часть людей собралась внутри знакомого здания, чтобы держать последний оплот человечества или просто просить Бога о спасении. Внутри действительно могли быть люди, но сейчас там было слишком тихо, словно теперь это был склеп, выглядящий как церковь. Майкл начал опасаться того, будут ли ему рады жильцы здания, живы они или нет. Ему ранее уже доводилось встречать недружелюбных личностей, и он понимал, что, войдя внутрь навсегда разделит свою жизнь на «до» и «после».

Обернувшись через плечо, Майкл последний раз оценил обстановку и те шансы, что представлял ему мир. Позади стоял тот же парк, через который он с большим трудом пробрался на территорию церкви. В этот момент деревья выглядели странно: они словно составляли сказочный лес, пройдя через который, он оказался в совершенно другом месте. За этой зелёной стеной не виднелись ни столбы электропередачи, ни крыши зданий, ни трубы. Майкл даже был готов поверить, что магическим образом отправился в далёкое прошлое, если бы не видел рядом с церковью автомобильную парковку с парочкой машин.

Стоящие в огромном зелёном море деревья смотрели на Майкла с нотками скорби и сочувствия. Конечно, они не могли этого сделать, но он ощущал в себе слабость и стыд, когда смотрел прямо на деревянных гигантов. «Пути назад нет», — сказал он себе, словно читая надуманные мысли парковых завсегдатаев. Именно с этими мыслями он решил открыть дверь.

Церковь оказалась заперта. Майкл даже был готов сразу же постучаться, чтобы хоть как-то заявить о своём присутствии и добром намерении, но остановился, посчитав, что его попытка пройти через запертую дверь уже привлекла достаточно внимания.

«Конечно, очень опасно оставлять главный вход открытым, это же глупо... Скорее всего путь где-то в другом месте», — обнадеживающе рассудил он. Майкл решил обойти церковь по кругу, чтобы посмотреть на другие возможные пути внутрь. Со стороны колокольни была дверь, но она выглядела более заброшенной, чем главный вход. Все окна были закрыты ставнями или заколочены толстыми досками. Ничего не намекало на то, что внутрь есть другой путь.

Майкл вернулся обратно к красным дверям на крыльце. Он сразу начал думать о том, каким образом может оказаться за каменными стенами, и в какой-то момент он пришел к идее, что механизм главной двери просто заел. Первая попытка выбить преграду не удалась, не было слышно ни треска, ни шороха, даже не показалось какого-либо зазора. Дверь всё ещё стояла крепко, а плечо Майкла медленно начало болеть. Второй и третий раз также не закончились успехом. Когда же он решился на четвёртый раз взять удар тараном с большой скоростью, то отошел подальше, пока не поравнялся с деревьями. Другие решения о проникновении внутрь особо в голову не приходили, и мужчина пытался исполнить единственно верный замысел. Пока дверь мчалась навстречу Майклу, — как и он навстречу ей, — он быстро оценивал шансы, и составлял новые предложения и планы. После удара Майкл или окажется внутри, или заработает себе перелом. Когда же до двери осталась пара метров, то она неожиданно открылась. По ту сторону, едва не сорванной с петель преграды, стоял странный старик, державший в руке самодельный дробовик. Это было настолько измененное оружие, что казалось в несколько раз более убойным, чем заводские модели.

— Ещё раз, и я сделаю с тобой то же самое, — сказал он, угрожающе смотря на гостя.

Майкл едва успел остановиться, и чудом не врезался в вышедшего человека. Ещё бы чуть-чуть, и он сбил бы того с ног; вооруженного незнакомца это не смутило. Они оба непоколебимо стояли дальше на крыльце здания. Суровый взгляд и уверенная поза вышедшего человека выглядели так, словно сам хозяин вышел на защиту дома. Так оно на самом деле и было: воротничок выдавал в нём бывшего священнослужителя. Это был священник с дробовиком.

— Вы живы?! — удивлённо и радостно воскликнул Майкл. Он не мог сдержать улыбку на лице.

Суровый взгляд покинул священника. Теперь он демонстрировал смущение и

раздражение.

— Да?.. — сказал он, не зная, что именно ему стоит говорить, и как реагировать на происходящее.

— Я так этому рад! Я был готов поклясться, что внутри никого нет. — Майкл сделал несколько уверенных шагов вперёд, но остановился, когда священник поправил своё оружие, нацеливая его ровно в грудь пришедшего. — Прошу прощения, это выглядит ужасно, но я просто ищу убежища.

— Мне жаль, — ответил старик. После этих слов он медленно начал возвращаться обратно внутрь, но был остановлен.

— Прошу вас! Разве у вас нет внутри других людей, которые нуждаются в помощи? Поймите, я ослаб не только физически, но и духовно... у меня ничего не осталось, я нахожусь на грани гибели. Я уже потерял все свои пожитки. Пожалуйста, помогите мне! — Майкл упал на колени перед священником, умоляя смотря в глаза, пытаюсь не заплакать.

Только сейчас ему удалось взглядеться в лицо священника: старик стоял в полутьме неосвященной церкви, и его фигура выглядела ужасающе, словно он сам является одним из тех чудовищ, что бродят по земле. Сам по себе он не выглядел особо уставшим или обессиленным; он был ухожен, чист, и скорее всего, питался, не сдерживая себя в тратах. Однако его лицо выглядело так, словно этот человек не отпускал людям грехи, а провоцировал их. Такой вид, каждый встречный мог спокойно назвать «бандитским». Сам он был старым и лысым, весь покрыт морщинами, с слегка обвисшими щеками. Его жилистая кожа на шее также свисала; глаза были таинственно пустыми. Старик не смотрел на Майкла с добротой или искренностью, теплом или желанием помочь. Это были большие и чёрные бездонные дыры, от которых хотелось только в панике бежать. Именно глаза священника были страшным оружием, а не всё, что он имел и в руке, и за своей спиной. В тот момент Майкл получил очередное предупреждение из глубин своего сознания: «Он опасен».

После всего увиденного и пережитого что-то сломалось внутри Майкла. Он уже не знал, что ему делать и думать; он снова оказался в тупиковой ситуации, и не представлял, как из неё выбраться. Человек перед ним действительно выглядел опасным, но такой вид и должен быть у тех, кто ежедневно борется за право жить. А стоящий перед ним старик был способен противостоять любой силе. Используя при это не только свою веру, но и хороший дробовик. Майкл одновременно ощущал от собеседника не только опасность, но и силу защитить достойных. Оба эти чувства сталкивались друг с другом и смешивались во что-то более пугающее и противоречивое. В этом странном коктейле невозможно было понять, какое из чувств сильнее.

Священник посмотрел через плечо назад, внутрь церкви. Он словно смотрел на кого-то, кто мог подать ему сигналы, дать совет касательно ответа и дальнейших действий. В момент, когда Майкл потерял с собеседником зрительный контакт, он понял, что изнутри здания до сих пор не слышал никаких голосов или звуков, словно внутри никого и не было. Он слегка наклонил голову вбок, чтобы посмотреть внутрь, но темнота святой утробы не позволила сделать этого.

— Давно из моей паствы никто не навещал меня... Я уже соскучился по простым людям, по их проблемам и мечтам. Иногда наступают моменты, когда я сильно тоскую по старым дням, когда всё было спокойно и тихо. Сейчас, рядом нет никого, с кем можно было поговорить... я совершенно одинок; а вокруг только тишина. — Старик замолчал и

посмотрел на небо. — Они ждут от меня помощи и еды. Но я даже нос боюсь высунут наружу.

— Позвольте тогда мне жить с вами; я смогу составить нужную вам компанию, и вам не будет больше одиноко. — Майкл продолжал умолять священника, чтобы тот пустил его в защищенное место. Он был уверен, что внутри найдёт достойную защиту и приют. Старик только печально посмотрел на Майкла, и начал возвращаться обратно внутрь. — Прошу вас! Я сделаю всё, что попросите!

Эти слова заставили священника остановиться. Он резко обернулся к собеседнику, словно услышал от него какую-то заветную команду, разрешение, которое никто и никогда не должен произносить на этой земле. В глазах его пролетела тень сомнения, а на лице мгновенно образовалась улыбка, которая тут же исчезла. Он попытался усилиями спрятать её, из-за чего его лицо ещё сильнее скукожилось.

— Я могу тебя кое о чём попросить, что ты можешь посчитать странным... — неожиданно сказал старик.

— Я готов на всё.

Священник посмотрел на незнакомого, как на своего спасителя, а затем кивнул в сторону внутренних помещений.

Ничего более радостного для Майкла не было — он добился своего. Теперь ему было понятно, что он сможет выжить, сможет отдохнуть. Майкл давно так не радовался, как сейчас. Вместе они зашли внутрь.

Если коротко описать то, что Майкл увидел, то можно просто ограничиться одним словом: *дыра*. Церковь изнутри не походила на другие, как принято их обустраивать и рисовать на картинах: вокруг царила разруха и темень, грязь и вонь. Запах же в помещении имел самые странные примеси, которые гость никак не мог определить. Майкл начал представлять, словно он оказался не в церкви, хоть даже и той, что переживает апокалипсис, а в настоящем притоне. Он не удивится, если здесь ему попадётся бывший наркоман, проститутка, бездомный, или даже кто-то гораздо хуже. Хотя, отчасти он и сам не в лучшем положении, чтобы судить кого-то, как и большинство других людей. Майкл не имел никакого права осуждать за то, что обездоленные пытаются всеми силами бороться с тем горем, которое повстречалось им, какое бремя они вынуждены нести, чтобы хоть как-то продолжать жить и надеяться на лучшее. Человека, который связал свою жизнь психотропными веществами, он пожалеет, на ночную бабочку посмотрит с грустью, а бездомного назовёт братом.

Однако, как бы долго Майкл не пытался представить тех, кто мог жить внутри церкви, он так никого и не увидел. Через несколько минут попыток вглядываться в дальние углы и горы мусора, старик заговори, чем и разочаровал нового гостя:

— Здесь, уже как год, никто не живёт.

Майкл удивился такому ответу. Неужто никто и не думал о том, что даже такое здание может быть пригодным для жилья, или же священник всех отгонял, пока страх одиночества всё же не победил страх встречи с незнакомцами.

Проходя вглубь зданий, Майкл всё сильнее оценивал окружающий его хаос: все имеющиеся для прихожан скамейки были разобраны на доски, ими же и заколотили окна, некоторые ушли на отдельные баррикады у дверных проходов. Главный зал был пуст, кроме мусора в нём ничего не было. Только высоко под потолком болталось слабое напоминание о былом величии этого места — огромного размера крест. Массивное напоминание о великой

жертве спасителя свисал на единственной ржавой цепи, которая постоянно скрипела, и выглядела более устрашающей, чем всё, что когда-либо видел Майкл. Где-то лежали использованные пакеты и пищевые обёртки, разорванные куски ткани и изношенная одежда; пол был покрыт странными разводами и пятнами. Майкл сразу предположил, что священник скорее всего спит в кабинете, который обустроен для личных нужд.

Хоть пара и прошла достаточно большое расстояние от главного входа, но старик всё же не пытался убрать дробовик, или хотя бы спрятать его, а не держать в паре сантиметров от Майкла. Вскоре новоприбывшему предложили разобрать ранец и поделиться пищей, но тот извинился, сказав, что у него нет ничего с собой. Священник только недовольно фыркнул и продолжил путь вглубь здания.

— Давай я тебе покажу, где ты можешь спать. — С этими словами он зашел за книжную стойку, под которой была лестница в подвал. Майкл начал спускаться вниз, вместе со своим провожатым.

— Я могу помогать вам в обустройстве обороны, или ходить по домам и добывать еду. — Майкл предлагал помощь в чём угодно, планируя уже завтра доказать то, что старик не ошибся, приняв к себе нового человека.

Священник только ответил отрывистым: «ага». Он не выглядел, и тем более не звучал заинтересованным в том, что предлагал и планировал гость. В его голосе звучала нотка раздражения и недовольства.

Оба они спустились в подземный тоннель, который был едва освещён лампами на потолке, и, казалось, словно он сливался с самой темнотой, вглубь которой уходил до бесконечности. В разрезе этот тоннель имел форму полукруга, и самая высокая точка бетонного потолка составляла целых три метра, здесь мог спокойно проехать даже грузовой автомобиль, за исключением особо габаритной техники. Внутри было темно и тихо, только эхом отвечал подземный тоннель своим гостям, имитируя их медленную поступь. Майкл со священником шли не разговаривая друг с другом. Их путь был таким долгим, что новоприбывший успел сбиться со счёта секунд, и не выдержал напряженной атмосферы.

— Откуда здесь этот тоннель? Он довольно длинный, и тем более расположен под церковью.

Священник не сразу дал ответ, а некоторое время молча продолжал идти дальше, словно вспоминая то, что сам когда-то слышал.

— Он ведёт к военной базе, а его протяженность составляет около пяти километров, и уходит далеко на восток. Здесь есть несколько помещений. В одном из них ты сможешь спать.

Что-то в ответе провожатого не понравилось Майклу; с первых слов мужчина заподозрил неладное. Он мог бы составить целый список того, что ему не нравится, начиная от того, что всё выглядело как экранизация старой городской легенды про призраков, и заканчивая не состыковками в словах путеводаителя. В голове сразу всплыло только несколько моментов: во-первых, они идут сейчас не в сторону востока, а запада; во-вторых, если этот тоннель связан с военной базой, то почему же он не занят солдатами или другими беженцами? Почему на стенах нет отображений или указателей? почему всё так чисто и заброшенно? К тому же, и тоннель, и база, должны быть доверху набиты людьми или ресурсами, или хоть чем-то, что могло намекать на наличие всего перечисленного ранее. Тоннель из себя больше представлял какой-то тайный проход, сделанный руками обычных людей для собственных нужд, нежели в интересах армии и государства.

Майкл всё же не решился задавать эти вопросы и указывать на ошибку священника, но ему не давали покоя некоторые факты существования этого тоннеля: даже если бы слова старика были ложью, то они должны были быть хоть от части правдивы, чтобы хоть как-то подкрепить основу лжи.

— То есть можно по этому тоннелю добраться до самой военной базы?

— Не совсем. Тоннель давно обрушился в паре километров от церкви. Там теперь огромный завал, через который просто так не пробраться.

— Вы не думали его расчистить? Я могу, если так откроется возможность дойти до военной базы.

— Не стоит. Он... завал огромен и выходит на поверхность. Расчистив его, откроется проход внутрь.

Майклу хватило такого ответа, чтобы насытить свою любознательность, но всё же ему было интересно самостоятельно посмотреть на тот завал, чтобы оценить возможные решения этой проблемы, если она реальна. Параллельно этим размышлениям, он продолжал смотреть по сторонам. Ещё сильнее его напрягал тот факт, что нигде не было никаких признаков того, что где-то могли располагаться люди или тяжёлые ящики с провизией или оружием; на протяжении уже сотен метров, не было ни одного любопытного знака. Майкл не успел заметить, как обогнал провожатого и шел впереди.

— Вторая дверь налево, — сказал священник хриплым голосом.

Майкл посмотрел на старую железную дверь, которая выглядела очень крепко. Что-то говорило ему, что внутри далеко не комната для гостей. Было ли то предостережение от самого бога, который наблюдал за тем, кто прошел через его храм, или интуиция в совокупности с паранойей били тревогу в испуганном разуме. Доверие и спокойствие Майкла постепенно растворялось. Его будто схватили невидимые руки, когда он подошел поближе к указанной двери. Внутри открывшегося помещения было темно, а от железных пластин веяло неприятным холодом.

— Я не зайду внутрь, — возразил мужчина.

— Очень жаль, — ответил старик, передергивая цевьё дробовика, — но ты зайдёшь.

Майкл не стал оборачиваться к собеседнику. Он просто спокойно представил то, как священник нагло целится в него из оружия. Майкл уже пропал, погиб, попал в ловушку, из которой ему точно не выбраться. Переступая порог церкви, он вошел на территорию кладбища; спускаясь по ступеням вниз подземного тоннеля, он спускался в свой собственный склеп. Осталось только войти в гроб.

— Если вы выстрелите в этом помещении, то оглохнете. — Майкл решил всё же не сдаваться; он начал сопротивляться давлению со стороны старика тем, что имел под рукой. Под рукой у него находилось только то, что он мог вести себя максимально нелепо и не целесообразно, чтобы сбить с толку противника. Годы чтения сборников анекдотов сильно извратили чувство юмора.

— Зато ты лишишься головы. — Ненастоящий священник, или просто сошедший с ума священнослужитель, явно имел богатую выдержку, не поддаваясь на провокации. Он был готов ко всему, даже к тому, что его жертва начнёт играть роль шута.

— Это не богоугодно...

— К чёрту его... Живо внутрь! — рявкнул старик, осознав, что жертва просто тянет время.

Майкл всё же решил поддаться *переговорам*. Открыв дверь в неосвященную комнату,

он начал задумываться о том, что подействовало на него сильнее? уговоры святого отца или его 12-ти калибровый друг?

Комната была ещё хуже главного зала церкви. Это была сплошная темень, налипшая на все шесть границ. Только где-то вдали напротив двери виднелся блеск от чего-то металлического. Это была скорее тюремная камера, чем что-то цивилизованное и обыденное. Воздух в ней был — правда — более приятен, чем в любых других помещениях.

— На эту комнату я пожалуюсь вашему начальству. — Майкл явно не собирался останавливаться в попытках смутить своего «недоброжелателя». Стоя перед бездонной пропастью под названием Смерть, он ощущал более сильное вдохновение шутить. Майкл даже не находился в конфуженном состоянии, и был способен дальше сохранять спокойствие.

— Ещё одна шутка, и твои мозги будут свисать соплями с потолка! — Старик начинал терять терпение, но всё ещё держался чтобы не нажимать на спусковой крючок.

— ...думаю, люстра здесь действительно не помешает. — Майкл уже сам подумал улыбнуться от своего остроумного ответа, но вместо этого, рядом с ухом разнёсся оглушительный треск.

Вооруженный старик выстрелил из дробовика. Была ли тому виной холодная расчётливость или удача, но основная масса дроби прошла в сантиметре от головы Майкла. Все дробины попали в каменные стены, высекая из них искры с осколками камней и пыль. Вся эта сыпучая субстанция сразу же начала опадать на пол. Как бы Майкл не думал облегчённо выдохнуть из-за косога выстрела неприятеля, но своей неуязвимостью он похвастаться не мог: одна из дробинок прошла через ухо, разорвав ушную раковину. То, что ранее было ухом, отлетело куда-то вдалеке комнаты. У старика всё же была дьявольская точность.

Майкл бы и дальше стоял, как вкопанный, точно так же, как и стоял в самом начале посещения злосчастной комнаты. Но его смутил иной факт, который и заставил его действовать совершенно иначе, изменить поставленный принцип куража перед мукой и смертью. Сразу после выстрела из соседней комнаты послышался неожиданный глухой плач. В чьих-то воплях, Майкл слышал ребёнка.

— Ладно, ладно, дядя. Успокойтесь. — Майкл даже демонстративно поднял руки, выказывая полное подчинение.

— Хоть что-то умное сделал, — пробурчал старик, — а теперь иди к стене напротив, и одень оковы.

Майкл поступил так, как ему приказали. Напротив главной двери, из стены, действительно торчало кольцо, из которого выходила цепь с тяжёлыми оковами. Он скрепил свою левую ногу, и, зафиксировав размер ключом, кинул его старику. Вслед за этим, он лишился почти пустого ранца, в котором ничего не было, кроме пары вещей. Они точно не пригодятся священнику. Были вывернуты все карманы, вслед за рюкзаком исчез складной нож и коробок спичек. Майкл надеялся, что его заключение ограничится только одними оковами, но старик вынудил его обернуться, и сковал руки наручниками. Теперь у Майкла не было возможности ни отойти дальше метра от стены, ни выставить руки перед собой, ни почесаться, где хочется и где надо. Надежды на освобождение или побег таяли на глазах. Параллельно всем подготовками, кто-то всё ещё не переставая продолжал плакать из соседней комнаты.

— Я думал, что мы друзья, — печально сказал он старику.

Вслед за этими словами, Майкла ударили в челюсть, из-за чего тот упал на пол. Удар был не сильным, — старики не могут бить сильнее дородной десятилетки, но этот удар был неожиданным, из-за чего мужчина и потерял равновесие.

— Вот теперь, мы друзья, — ответил старик. Он уже предвкушал то, как будет забавляться со своей новой «игрушкой».

Жертва его удара продолжала лежать на полу, словно сразу же потеряла сознание. Старик сказал что-то невнятное себе под нос и начал удаляться. Майкл оставался на полу. Он осторожно наблюдал за тем, как поведёт себя его новый приятель. Место удара слегка ныло, но было легко стерпеть нарастающую боль, которая ни за что не сравнится с тем, как пару дней назад ему удалось пролететь через канализационный колодец.

Не старик вышел победителем в этой небольшой схватки, а Майкл; он позволил своему обидчику ощутить силу и превосходство. «Пусть будет тешиться тем, что я ему даю» — думал он. Как бы странно и однотипно не выглядела вся ситуация, но Майкл был в чём-то прав. Поднявшись на колени, он прильнул ухом к стене, со стороны которой слышал плач.

Звуки из соседней комнаты прекратились. Майкл даже не успел заметить, когда это произошло. Он слышал их до того, как его ударили, но после сразу же погрузился в мысли, которые с лихвой заглушали посторонние шумы. Что же это было? Наваждение? Другой пленник? Призрак?! Майкл не знал. Он мог только догадываться.

Он сидел у холодной стены, продолжая вслушиваться в то, что происходит за ней. Даже непрекращающаяся боль от искалеченного и кровоточащего уха не могла остудить пылкий интерес.

Через минуту события начали развиваться дальше. В другой комнате кто-то начал резко хрипеть, словно пытаясь отдышаться от нехватки кислорода. Сразу после этого раздался глухой удар — кто-то упал на пол. Майкл продолжал сидеть и подслушивать. Единственное, что он смог разобрать в какофонии звуков, так это короткую фразу уже знакомого ему человека: «надеюсь, я доступно объяснился». Дальше послышался грохот закрывшейся железной двери и удаляющееся эхо шагов.

— Ты в порядке? — попробовал заговорить с незнакомцем Майкл.

Человек из соседней комнаты не ответил.

Пленник прислонился спиной к стене. Он начал обдумывать всё, что произошло с ним за последние несколько минут, — взвешивал шансы на побег и оценивал обстановку. В его темнице было темно. Только тусклый свет проникал внутрь комнаты через щели вокруг двери и одинокую замочную скважину. Всё остальное пряталось где-то вдалеке, в той самой всепоглощающей тьме, которую нельзя почуять или измерить. Не было возможности оглядеться и найти что-то интересное или полезное. Даже тогда, когда Майкл только вошел в комнату, он ничего не мог увидеть вокруг, только слабый блеск цепей.

Он поднялся на ноги, чтобы оценить длину своего ограничителя и пройтись вдоль доступных границ. Зачем он здесь? Для чего он нужен старику? Майкл задавался вопросами, которые даже от его лица были загадкой. Только после возвращения его тюремщика он сможет найти ответы. Под длительными размышлениями, он предположил, что его будут использовать как рабочую силу. Такого настырного слугу, как Майкла, невозможно будет отпустить за припасами в город, ведь он может сбежать или вернуться с мыслью расправы; копать тоннель тоже невозможно, — старик боится прорыва чудовищ. Все эти мысли не давали пленнику покоя.

Ещё раз обойдя дозволенные границы, он ничего нового не нашел. Потолок был высоко,

и до него нельзя было дотянуться. Стены были гладкими, и местами сырыми от влаги. В некоторых местах остались выбоины от попавшей в стену дроби. На земле не было ни единого снаряда — скорее всего они были глубоко в бетоне. Вбитое в ту же стену стальное кольцо, не поддавалось попыткам вырвать его с корнем. Сталь была крепкой, на ней не было зазубрин и царапин. Значит, Майкл был первым пленником этой комнаты. Он также нашел кусок своего уха, который с отвращением отшвырнул в другую сторону помещения.

Мысленно он нарисовал схему помещения, и то, что и где находится: это была небольшая коробочка, предположительно девять квадратных метров. Майкл мог бы достичь железной двери, но только при условии, что лежа будет тянуться к ней. Ему не удастся подойти к двери или устроить у неё засаду; у него не получится спрятаться в комнате, где нет ничего кроме железных цепей и бетонных стен. Но оставался только один небольшой вопрос: кем является человек из соседней комнаты?

Закончив обследование своих хором, Майкл отошел к прекрасно знакомой стене. Сев спиной к ней он ощутил окутавшую его дрожь. Всё вокруг было влажным и холодным. Ему повезёт, если он умрёт не от какой-то неудачно свалившейся на него болезни, наряду с простудой или пневмонией.

Это была скучная и тихая тюрьма, где нельзя было отвлечь себя каким-нибудь монотонным звуком; вся комната была, словно гигантский иссохший череп, внутри которого ничего нет. Майкл уже сбился в ощущении времени — он привык познавать себя и связь со всем через окружение. Раньше, каждая секунда равнялась умеренному шагу или пролетевшей в небе птице. Расстоянием были быстро или медленно сменяющиеся друг друга пейзажи. Но сейчас он был в темноте, которую невозможно познать. Так, Майкл начал выпадать из своей реальности. Выпадать из жизни.

— Меня зовут Майкл, и мне двадцать пять. Я родом из восточного округа. Оттуда, где вдоль рек стоят громадные ивы, а леса переполнены ясенями и пихтами. Когда я был маленьким, то мне казалось, что эти исполины касаются самого неба, тем самым придерживая его от падения. Среди всей этой древней живности у нас есть один, самый знаменитый, о нём даже почти весь мир знает. Его называют — Дальгарбур. Это огромный дуб, которому более десяти тысяч лет. Как вспоминаю, так сразу вижу его перед глазами. Забавно, но вокруг него растут почему-то только жёлтые цветы. Когда-то летом, я вышел к дубу, и, на закате вся поляна преобразилась в огненное поле, переполненное от края до края только цветами. Они слепили своим видом, обжигали прикосновением, опьяняли запахом. Там был адонис, ветреница, вербейник, зверобой, альстрёмории и магнолия. По словам ботаников, многие из них не могли жить бок о бок друг с другом, так как некоторые виды были сами по себе более доминирующие, но им это не мешало. Они словно были все заодно, как одна большая семья, во главе с Дальгарбуром. Я даже в детстве слышал историю, что где-то там, в поляне на земле, лежат разбросанные золотые монеты. Если кто-то и отправится охотится на них, то исчезнет навсегда. Так, поляна и оберегает всё, что находится в её пределах...

Я жил в километре от этого маленького рая, в двухэтажном доме. Комнат, конечно, в нём было мало, но вся моя семья чувствовала себя там уверенно и свободно. Я жил с женой, матерью и отцом, сестрой, двумя братьями и дедушкой. И это только считая людей — у нас было ещё две кошки и собака! Казалось, что там можно было просто задохнуться от нехватки свободного пространства, но нет... Как ни странно, но мой дом умудрялся даже пустовать. Представить невозможно, чтобы одиннадцать жильцов одновременно имели дела вне дома.

Сейчас, я бы всё отдал, чтобы хоть минуту провести за совместным ужином, слышать радостные крики братьев и сестры, смотреть на светлое лицо жены, ощущать на коленях тёплый и урчащий комочек, слышать разговоры родителей и байки дедушки.

Они были самыми обычными. Нашу семейную фотографию можно было легко спутать с любой другой... но для меня она была самая необычная. Мой отец работал на машинном заводе и создавал тракторы, и прочую сельскую технику. Каждый вечер после работы он встречался с друзьями со школы. Этот обычай длился целых тридцать пять лет. Мать была продавцом в продуктовом магазине, а после него она уходила в парк кормить птиц. Мой дедушка был генералом — он прошел две войны и вернулся без одной ноги. По большей части ему нравилось сидеть дома, но иногда и его там не было. Насколько я знаю, он навещал ветеранов и других стариков, чтобы скрасить их одиночество. Младшие были самыми активными: они были противоположностью взрослых, и, держали тот самый хрупкий баланс, который не позволяет молодому превратиться в старика. А моя жена... она была как горная речка. Тихая. Мирная. Её взгляд мог казаться холодным, но как только её узнавали поближе, то казалось, что больше в жизни не встретишь никого более ласкового и приятного. Я люблю их, и их частички всё ещё со мной.

Я не могу остаться в этом ужасном месте. Я должен бежать! Я живу дальше, чтобы сообщать всем, насколько прекрасной была моя семья. Если я останусь здесь, то они *погибнут*. Я найду способ уйти, ради них, и ведь я даже не знаю, что делать. Я... уже несколько месяцев не видел никого живого, кроме этого, злого старика. Я не бессмертен... Легко может случиться такое, что я просто пропаду, а мы ведь живём не в самом безопасном мире. Легко говорить о безопасности, находясь в тюрьме под церковью... Может, просто повернуть обратно, вернуться домой, попытаться восстановить всё и жить, как раньше. Я люблю свою семью, но я сомневаюсь в том, чего они хотели бы для меня. Мертвецы не требовательны.

— Тебе больно? — раздался голос из соседней комнаты.

Майкл даже опешил от удивления. Во время своего монолога он уже пришел к мысли, что ему всё время казалось то, как в соседней комнате есть кто-то живой. Да, он слышал звуки, но они могли быть своего рода галлюцинацией. Он промолчал, так и не дав ответа. Он уставился на стену, словно это она задала ему вопрос. Сомнения толкали его из крайности в крайность. Дать ответ на вопрос, который, казалось бы, мог ему почудиться из-за скуки и одиночества, и окончательно сойти с ума, или, признать свою слабость и отбросить собеседника, но пасть в бездонную тьму страха и самоистязания. В любом случае, в конце пути всегда будет ожидать безумие и одиночество.

— Да. — Майкл ответил слабому и невыразительному голосу, желая ещё раз услышать его.

— Боль неизбежна — она есть у каждого. Кто-то торгует ею, кто-то делится своей или стремится познать чужую. Твоя боль огромный рассадник, который всё сильнее и быстрее множится внутри. Чтобы избавиться от неё, надо уничтожить корень.

Майкл попытался определить того, кто говорил по другую сторону холодной стены. Всё же ему удалось прийти к выводу, что в другой комнате находился ребёнок или девушка. Майкл ответил не сразу; между ними возникла пауза, которую никто пока не торопился нарушать. Каждая новая секунда рождала новый вопрос, на который он хотел получить ответ. Но он всё же не знал, как правильно подступить к своему собеседнику. Даже если это наваждение, то искалеченная фантазия Майкла способна сделать так, чтобы и это

маленькое чудо исчезло из жизни.

— Я вытащу нас отсюда, — пообещал мужчина.

Никто ему не ответил; ему даже показалось, что он всё-таки изначально был прав, и ему довелось говорить с настоящим наваждением. Он просто ослаб, и разум начал кормить его тем, что ему не хватало больше всего. Майкл приспустился на пол, теперь он полностью лежал на нём. Славный голос, который он ранее слышал, походил то на звук упавшей воды, то на свист ветра. Эта галлюцинация начала сводить его с ума. Неужели так долго он провёл взаперти и одиночестве, что не способен теперь совладать с самим собой? Майкл мог бы вернуться к реальному миру и ощущать его течение, если бы сам этот мир тёк вокруг него. Он слышал наваждение, ощущал его ласковые прикосновения к своему слуху. Но этот короткий диалог мог длиться часами, в чём всецело Майкл не был уверен. Злость и отчаяние поглощали его. Он стал таким же тусклым, как лампы по ту сторону двери, таким же холодным, как стены, таким же ужасным, как тьма.

«Спаси меня, моё безумие», — проговорил самому себе Майкл.

— Какое сейчас небо? — Этот голос вернулся. Он звучал одновременно, как удар грома, и как лёгкий писк. Страх и спокойствие сражались между собой, чтобы занять роль главенствующего чувства.

— Оно не менялось уже долгое время.

— Какое?

— Высокое. Тёмно-серое, как одеяло, окутавшее весь земной шар. Толстое и страшное. Даже здешняя тьма более спокойная и убаюкивающая.

— Через него видно солнце?

— Очень редко. Можно раз в день найти небольшой разрез в туче, через который просачиваются слабые лучи, но при общей картине они выглядят пугающе. Враждебно. Уже не тянет к ним, не хочется остановиться в этом столбе и погреться. Оно словно морозит, а не греет.

Майкл начал нервничать. В добавок ко всем старым неприятным и мучительным ощущениям, его охватила паника и злоба. Он ощущал собственную слабость, и ещё большее желание сохранить *это*. Будучи одиноким уже очень долгое время, он нашел для себя друга, помощника, собеседника. Но почему-то он был не рядом, а за толстой бетонной стеной. Лишь эта преграда твердила ему: «глупец! ты здесь один!», но к этим крикам никто уже не прислушивался. Майкл начал мечтать о том, чтобы перед ним предстал образ его собеседника или члены семьи. Он, быть может, смог бы взяться за них. Обнять. Большинство ощущений начали терять свои первоначальные свойства; ощущался неоткуда взявшийся лёгкий запах цветочной пыльцы.

Майкл провел рукой по полу и заметил, что цепи нет, она просто растворилась в воздухе. Поднявшись на ноги, он решил предпринять желанную попытку бегства! но железный змей одёрнул его назад, чудом не повредив ногу. В разуме витали самые разные сладострастные и приятные слова, но между ними просачивались и пугающие, и, это всё был лишь сон, одна большая слабость, повергшая его в темницу не только физическую, но и ментальную, поскольку реальность была более пугающей, чем образы в голове. Именно из-за страха и влечения продолжить разговор с кем-то за стеной, что-то то отталкивало, то притягивало его.

— Ты мне чудисься? — спросил он.

— А ты? Быть может, именно ты мне кажешься? — прозвучал голос в ответ.

Майкл опешил и поднялся на ноги, словно ударенный током.

— Я хоть и долго здесь нахожусь, но могу ещё понимать всё вокруг себя! Поэтому я знаю, что ты мне чудишься.

— Да, я из крови и плоти!

— А я — нет?

— Откуда мне знать, я тебя не видел.

— Как и я.

Майкл вытер взмокшее лицо о плечо, встряхнул голову, прикусил губу. Слабость, мучавшее его уже очень долгое время, спадала на мгновение, но возвращалось с новой силой.

— Это бред! это сон! — кричал он в никуда.

— Хочешь увидеть меня?

— Хочу...

— Тогда убей старика.

— Я не могу убить человека. — Майкл начал говорить сквозь слёзы, которые неожиданно накиннулись на него. Он сам не мог понять, что именно заставило его расплакаться. Был ли то сам факт того, что его ставят перед тяжёлым выбором, или же он начал осознавать собственные тайные наклонности.

Именно эта самая мысль, даже просто заключающая в себе смысл лишения жизни человека, была отвратительна и чужда. Несмотря на то, что с Майклом сделал лжесвященник, он почему-то стал для него дорог, словно они были знакомы всю жизнь. Он всё сильнее осознавал, что плачет от того, что перед ним действительно стоит такой страшный выбор.

— Чем дольше ты будешь думать об этом, тем скорее поймёшь, что он не человек.

Глава 3. Мученики

Глава 3. Мученики

Между Майклом и его собеседником не долго ещё продержался разговор: ему пришлось хорошенько обдумать последнюю новость. Он стоял перед нелёгкой задачей, любой выбор в которой мог кардинально всё изменить.

— Что он будет делать со мной? — поинтересовался Майкл.

— Что-то очень плохое.

— Ты не можешь сказать конкретнее?!

— Ты вскоре сам всё узнаешь.

— Хватит меня мучать!

— Ты сам с этим прекрасно справляешься.

Майкл обратно упал на пол. Он начал верить в то, что оказался в настоящем аду. Если темноту и холод он ещё мог пережить, то таинственный человек за стеной просто сводил его с ума, словно человек оказавшийся в схожей ситуации, будучи таким же пленником, не является Майклу другом, а был новым истязателем. С каждой минутой растворялось не только желание спасти горе-товарища, но и самому пытаться хоть что-то предпринять. Параллельно этому, мысль, что его собеседник всё же может быть плодом воображения, нежели кем-то реальным, казалась то правдоподобной, то нет. Майклу недостаточно идти на рожон и поступать необдуманно; ему следует изучить всё вокруг, и выждать время. Если, конечно же, у него есть это время.

Пришлось подождать порядком времени, перед тем как начало происходить хоть что-то новое. На протяжении долгого ожидания возвращения священника, Майкл просто лежал в углу и выжидал. Его устроил бы любой результат, любой шум, хоть что-то. Даже собственная смерть от обезвоживания была бы интереснее скучного томления.

В начале послышалось эхо, исходящее от неторопливой походки по тоннелю. Майкл даже в начале подумал, что ему очередной раз мерещится что-то странное, однако звук становился ближе и громче, а эхо уходило вдаль коридора. Осознав то, что нечто из реального мира идёт навстречу Майклу, он начал радоваться в предвкушении скорой встречи. Заключенный был счастлив от того, что снова слышит что-то реальное, что-то, в чём он может не сомневаться. Но чем ближе был источник звука, тем скорее эта радость исчезла, вместо неё вырос логичный страх. Эта быстрая перемена случилась из-за того, что навстречу Майклу шел именно тот человек, который и заточил его в темнице. Тот, кто вместо тёплого одеяла и лёгкой пищи, дал холодную камеру и тяжёлый кулак; человек, который возвращается к своему заключённому явно не для того, чтобы извиниться или поздороваться. Зловещие шаги были всё ближе и ближе.

Когда же кто-то подошел к двери, то закрыл собой единственные лучи света, что просачивались через зазоры. В тот момент Майклу показалось, что он ослеп. Теперь ничего не кричало ему о том, что он жив, и вокруг него будто исчезли все звуки. Вокруг осталась только царствующая тьма. В страхе он переполз к дальнему углу, где начал надеяться, что останется незамеченным. Это продолжалось долго. Слишком долго. Никто бы из людей не смог выдержать такой нескончаемой паузы, по крайней мере, именно с такими мыслями и мучился Майкл, пока его не ослепило яркое коридорное освещение.

Находясь в крошечной тьме, имея лишь маленькую каплю живительного света, любой

человек не только способен ослабеть физически и ментально, но и отчасти начать деградировать. В рассудке начинает пробуждаться примитивное, древнее животное, которое знает только две истины: свет — плохо; тень — хорошо. Когда тяжёлая железная дверь открылась, то на Майкла хлынул тусклый, но непомерно сильный и тяжёлый свет. Заключённый скукожился и начал прятать голую кожу, на которой и ощущал невидимое давление. Этот свет, к которому в самом начале Майкл стремился, беспощадно выжигал глаза, принося мучительную боль, даже отражаясь от стен. Он ощущал, как свет давит на него сквозь одежду.

— Однако здорово тебя потрепало за два дня. — Старик говорил гордо, он явно был доволен тем, что его игрушка оказалась достаточно крепкой.

Мучитель подошел поближе к мужчине, нагнулся над ним и поднял за волосы. Минуту он пристально вглядывался в его лицо. Он оценил всё, что только мог; его взгляд прошелся по лицу и телу. Старик смотрел на него как на товар.

— Превосходно. Выглядишь крепким, поэтому жить будешь долго... Очень долго. — Священник положил на пол буханку хлеба. — Подкрепись, сынок, я ведь скоро вернусь.

Майкл ничего не ответил, он даже не пытался всматриваться в старика, так как тот стоял со стороны света, и, смотреть в то направление было попросту невозможно.

— Знаешь, а ты достаточно громкий. Я даже начал уставать от того, что ты тут сидел и кричал всякую чушь. — Сказал тюремщик, перед тем как начать уходить из комнаты. — Я даже начал бояться, что ты сломался раньше времени.

Старик вышел, оставив своего заключенного в той же беспощадной тьме, в которой ещё пару дней назад заточил.

Майклу тяжело было поверить в то, что он действительно находился в заточении так долго. Ему казалось, что между его заселением и этим посещением прошло не больше пяти часов. Однако, это помогло ему понять кое-что о текущей ситуации: его мучитель знает, что делает, и он медленно подготавливает Майкла к чему-то ужасному.

Каждое новое предположение только пугало. Ещё сильнее рос страх по отношению к происходящему ужасу. Будучи оставленным наедине с самим собой, ему ничего другого не оставалось, кроме как думать и гадать. Он не понимал, что хуже, — то, что над всем человечеством нависла угроза, избежать и устранить которую невозможно, или то, что, будучи на волоске от полного исчезновения, люди становятся менее человечными. Хоть священник был первым, кто продемонстрировал при Майкле такую колоссальную жестокость, что-то всё-таки внутри него говорило, что это может произойти с любым встречным. Даже человек сильный духом пал настолько низко, что уподобился тем, кого даже в прошлой жизни ни за что бы не приняли за человека. Рождались догадки, словно все долгие годы жизни в обществе обошли старика стороной, улетучились за считанные месяцы страданий. То, что строилось десятилетиями, разрушилось за пару лет.

Урчащий желудок напомнил своему хозяину то, что он опустошен и требует еды. После нового часа раздумий, Майкл всё же решился поесть. Первоначально запах куска хлеба, что был любезно предоставлен тюремщиком, не понравился Майклу. Как только этот ломоть кинули на пол, то его запах постепенно стал наполнять всю комнату. Это был гнусный запах помоев, вторичной грязной воды и тухлятины. Были ощущения, будто эта «пища», — даже это слово в голове звучало отвратительно, — побывала где угодно. Она объехала весь белый свет, побывала в самой грязной канаве, и, только потом оказалось на запачканном полу темницы Майкла. Если бы ему удалось увидеть этот ломоть при более благоприятном

освящении, то его могло и вывернуть. Он надеялся, что отправленная ему еда хотя бы выглядит прилично. Всё же, перед тем как съесть этот «подарок», Майкл сопротивлялся так долго, как мог. Желудок его урчал всё сильнее и сильнее, особенно когда запах уже наполнил каждый сантиметр воздушного пространства. Боль опустошенного живота была сильнее гордости.

Вкус этого блюда на удивление оказался не так уж и плох. Хуже был только запах. К сожалению, из-за того, что руки мужчины были скованны наручниками за спиной, то у него никак не получалось зажать нос, что изрядно бы облегчило страдания. Из-за этого в голове самостоятельно зарождались образы того, что Майкл ест всё, что угодно, но только не ломоть хлеба. При помощи запаха, воображаемая еда была ещё хуже той, что была во рту. Никогда раньше человек не тратил так много сил и нервов на то, чтобы просто поесть, даже находясь на пути к голодной смерти.

Когда же приём пищи закончился, Майкл снова смог вернуться к тому, на чём остановился, — он начал рассуждать о том, что происходит вокруг. Он стал всё обдумывать и прислушиваться к мельчайшим шумам. Вокруг было глухо, впрочем, как и всегда. Даже собеседник по другую сторону стены молчал, будто ему отрезали язык. Однако и такая тишина была оглушительна. Или из-за еды, или из-за окружающей обстановки, но в ушах стал разноситься странный шум. Это походило на назойливый писк комара, что кружит над добычей, выслеживая слепые зоны. Однако у звука не было источника, он возник одновременно из неоткуда, и из страдающего одиночеством и скукой рассудка. Так тело решило проверить работу целого организма, пытаясь создать неприятный звук, который бы расшевелил затёкшее тело. Но это никак не смогло бы помочь Майклу. Ему только пришлось терпеть, пока всё не прекратится.

Стал ли он заложником случая, или же из-за шума в ушах он стал ещё чётче улавливать окружение, но ему послышался вполне реальный шум. Где-то сбоку в коридоре кто-то начал шоркать подошвой обуви. Сделав несколько неуверенных, но громких шагов, кто-то начал покидать коридор, уносясь туда, откуда приходил священник. Майкл сразу узнал хозяина церкви, тоннеля и своей жизни. Этот странный человек, по неизвестной причине стоял несколько минут под дверьми, словно пытаясь выловить что-то. Удалось ему или нет, он всё же ушел, оставив заключённых наедине с самими собой.

— Ты в порядке? — чуть позже спросил Майкл у товарища по несчастью.

— Не забудь, что ты должен его убить, — прозвучал моментальный ответ, слегка бодро и энергично.

— Кто ты? Я так о тебе ничего и не знаю. — Майкл решил поинтересоваться собеседником, пытаясь хоть как-то найти себе развлечение в камере.

— Я — тень. Это всё, что я могу сказать.

«Здорово, — сказал про себя Майкл. — Я оказался в самой весёлой компании в мире: псих и садист».

С такими мыслями и начался, пожалуй, самый тяжёлый и страшный период в жизни этого человека. С перерывами в несколько дней, Майкла постоянно навещал священник. Он ограничивался только подачей пищи и доскональным осмотром своего *друга*. Это повторялось ещё два, а то и три раза. Быть может их было и больше, но Майкл запомнил только парочку. В какой-то момент всё резко изменилось. Заключённый парень был повышен в звании, т. е. стал более привлекательной целью для священника. Майкл примерил на себя роль груши для битья, стал манекеном для пыточных орудий, булавкой для иголок,

пепельницей, живой анатомической моделью, и это было не одно обличье, что на него повесили.

Чего только Майкл не ощутил на себе, чего он только не видел и не слышал. Ему удалось пережить опыт огромного количества лет настоящего пыточного мастера. Когда же он надеялся на то, что вот-вот наконец-то его ждёт долгожданный отдых и покой, то его сразу же возвращали в мучительную реальность. Раньше Майкл слишком долго ждал чего-нибудь интересного в своей тюрьме, теперь же он лишен такой роскоши. Старик-садист не отходил от своей жертвы, а если и отходил, то Майкл даже не успевал насладиться подобными мгновениями. Ему казалось, словно его мучитель постоянно находится рядом, будто он слился с жертвой воедино, обратившись в какое-то цельное существо. Конечно же случалось и то, что заключённому давалось несколько часов на восстановление и отдых. Тогда он мог слышать, как из соседней комнаты разносились странные всхлипы и крики. Эти звуки сильно давили на жалость, и, через несколько дней мучений, Майкл решил, что нужно действовать.

Жалость, точнее извращённую вариацию жалости, к старику он уже не испытывал. В голове Майкла остался только удушающий гнев. В течении последующего времени, он внимательно изучал того, от кого ему придётся сбежать. Пленник даже после пройденных им испытаний не горел желанием убить живого человека. Да, его обидчик заслужил наказание, но об этом можно будет подумать после того, как он снимет с себя все оковы. Его тюремщик был медлителен, доверчив, немногословен и невнимателен. Каждый раз, когда он заходил в комнату к своей «игрушке», то прислонял дробовик к правой стене. После этого он довольной походкой приближался, чтобы проверить, жив мужчина или нет. В начале он визуально осматривал его, и если ничего не замечал, то пинал куда попало. Этот приём работал безотказно, так как Майкл никогда не знал, куда же будет целиться старик. После этого, начинались продолжительные муки и пытки. Потом «игрушка» получала еду, в качестве награды.

Майкл начал представлять каждый момент того, как его навещают. Он пытался вспомнить слепую зону, слабость или определённый промежуток во времени или действиях старика, которым можно будет воспользоваться. У него нет возможности что-либо перехватить из рук священника, будь то нож или палка. Ему сразу ограничили эту возможность тем, что сковали руки за спиной. Но даже если это и удастся, то сил у Майкла будет меньше, чем у маленького ребёнка. Его мучитель всегда начинает свою игру с побоев кулаками и ногами. Ближе к концу этого момента, у Майкла остаётся едва сил лишь на то, чтобы держать содержимое желудка внутри и не хрипеть от боли. С иглой или ножом в руке, он только даст своему противнику мотив, чтобы тот как можно скорее избавился от назойливого питомца. К тому же, истязатель будет ближе к дробовику, а Майкл не сможет сражаться спиной вперёд. Вариант побега во время пытки был исключён.

После оценки и анализа первого варианта освобождения, Майкл решил *оглядеться*. Вокруг так же было темно и сыро, как и раньше; обстановка вокруг никак не менялась. Он мог бы попробовать сбежать сейчас, но чувствовал себя ужасно измождённым. Соппротивление ударам отнимало все силы, и он не сможет долго находиться на ногах, не говоря уже о том, чтобы хоть как-то выбраться из оков. В самом начале своего заточения, и ещё несколько раз после первого приёма пищи, Майкл пытался вырвать с корнем железное кольцо в стене, или хотя бы порвать проржавевшее звено в толстой цепи. Ничего из этого не дало никакого результата — он просто падал на пол без сил. У такого рода побега было ещё

меньше шансов на удачный исход. Майкл увидел в нём хоть какой-то результат, если только через многие месяцы продолжительных ожиданий исхудает и деформируется физически настолько, что свободно вытащить ногу из железной хватки. Второй вариант побега был долог, безнадежен, мучителен и абсурден.

Майкл даже не рассматривал то, что ему может помочь коллега из соседней камеры. Сколько бы раз он не пытался с ним поговорить о плане спасения, тот всё время оставался только на одном исходе — убийство. Словно самому автору этого плана не хотелось брать на свою душу страшный грех. Будто Майклу так сильно хочется очернить себя... Только другого варианта уже не оставалось. Он твёрдо решил исполнить то, что было нашептано ему через бетонную стену. По крайней мере, в начале стоит освободиться, а потом уже можно будет вернуться к этому вопросу.

После долгих раздумий, Майкл пришел к выводу, что ему стоит действовать в тот момент, когда старик только начнёт подготовку к пыткам. Когда он подойдёт и будет осматривать свою жертву; когда он будет максимально расслаблен. Остался только вопрос: как же это сделать?

Майкла неожиданно осенило. Когда в первый раз он почувствовал запах хлеба, то ощущал ещё и лёгкий мотив гнили. Ничего схожего же не было, когда он, засунув еду в рот, жевал её. Этот запах до сих пор не выветрился, когда душок помоев и грязной воды уже исчез. Он посмотрел вдаль комнаты, куда когда-то выкинул оторванный кусок уха. Бинго!

Чтобы добраться до уха, не пришлось долго мучиться. Маленький ломтик мяса лежал недалеко от двери. Он почти сразу смог плашмя дотянуться до него. Вынужденно он использовал голову, чтобы подтянуть нужный предмет ближе. За это Майкл благодарил никого иного, как себя самого. Кусочек мяса был весь липкий, пахучий, и своей плотностью напоминал скорее кусок желе. Не нужно было наклоняться слишком близко к гниющей плоти, чтобы почуять этот отвратительный запах. Оставалось только надеяться на то, что старик не обращал на него внимание раньше, или готов поверить в то, что у Майкла ещё давно начался некроз тканей, который в момент следующей встречи только усилится. Очередной план по спасению зависел только от случая. Другие идеи были куда хуже, поэтому особо выбирать и планировать не было смысла.

— Я вскоре вытащу нас отсюда, — сказал Майкл заключённому из соседней камеры.

Майкл измазал куском уха одежду и те участки кожи, которыми сумел дотянуться до обрубка. В какой-то момент, он остановился. Он слишком пылко начал исполнять хитрый план, и даже не подумал о том, что резкие и заметные изменения будут слишком подозрительными. Если же ничего не удастся, то он никогда не выберется из этой дыры. Но и этот энтузиазм имел свои плюсы. Майкл зубами откинул кусок уха в ближайший к железному кольцу углу и вышел в центр темницы. Распластавшись на полу, он принял особую позу, словно из-за сильной боли и страданий пытался выползти на свободу, игнорируя тот факт, что намертво прикован.

Момент выжидания был, пожалуй, самым тяжёлым. Никогда прежде Майкл не лежал так недвижимо, испытывая одновременно и удовлетворение, и страх. Если же старик раскусит замысел своего заключённого, то Майклу никогда больше не удосужится выбраться из темницы; чтобы выжить, ему придётся воспользоваться всем, что будет у него под рукой. Дыша равномерно, он продолжил ждать, пытаясь успокоиться и собраться силами.

Всё ещё было неясно, сколько времени проходит между посещениями старика. Он мог прийти через час, через день, или вовсе, не прийти больше никогда. Пока Майкл думал обо

всём этом, каждую последующую минуту мечтал о том, чтобы навсегда свернуть этот неудачный план, но вскоре услышал знакомые шаги.

Тюремщик явился к пленнику, с какой-то радостной походкой, но опешил, открыв дверь в камеру. Его жертва, распластавшись, лежала на полу, спокойно и открыто, но только не безмолвно. Как подтверждение того, что «игрушка» не испортилась окончательно, она тихо хрипела и стонала. Майкл *играл* так, как только мог, — ему по-прежнему удалось заранее слышать приближающиеся звуки, из-за чего он подготовился по полной. Напрягая живот, он выталкивал через сдавленной плечом горло воздух, издавая вполне натуральный и болезненный хрип.

Только в этот напряжённый и пугающий момент, священник ощутил тот самый омерзительный холод, который постоянно царил в помещении.

— Не смей мне тут подыхать! — злобно выкрикнул мучитель. В порыве злости и сочувствия самому себе, он пнул заключённого, но сделал это слабо, будто из жалости. Его удар послужил знаком того, что Майкл играл убедительно, и жертва спектакля начинает верить в представление. В этот раз старик не положил своё оружие у стены, и это был уже дурной знак.

Ещё пару раз старик предпринял попытки расшевелить заключённого, но ничего не удавалось. Майкла поднимали за волосы, тогда он закатывал глаза и едва шевелил губами, словно пытаясь что-то сказать. Очередной приход хозяина церкви прошел вполне благополучно — он несколько раз ударил Майкла, проверяя врёт тот или действительно умирает. Когда же и эти проверки не дали результата, старик поспешил удалиться. Он был рад тому, что стал ближе к побегу. Осталось только малое: придумать способ избавиться от священника. Из-за цепи, Майкл располагался только эффектом неожиданности.

Ликовать заключённому пришлось не долго: он сразу же начал ощущать то, что его план имеет свои последствия; его улыбка моментально исчезла с лица, когда до ушей дошло то, что старик начал отыгрываться на заключённом из соседней камеры. Оттуда исходили громкие крики и плач, глухие удары и отборные проклятья. Исходя из воплей, Майкл понял, что его соседом всё время была девушка. Хоть все звуки и разрывали отчаянное мужское сердце, в них прослеживалось всё же что-то нежное и невинное. Небольшая и, почти, неуловимая нотка, услышав которую, хотелось хоть рук лишиться, но прийти на помощь жертве ужасных обстоятельств. Вскоре продолжительная пытка кончилась, и шум за стенкой исчез. Когда же удаляющиеся шаги священника затихли, Майкл смог облегчённо выдохнуть. В его голове кружилась только одна мысль, — маленькая надежда на то, что его план всё-таки спасёт обе жизни, а не уничтожит их. Но отступать уже было поздно. Первый шаг был сделан. Если же Майкл сбежит, а его напарник погибнет от полученных травм, то они проиграли. Если же они оба сбегут, и бедная девушка будет страдать после последних истязаний, то они тоже проиграют. Почти каждый исход является проигрышем. Остаётся только надеяться на лучшее. Ради победы и благополучия, Майкл был готов отдать всё. Он даже готов начать молиться любому божеству, если бы не потерял в них веру ещё с самого начала. Ему даже не приходило в голову то, что на какой-то момент, он сам уподобился для кого-то богом. Спасителем. Эта ситуация была комична: бог нуждался в помощи, уже от своего бога.

Даже для покорного ожидания дальнейших событий требовалась недюжинная сила; оставаться лежать в неподвижной и примечательной позе, уже было нельзя. Умиравшие люди из последних сил пытаются тянуться к тому, в чём они видят спасение. Майклу

удалось это понять в тот момент, когда он ощущал то, как в заточении угасает его жизнь. Даже ложь и иллюзия были бы для них обоим спасением. Майкл быстро отполз в один из дальних углов, словно при смерти спасался от обжигающего, а не спасительного света. Там же он нашел кусок своего уха. Эта маленькая субстанция смердела ещё сильнее, а на ощупь казалась ещё более слипшейся кашцей. Ухо — очередная важная часть в большом, гениальном и безумном плане побега. Майкл свернулся калачиком в холодном и тёмном углу темницы, кусок уха он подложил под себя, чтобы при приближении любопытного старика, можно было легко учуять сладковатый запах гнили. «Только потерпи... Потерпи ещё чуть-чуть», — думал он про себя, пытаясь поддержать товарища из соседней комнаты.

Ожидание было долгим. Оно было вынужденным и оправданным, — решиться на него было легко, вытерпеть каждую последующую секунду — невыносимо тяжело. Запах окутал его с ног до головы, и он медленно опьянял заключённого. Майкл почти никогда не пил спиртного, и ничего не принимал из запрещённого; его семья всегда держалась в крепких рамках того, что хорошему человеку ничего не требуется для того, чтобы чувствовать себя превосходно. Поэтому сейчас он испытывал новые и противоречивые эмоции.

С таким строгим и здравым воспитанием Майкл верил в то, что сильнее всего именно любовь и привязанность бьёт в голову, опьяняя людей. Любовь к дому, семье, природе. Один лишь взгляд на любого человека, пейзаж, животное или предмет, мог родить вопрос: «я буду любить это вечно?». В этих ощущениях проскакивала странная загадочность, лёгкость и наивность. Периодически Майкл видел в себе маленького ребёнка, который радостно относится ко всему вокруг, который увидев что-то новое, ощущает к этому неудержимую любовь и близость. Сейчас же, такое поведение можно было сравнить с чудом, ведь Майкл начал бояться, что он становится более чёрствым и холодным.

Только углубившись в мысли и раздумья, заточённый умудрился держать себя в спокойном состоянии, находясь в центре самых ужасных условий в своей жизни. Однако его всё же раздирали противоречивые эмоции, когда он слышал уже знакомые шаги. Он понимал, что развязка его плана приближается. *Она* неизбежна. Заключённый был готов хоть до скончания жизни продолжать вкушать омерзительный запах собственного гниющего уха, лишь бы не стоять нагим и беззащитным перед тяжким выбором. Какими бы не были его страхи и желания, прекращение плана тождественно проигрышу, и, пожалуй, самому страшному проигрышу...

Дверь в камеру открылась. Знакомый скрип прошелся будоражащей волной по коже. Майкл застыл на месте, отдавая все силы, чтобы не пошевелиться и не издать ни звука. Он задержал дыхание, как делает ребёнок, когда видит перед собой большого, агрессивного и страшного пса. В этих двух ситуациях не было совершенно никакой разницы: обе жертвы обречены на мучительную смерть в случае неудачи.

Священник, увидев скрученного мужчину в углу, хмыкнул. Эта реакция прозвучала удовлетворённо и радостно. Видать, стоя на пороге в темницу к своей «игрушке» он пока ничего и не заподозрил. Послышался стук стального ствола по бетонной стене, — то старик поставил своё драгоценное оружие на привычное место.

— Что ж, эта картина меня радует, — сказал он, приближаясь всё ближе и ближе к Майклу.

Лежащий на полу вспотел — он нервничал, как никогда раньше. Каждая прошедшая секунда казалась целой вечностью, словно каждый шаг старика был таким медленным, будто проще было выждать то, что железная цепь на ноге обратится в ржавую пыль. Сейчас всё что

угодно создавало угрозу срыва всего плана: любой шум, любое движение, любая реакция. Майкл должен быть мёртв в глазах священника, и он ощущал себя так, словно действительно вот-вот умрёт. Заурчит живот — покойник. Чихнёт — покойник. Случайно спазм в мышцах — покойник. Взволнуется слишком сильно, от чего сердце будет беспорядочно и громко стучать — покойник. Ему так и хотелось подняться на ноги, возвыситься над старцем и крикнуть ему: «Хватит! не смешно! прекрати!». Настолько было мучительно ожидание, как до боли дотошное представление в театре. Параллельно же, Майкл вспомнил то, что и как делает старик в обычные дни. Вошедший повторял одни и те же действия, отточенные и запомнившиеся для обоих лиц.

Стоило старику подойти к пленнику, как его тут же передёрнуло, и он отпрянул назад. Этот человек встал спиной к Майклу, пытаясь отдышаться от омерзительного запаха, повернувшись лицом к двери, откуда шел более-менее свежий воздух. Запах, который он почуял, когда наклонился к лежащему, заставил его испытать резкие рвотные позывы. Именно это и был знак того, что нужно действовать.

Майкл сразу же встал на ноги. Он действовал быстро и шумно, но под несвязными и неприличными звуками старика, весь шум железных цепей звучал, как отдалённый писк. Священник вскрикнул от боли, когда его ударили по задней стороне колена. Он непроизвольно согнулся и упал; ему не удалось прийти в себя и разобраться в ситуации. Почти сразу, в мгновение ока, его шею обвела железная и холодная цепь. Хоть идеальное исполнение плана и было маловероятным, но заключённому всё удалось сделать с филигранной точностью. Перекинув ногу через голову старика, заключённый обвил цепью старую шею. Затем, Майкл упал обратно на пол и потянул на себя тяжёлую удавку. Руками за спиной он держал один край цепи, ногами тянул другой. Такого поворота событий священник никак не ожидал. В панике он махал кулаками перед собой, словно сражался с невидимкой в шаге от себя. В скором времени этот старый человек стих и растёкся на полу. Он обмяк как кукла и сполз вниз. Майкл надеялся, что не убил старика.

Чтобы полностью освободиться и покинуть тёмную камеру, Майклу потребовалось применить все оставшиеся силы. Ему повезло, что старик при себе имел все необходимые ключи. В противном случае, ему пришлось бы пользоваться дробовиком, как отмычкой, а это был бы наивысший риск в совокупности с глупостью. Была ли то случайность, или же священник опасался гибели заключённого и был готов выкинуть его на улицу, но Майкл был доволен текущими обстоятельствами. Когда же руки оказались свободными, то он в первую очередь проверил состояние своего тюремщика. Он был жив. Это и радовало, и злило Майкла. Освободив ногу от цепей, он забрал себе дробовик и вышел в коридор.

План шел идеально, оставалось только открыть последние карты на столе, чтобы можно было полностью сказать: удался побег или нет. Держа в свободной руке связку ключей, Майкл молча стоял у входа в соседнюю камеру. Что-то в тишине за массивной дверью смущало его. Борьба с стариком не была тихой: они шумели и кряхтели так, что можно было всё услышать даже из центрального зала церкви. Затишье после развязки давало понять, чем всё окончилось, но второй пленник никак не реагировал. Майкл боялся того, что его товарищ по несчастью погиб, а сам он проиграл.

Когда дверь началась медленно открываться во внутрь, то беглец из темницы увидел похожее на собственную клетку помещение. Оно было идентичным первому, но сильно отличалась небольшими подтёками и пятнами. Бетонные стены были исцарапаны ногтями, и, на полу из-за света отбрасывали блики тёмные скопления жидкостей. В глубине комнаты,

полностью скрытая тенью Майкла сидела девушка. Она была завёрнута в разорванный кусок штормы. Эта вещица не выглядела тёплой или мягкой, один лишь её вид уже отталкивал от себя, вызывая неподдельное отвращение. В прорехах между «одеждой» красовались ссадины, шрамы, синяки, свежие и старые порезы.

Девушка заметила ту новую и незнакомую фигуру, стоящую на пороге её личного склепа. Она уже давно ожидала прихода кого-либо, и, увидев у себя на пороге человека, легла грудью на колени. Закрыв руками голову, она пыталась защищаться. Она не кричала, не плакала, а просто молчала и тряслась в ужасе. Её напугал только один вид человека, что стоял в объятьях скудного и враждебного света. Из-за освящения не было видно лица Майкла; он предстал перед заключённой, как единственный человек, которого она часто видела на протяжении очень долгого времени. Хоть эти две фигуры и отличались друг от друга, ей это было безразлично. Её мучитель представлялся для страдальницы в любом облики, в любой форме, ведь он был всегда с ней. Она сразу заметила эту знакомую сгорбленную позу, мрачное молчание и сжатые кулаки, в одном из которых крепко лежало оружие. Уже знакомая инструкция включилась в голове, и девушка принялась делать то, к чему привыкла, к тому, что знала уже очень давно. Она сразу же ослабла, обмякла и прижалась к полу, повинувшись своему властелину.

Майкл стоял и не знал, как реагировать на происходящее. Ему хотелось в эту же минуту разорваться на множество частей. Одна бы сбежала прочь от этого хаоса, надеясь, как можно скорее оказаться далеко-далеко от него. Другая бы часть бросилась на девушку, и обняла её в попытках утешить беспомощное дитя. Третья, без уговоров вернулась в собственную темницу, где в порыве гнева лишила бы жизни старика. Майкл не мог разделить, не мог сделать всё это сразу и ничего из перечисленного, чтобы прекратить ощущение жжения в груди и покалывание в затылке. По его щеке стекла слеза, ни то счастья, ни то печали.

Медленными шагами, он всё же направился к бедняжке. С каждым новым шагом, девушка вздрагивала, словно последующий шаг оглушал её. Когда же мужчина оказался над ней, то заметил, насколько та удивительно спокойна. Ему казалось, что или пол сейчас провалиться под заключённой, или она сама *пойдёт по швам* и обратиться в пыль. Он даже не знал, как поступить; он боялся сделать что-либо, размышляя, что даже одно прикосновение принесёт девушке боль.

— Я пришел спасти тебя.

После этих слов, ситуация начала медленно меняться. Прикованная цепью к стене девушка подняла взгляд на находящегося рядом человека. Молча смотря в глаза своего спасителя, она словно мысленно находилась в другом месте. Её взгляд был пустым и мёртвым.

— Позволь мне спасти тебя, — снова сказал он.

Девушка дальше молча смотрела и на Майкла, и сквозь его. Мужчина посчитал это за согласие.

Ничего не помешало ему отстегнуть от холодной, бледной и худой ноги железные оковы, который после себя оставил клеймо в виде стёртой кожи.

— Мария... — раздался слабый шепот над ухом.

«Ма-ри-я» — повторил про себя Майкл. Ему понравилось это имя. Он был рад тому, что услышал его, и теперь мог легче общаться со спасённой девушкой. Он поднялся во весь рост, продолжая ощущать на себе пустой взгляд. Мария почему-то ничего не сказала после своего имени, а лишь дальше продолжала смотреть, словно не веря в то, что происходит вокруг.

Поступая предельно осторожно, молодой человек оторвал кусок своей майки и протянул его Марии. Его по-прежнему сильно беспокоило её состояние, и он не знал, какую именно помощь можно оказать лучше всего. Он мог легко представить то, как она может отреагировать на грубое прикосновение к себе, и боялся даже смотреть на неё. Майкл не знал, что с ней делал старик, и не хотел ей напоминать о тех ужасных событиях из прошлого. Мария послушно взялась за свисающую тряпку. Её глаза живо загорелись, словно она ощущала сильный прилив сил. Сквозь весь холод темницы, маленькая тряпочка, за которую ухватилась мученица, была самой живой, такой тёплой и приятной. Эта оборванная, грязная майка ознаменовала собой спасение, дорогу к новой жизни.

Они оба вышли в слабо освещённый коридор. Ведя за собой девушку тканевым поводком, её спаситель пошел в сторону подъёма в церковь. Он оставлял за собой бессознательного старика и весь ужас, который удалось пережить ему и Марии.

Глава 4. Как сера с неба

Глава 4. Как сера с неба

Майкл, запыхавшись сидел на полу церковного зала. Последние пару часов он потратил на то, чтобы завалить лестницу в подвал. Он это сделал вместо того, чтобы вернуться к старику и совершить расправу за себя и спасённую девушку. Ему не хотелось оставлять Марию без присмотра и в полном одиночестве, поэтому он просто закрыл спуск в тоннель. Если же старику захочется что-то предпринять, то он может просто выбраться через дальний завал. Майкл не сомневался в том, что священник очнётся через несколько часов: он будет зол и крайне удивлён. Мужчине же была совершенно безразлична судьба своего мучителя. Это было всё же лучше, чем брать на себя убийство, даже *такого* человека.

Когда же картина побега снова всплыла в голове Майкла, он начал ощущать дрожь в руках, когда едва-едва не убил священника, — стоило ему немного перестараться и удушение было бы фатальным. Мысли цеплялись друг за друга; Майкл не знал, что делать дальше, поэтому, только и думать о будущем. Ноги болели, а руки даже не могли подняться на несколько сантиметров в воздух. Он почти потерял сознание, когда тратил все силы на то, чтобы передвинуть большое пианино к лестнице и закрыть им проход. Свежий воздух поступал через прикрытые ставнями и заколоченные досками окна... эти дуновения приносили физическое спокойствие. Тело медленно боролось между двумя противоположными ощущениями: боль и наслаждение.

Майкл посмотрел в сторону Марии. Девушка сидела далеко от него, одиноко забившись в угол. Она не выглядела счастливой, её что-то печалило и пугало; её поведение сильно напрягало Майкла. Девушка имеет полное право страдать дальше, пересилить себя, чтобы начать жить заново и ощутить свободу. Она сама должна понять то, что тяжесть железной цепи на ноге, ни что иное, как всего лишь остаточное воспоминание.

Больше всего пугало именно поведение Марии, маленькое изменение, произошедшее после освобождения. Несколько раз ей удавалось поговорить с Майклом, точнее, произнести пару слабых, выведенных через силу слов... но это было тогда, когда их разделяла бетонная стена, когда они были пленниками железа и тьмы. Сейчас же, девушка словно лишилась голоса.

— Мария, — сказал Майкл через весь зал, — всё окончено. Мы заслужили отдых.

Он понимал, что если не она сама, то он должен помочь ей выбраться из лабиринта мрачных мыслей и воспоминаний. У девушки должна быть ниточка, что будет связывать её с реальным миром, иначе она умрёт. Её рассудок запрет самого себя за настолько крепкими ментальными засовами, что никто не сможет отомкнуть их. Это будет смерть для самой души. Майкл не сможет смириться с этим; это будет грех, который падёт именно на плечи «спасителя». Он не простит себя за то, что именно из-за него, она завянет, так и не преобразившись там, где ей дано жить и наслаждаться жизнью. Но для этого нужно терпение — чего у Майкла почти не осталось. Он, словно каждую секунду, ожидал увидеть заметное преобразование тернии в розу, и про себя считал, что каждое мгновение промедления, равно предательству по отношению к человеку, который нуждается в помощи больше остальных. Мысли и тело Майкла пребывали в непрекращающейся борьбе противоречивых идей и мыслей. Что же чувствовал и думал про себя сам мужчина? Ничего. Теперь он стал не просто беглецом и паломником. Он стал стеной. Охранником. Тем, от

кого зависит жизнь самого ценного существа на планете. Он последнее, о чём стоит заботиться.

Майкл испытывал к Марии сильные чувства, которые сравнимы лишь с чувствами отца, который стремится защитить своего ребёнка. Ему впервые довелось ощущать это, и он не совсем понимал, с чем именно столкнулся. Мария, быть может, стала для него, определённого рода багажом, тогда ему потребуется стать повозкой. Если же она стала для него испытанием, тяжёлой заботой, то он именно тот человек, который справиться со всем. Какие только необычные мысли ни посещали эту голову. Церковь, где находилась пара обездоленных, была пропитана надеждой, любовью, верой и заботой. Если же Мария откажется от помощи Майкла, или же будет ненавидеть его за совершённое спасение, то ему придётся смириться и продолжить свой тяжёлый путь. Он сам ввязался во всё, когда снял с её худых ног оковы, когда вывез наверх, навстречу ослепительному дневному свету. Возвращая потерянное существо, небрежно оставляя его «как есть». Это будет равносильно небрежному убийству, жесточайшему насилию, — дать кому-то шанс на жизнь, надежду на спасение, и забрать всё в одночасье. Вырвал из цепких лап страданий и смерти — веди; показал свет — не дай стореть и ослепнуть; протянул руку помощи — не убирай.

Майкл протёр вспотевший лоб. В помещении было душно, но открыть окна было недопустимо: это всё равно, что смотреть на хищника из кустов — когда-нибудь, он тебя заметит. Чувства постепенно возвращались к Майклу — он начал сильнее ощущать мучащий его голод. После длительной «диеты», он был готов съесть даже тот отвратительный и грязный хлеб, лишь бы избавиться от боли в животе. Поднявшись на ноги, он медленно направился в кладовую, где надеялся найти запасы пропитания.

“Священник явно не отказывал себе в “богатом угощении”. Кладовая комната была огромна. Скорее всего ею пользовались раньше для различных садовых инструментов, бытовых приборов и канцелярии. Всё помещение в десять квадратных метров было уставлено коробками, полками и стеллажами. Всё заставлено крупами и консервами, не было ни сантиметра свободного пространства; развернуться в этом месте было практически невозможно. Майкл предположил, что имеющихся запасов в этой кладовой хватит на несколько лет, при учете, что все трое будут питаться по три или четыре раза в день. Хоть эта находка и была приятна для Майкла, но что-то ему говорило, о том, что даже до кладовой не доходило дело, ведь всё было опечатано. Не мог обезумевший старик прожить больше нескольких месяцев, не притронувшись ни к единой коробке или полке!

Майкл направился в другое помещение напротив главного входа в здание. Оно, по предположению мужчины, должно было быть личным рабочим кабинетом смотрителя церкви. Минувя Марию, Майкл хотел пройти недалеко от неё, чтобы показать ей, что он всё ещё рядом. Девушка не подала виду, но он всё же надеялся на то, что его частые походы взад-вперёд, и, даже занятия своими делами, убедит её в безопасности и успокоит.

Оказавшись внутри кабинета, Майкл смог полностью осмотреться: помещение было чуть больше кладовой, стены были украшены иконами и различными картинами. Эти же стены были обклеены приятными обоями светло-голубого цвета. При взгляде на них, казалось, что смотришь на чистое, безоблачное небо. С белоснежного потолка свисала люстра с плафонами в виде цветов. В помещении также было достаточно мебели. В нём находился длинный стол, на котором стояла посуда, потрёпанная Библия и канцелярская стойка, заполненная доверху патронами для дробовика. Стоящие у стен шкафы хранили в себе книги на различную религиозную тематику. Иногда прослеживались исторические

сборники от IX и до XVIII веков. Сильнее всего выделялись три мягких стула из красной ткани с позолоченными ручками. В углу стояло метровое зеркало, мельком бросив в которое взгляд, Майкл заметил на лице и руках красные шрамы от порезов и ожогов. Он сразу отвернулся, поскольку эта картина сильно напугала его, напомнив о тех ужасах, что ему удалось пережить...

Интерьер комнаты выглядел чистым и целым. Это намекало на то, что старый священник не до конца утратил свой рассудок, и, где-то в глубине души продолжал уважать обычаи и веру. Сильнее всего на эту мысль подталкивало огромное различие между большим залом и кабинетом. Однако, весь пол комнаты был усеян банками и коробками из ресторанов быстрого питания. Проследившая длинную цепочку из мусора, Майкл нашел несколько пустых и не начатых коробок с изображением тех же банок, что лежали на полу. У священника был просто колоссальный запас еды.

Майкл взял две жестяные банки и направился с ними в зал. Одну он открыл и оставил у Марии, другую же, решил опустошить сам. «Она почует еду и поест» — подумал он, искоса поглядывая на девушку.

Даже во время приёма пищи, Майкла не покидали самые разные мысли. Теперь, когда он хоть примерно оценил доступные объёмы еды, он может составить план на будущее. Он с Марией сможет остаться здесь жить. Место выглядит глухим, и более-менее безопасным. Еда есть, баррикады есть; единственное, что может не устроить освободившуюся после долгого заточения девушку, так это то, что ей может быть скучно. Потребуется пара дней для того, чтобы она просто пришла в себя и *очнулась*. «Поступил ли я правильно?» — подумал про себя Майкл. После совершения того или иного поступка, зачастую приходится мысленно возвращаться к старому перепутью, чтобы подумать: «Какого было бы иначе?». Майкл закрыл лицо руками, — он начал корить себя за то, что вместо радости и отдыха, начинает моральное самоистязание.

Чем скорее заканчивалась еда в банке, тем ближе виднелись новые обязанности Майкла. Для него уже не останется способов увильнуть от ответственности. Как бы он сильно не хотел и начать их, и отсрочить.

— Теперь мы начнём новую жизнь, да, Мария? — громко спросил Майкл. Он посмотрел на девушку, надеясь, как можно скорее увидеть, что она реагирует на окружение.

— Еды у нас достаточно, чтобы прожить в этой церкви очень долго. Внутри тепло и безопасно. А если захочется, то можно будет выйти наружу и пройтись по лесу. Нам нечего бояться, когда мы будем рядом друг с другом. — Майкл продолжал говорить спокойно, пытаясь успокоить скорее себя, нежели её. Ведь его продолжали мучать самые разные мысли и страхи. Один из этих ужасов находился совсем рядом с ними, и, не *он* один... далеко не один. Если Майкл и знает, что старик находится в подземном тоннеле, и в скором времени сможет бежать, то другие опасности царят снаружи: они прячутся где-то за деревьями, за ставнями, за стенами, их не видно и не слышно. Быть может, они давно оцепили плотным кольцом всё здание, из-за чего нет никакой возможности выжить или сбежать. Но это всё было лишь продолжением внутренних страданий разума Майкла, который всё ещё не мог вернуться к нормальному течению жизни. Это было только с ним самим, но ощущения и мысли Марии, были той ещё загадкой.

Ему предстоит много узнать о девушке. Он словно откроет для себя огромную книгу, каждая страница которой переполнена всякого рода головоломками в виде секретов и фобий.

Через час, Майкл направился спать. Было уже поздно, за ставнями мир погрузился в темноту, из-за чего выглядел враждебно. Мужчина ушел на боковую тогда, когда от слабости начали тяжелеть веки. Он разложил несколько картонных листов на полу, и накинув сверху найденную пыльную штору, сделал себе ложе. Человек, которому довелось сбежать из заточения садиста, наконец-то заслужил отдых. Но даже в такой, казалось бы, продолжительный промежуток тишины и спокойствия, где нужно было расслабиться, Майкл не мог дать себе уйти от ответственности. Он мог легко уйти в кабинет к священнику, чтобы там спать пока силы не вернутся к нему, только кое-что держало его на коротком поводке... Мария нуждалась в поддержке и компании, в свете и тепле. Она сейчас должна получить то, чего была лишена очень давно. Оставив зажжённые лампы, мужчина лег на самом видном месте. Он невольно начал сравнивать своё отношение к бедной девушке, с опытным дрессировщиком, который пытается добираться расположения одичавшей собаки: быть на виду, демонстрировать доверие, показать заботу, говорить медленно и спокойно. Это уже начало раздражать и Майкла, но он осознавал, что другого выбора у него просто нет. Он не имеет никакого права требовать от спасённой им же девушки то, на что она временно не способна.

Майкл отправился спать, почти говоря себе под нос: «пожалуйста, пожалуйста». Он так и уснул, не дождавшись оживления со стороны Марии. Правда, и сам сон у него был *неживым*: что-то постоянно мешало расслабиться — то в глаза бил неприятный свет, то слышался какой-то шум издали, то собственное сердце бешено билось в груди, громкостью привлекая внимание. Майкл очнулся утром, — по крайней мере, так ему показалось, — и резко сорвался со спального места. Неизвестно, сколько времени он спал, но почувствовал, что переполнен силами и жаждой действовать. Однако, первым, он увидел отсутствие Марии на привычном месте. Облегчение после оздоровительного сна сняло как ветром. Начала нарастать паника, страх, раздражение и обида. «Неужели она испугалась меня?», — пронеслась мысль в голове. Майкл был оскорблён до глубины души, — спасённая им же девушка сбежала, куда глаза глядят. Побег! как возмутительно! Майкл сам с трудом выбрался живым из камеры, не говоря о том, что оставшиеся силы потратил на то, чтобы вытащить из того же кошмара измученную девушку. Лицо мужчины скукожилось от злости и разочарования. Он бегло начал искать, куда могла сбежать Мария.

Повернувшись через плечо, он глазами встретился с беглянкой. Она, увидев страшное и необычное выражение Майкла, отпрыгнула в сторону, при этом выронив из рук неоткрытую консервную банку, и бросившись наутёк умчалась в кабинет священника. Ранее озлобленный, Майкл ещё сильнее удивился и расстроился. Гнев улетучился, вместо него рождалось сожаление и печаль. Он направился к Марии, чтобы извиниться перед ней. Ему явно удалось здоров её напугать, раз уж она, не опрокинув и крика, бросилась на утёк. Майкл даже не заметил того, что она подошла к нему сзади; беглянка передвигалась словно мышь, даже во время её *настоящего* побега, она почти не издавала какого-либо звука. В тот момент, было слышно только то, как с сильным грохотом на пол упала банка.

Майкл зашел в комнату, и убедился в том, что он действительно связался с очень необычным человеком: Мария, спрятавшись за широким рабочим столом, держала в руках Библию, словно защищалась ею от вошедшего человека.

— Не подходи! — раздался женский крик.

— Мария...

Майкл слегка опешил от того, что пытается вытворить девушка. Она же, услышав своё

имя, выглянула из-за стола с гримасой абсолютного удивления.

— Прости, я не хотел тебя пугать.

Мария, встав в полный рост вышла из-за стола, продолжая держать в руках солидного размера книгу.

— Хорошее, наверное, чтиво, — добавил он, улыбаясь. Мария подхватила его улыбку, и, между ними начались налаживаться дружеские отношения. — Пошли позавтракаем.

Майкл собирался взять свою порцию и уйти, но небольшая фигура в углу комнаты заставила его остановиться. Он вскрыл одну банку, протянул её девушке, чтобы та ушла есть, и остался один. Метровое зеркало в углу показало ему, насколько он действительно был страшен, когда с лица пропадала связь с внешним миром. Бледный, покрытый синяками и ранами, ожогами и болезненными пятнами, почти что живой мертвец, изображенный на ужасных иллюстрациях книг. Он стянул с себя майку, на которой почти не осталось живого места, и начал разглядывать эпопею пыточных дел. Почти как целая книга, сверху до низу исписанный мыслями и заметками мучителя, совсем не тот человек, что пришел в церковь за помощью. Тяжело было привязать это истерзанное тело к тому Майклу, что ввёл беззаботную жизнь, любил радоваться и улыбаться. Это был побитый временем и обстоятельствами солдат, раб судьбы, брошенный всеми, жалкий человек.

Когда он покинул комнату, девушка уже во всю наслаждалась своей скромной пищей, которая была для неё настоящей благодатью. Мужчина сел рядом с ней и, будучи незамеченным, смог разглядеть Марию.

Слегка бледная, но всё же телесного цвета кожа; грубые и жёсткие рыжие волосы, которые выглядели, как потухающее пламя. Черты лица Марии говорили о том, что её предки жили на севере. Тонкие губы и маленький носик; серые, уставшие глаза, слегка заострённые уши, изогнутые брови. Лицо Марии красило ещё то, что у неё не переставал спадать с щёк лёгкий румянец. Майкл будто смотрел на какую-то миловидную беднячку, с обложек популярных журналов. Девушка продолжала поглощать свой завтрак, делая при этом небольшие паузы, прислушиваясь к окружающей обстановке. «Точно, беднячка».

— Откуда ты? — поинтересовался он.

Девушка лишь кротко посмотрела на него, словно безмолвно ответила на вопрос: «по мне и так видно, откуда я». Когда она вернулась обратно к приёму пищи, Майкл смог дальше разглядеть её особенности. Тощая так, что сильно выпирали кости, но сама форма тела была крепкой, широкой. Так улица закаляла своих детей, делая их более способными на выживание, нежели тихие и изнеженные жители тёплых домов. На её теле было видно больше синяков и порезов, которые словно сияли от света ближайших светильников. Некоторые ногти на руках и ногах отличались друг от друга: вырванные, обгрызенные, обломанные или отросшие, — одно сплошное неряшество. Девушка пережила пытки более продолжительные и страшные, чем у Майкла. Он не решался смотреть на своё тело, но когда-то ему придётся сделать это.

Она по-прежнему продолжала держать рядом с собой священную книгу.

Когда же он сам приступил к приёму пищи, после того, как наконец-то смог рассмотреть девушку, то услышал одну лишь фразу: «с улицы». Майкл решил прикинуться, будто удивлен этим ответом, но стоило ему повернуться к девушке, как она спокойно продолжила есть. Не последовало и продолжительного разговора, затрагивающего ощущения, воспоминания... одного этого ответа было достаточно, чтобы закрыть тему, и больше к ней не возвращаться.

Майкл закончил есть, даже не начав. Почему-то, — сам того не зная, — он ощутил сильную тоску оттого, что услышал от девушки. Он уже раньше предположил этот ответ, обдумал его и представил, но из чужих уст он звучал так, словно в каждой произнесённой букве ощущались неподдельные боль и страдание, которые разом вспыхнули в голове хозяина. В его глазах, Мария возвысилась как символ человеческой силы, чистоты и непорочности. Эта мысль была схожей с тем, как недавно Майкл представил её своим ребёнком, но теперь видел в ней сущего ангела. Одно лишь слово возвысило беднячку на пьедестал.

Часы проходили быстро. Майкл всё время бродил по залу, не в силах найти себе занятие. Он уже находился в очень удобном и богатом на пропитание месте, где может жить бок о бок с Марией крайне долго и счастливо. Но последние дни под гнётом тяжелого выживания и открытым небом доказали, что нет ничего скучнее благоустройства. После плена, каждую минуту руки Майкла чесались, лишь бы наконец-то вернуться к труду. Какой бы ни была окружающая обстановка, всегда становится тесно и скучно. Обдумывая все свои поступки, и окружающий достаток, Майкл всё же обратил внимание на то, что Мария до сих пор находилась в одном тряпье. Он пристально уставился на эти обноски, представляя себя в них, и ощущая проносющийся по коже холод. Девушка словно заметила пристальный взгляд мужчины, и странно съёжилась, понятно стесняясь страшного и знакомого взгляда.

— Если тебе холодно, то я могу пройтись по домам и найти другую одежду. — Майкл не обратил внимание на поведение девушки — он впервые за долгое время увидел женскую робость, но списал её на то, что бедняжка просто не привыкла к новому знакомому. Он даже подумал, что она прячется от его «мужланского» и хищного взгляда, но сразу успокоил себя мыслью: «что я там не видел...». Если бы она была такой же туполобой как он в этот момент...

Мария отреагировала на его слова крайне необычно: она поднялась на ноги и подбежала к нему. Схватившись за его руку, она посмотрела на него со страхом и жалость, словно он хочет бросить её. Это поведение ещё сильнее напрягало мужчину, который так и не знал, что ему стоит делать.

— Тебе же холодно, — возразил он.

Мария отрицательно потрясла головой.

— Неудобно.

Она ещё сильнее начала трясти головой.

Мария стала тянуть Майкла к себе, оттаскивая его дальше от двери наружу. Ей это удалось, по большей части из-за того, что он сам решил ей повиноваться.

Майкла привели поближе к пианино, что закрывало собою спуск вниз. Стоя там, Мария показала на заваленный проход. Под баррикадами, можно было услышать, как где-то снизу шуршали чем-то тяжёлым, точно перетаскивая с одного места, на другое. Из-за этих звуков рождалась картина того, что старый священник очнулся и пытается выбраться через огромный завал в тоннеле.

— Он не сможет пробраться к нам: он стар и слаб, а мы вооружены, — с улыбкой заметил Майкл.

Однако мысль о том, что прошлое активное пытается дотянуться до беглецов, крепко засело в голове.

— Закрой уши, — попросил девушку Майкл. Она повиновалась. — Убирайся, иначе я убью тебя!

Как того и ожидалось, звук внизу прекратился, а на лице Майкла выступило настолько злобное выражение, что у Марии заблестели глаза от изумления. Её спаситель был таким грозным и добрым.

Повернувшись к Марии, чтобы передать ей своё спокойствие, он заметил, как она смущенно мотает головой. Смотря в глаза спасителя, она делала это медленно и взволнованно. Вместо того, чтобы успокоить девушку, Майкл сам заразился её беспокойством.

Риски постоянно стоит оценивать здраво, но и для этого требуется не дюжее усилие. Если не брать при рассмотрении того или иного момента всех его составляющих, то можно проиграть битву, даже не начав её. Небольшое незнание определённых моментов и деталей, может в корне повернуть всю ситуацию вверх ногами. Во времена, когда за жизнь нужно бороться всем, что имеешь от природы и цивилизации, ошибки не прощаются, а незнание карается.

Майкл с ужасом воспринял немой посыл Марии. Он ничего не знал о старике в тоннеле. Первоначально, — когда он только выбрался из своего заточения, — ему казалось, что священник никакой угрозы не представляет. Он считал, что через некоторое время дед подойдёт к лестнице и будет просить прощения, помощи и еды. Но даже это, были слишком радужные надежды. Бывший тюремщик оказался не промах, он скорее всего, как только очнулся, то сразу отправился вдаль тоннеля, чтобы выбраться наружу. Пугало ли его по-настоящему возможность того, что из-за завала вылезет враждебное существо, или он просто сказал то, что первое пришло ему в голову. Существовал ли сам завал или там было ещё больше комнат-темниц?

— Ты знаешь, что там внизу? — спросил Майкл.

Мария смотрела на баррикаду, словно не расслышала того, что ей только что сказали, или, она просто сама представляла что-то в глубине тоннеля.

Майкл потянулся к баррикаде, чтобы убрать её и самостоятельно спуститься вниз. К нему назад вернулось чувство вины перед Марией, быть может, внизу ещё остались люди, которые нуждаются в помощи. Этот шанс был призрачным, но страх и жалость, охватившие его были реальны, и они причиняли ему боль. Старик может и не знать о том, что Майкл желает спуститься вниз и последовать за ним. Где-то внизу, вместо завала, может находится оружейная комната или мастерская, или любое другое помещение, где старый садист строит свои ужасные козни. Завал исчез точно так же, как и родился — только в голове Майкла.

Когда же часть баррикады, закрывающей спуск вниз была разобрана, Мария отошла от ступора, что крепко сковал её. Девушка вцепилась в руку Майкла. Она кричала и плакала.

— Не надо! — раздался её крик, когда она вжалась в тело своего спасителя.

Мужчина, будучи увлечённым неизвестным тупиком под землёй, не обращал внимание на девушку, пока не услышал её крика. Он снова оказался в патовой ситуации, для решения которой требовалось только ждать. Голова Майкла болела, после столь тяжёлых и продолжительных размышлений обо всём.

Майкл уже давно хотел занять себя делом. Даже его организм требовал разгрузки. Именно это он и получил. Мозг был погружен в мысли о надвигающейся угрозе, обороне, свободе, мире вокруг, и самой Марии. Прошло три дня после того, как он хотел спуститься вниз. На протяжении всего этого времени, звуки никуда не исчезали, они становились то тише, то громче, но всё время казались на расстоянии. Сам же Майкл вернул часть баррикады на место, и на протяжении всех свободных дней просто разгуливал туда-сюда. За

прошедшее время он укрепил двери и окна, обезопасив себя и Марию. Теперь они оба были в настоящей клетке, хоть и сделанной для того, чтобы оберегать. После попытки спустится вниз, самые извращённые мысли проскакивала в голове Майкла, в ходе которых он наделял своего старого мучителя сверхъестественными способностями и проницательностью; он даже перестал уделять внимание Марии, предоставив ту самой себе. Пытаясь обезопасить её, выстраивая неприступную крепость, он толкал одинокую девушку в ту самую бездну, откуда только недавно вытащил.

Пока в голове Майкла бушевала буря мыслей, у Марии всё происходило совершенно иначе: она наконец-то успокоилась и свыклась с тем, что находится далеко от своей старой жизни. Ей, наконец-то, стал интересен окружающий мир; впервые взявшись за случайную книгу, она начала читать её, иногда, бережно и невинно поглядывая на мучающегося в мыслях и работе Майкла. Мария уже больше дня не слышала звуков из подземелья, и ей казалось, что старик умер или сбежал. За прошедшее время она поняла, что ей не стоит бояться священника, так как его больше нет. Она бы уже начала более активно возвращаться в реальный мир: вышла на улицу, приделась, занялась чем-то интересным и полезным! Но всё было под неожиданным и строгим запретом.

Майкл медленно начал сходить с ума.

Ещё несколько дней маленький хаос продолжал существовать внутри церкви, беспорядочно разрастаясь, как плесень. С виду, это была неприступная крепость: она выглядела угрожающей, защищённой со всех сторон, внутри неё была милая и беспомощная девушка, и её мрачный, нервный страж. Также выглядит и прекрасный сад, огороженный колючими ветками, за которыми часто можно найти прелестный цветок. Этот сад манит к себе, стоит его увидеть только раз. Но чтобы подойти к нему, стоит заплатить очень высокую цену. Нет сильнее искушения, чем получить то, что хранится за замками и ловушками. Майкл понимал эту простую истину, и, параллельно возводя стены, он углублял могилу.

Терпению Марии стало кончаться, ведь уже прошла не одна неделя после того, как Майкл вытащил её на поверхность, и ничего плохого не случилось. За это время, она прочитала Библию, и сделала это далеко не один раз. Что-то в этой книге манило её, некая истина, которая спрятана между буквами. То был секрет мира, правда жизни, совет мудреца, созерцание творца. Девушка не раз пыталась успокоить своего мучающегося спасителя. Она ловила его в момент безумных хождений кругами. Майкл никак не реагировал, ведь она просто смотрела на него, как гипнотизёр. Только изредка он мог слышать её голос, когда сам находился в полном раздумье, и меньше обращал на подругу внимания.

Медленно текущая обстановка начала давить на эту пару. Мария просто хотела свободы, Майкл же оберегал её от этого. Его «забота» начала преобразоваться в странную, и пугающе знакомую, форму. В какой-то момент девушка подбежала к окну, чтобы посмотреть на улице через плотные деревянные доски на резвящихся птиц.

«Я тогда запрю тебя!» — раздался крик. То был Майкл — он сорвался на девушку, потому что ощущал угрозу для всего своего замысла. Позже, ему стало стыдно за то, что он выкрикнул, не сумев сдержать себя. После этого, Мария сторонилась Майкла. Сам же мужчина стеснялся просить прощения. Моментами он уходил куда-то в кладовую или угол, где вставал на колени и тихо плакал. Мария была обижена на него, но не могла держать зла, ведь она боготворила этого человека. Благодаря найденной книге, она наконец смогла постичь то, чего ей не хватало, будучи взаперти... Надежду.

Надежда умирает последней. Она изо всех сил, мучаясь, пытается продержаться, как можно дольше. Это заведомо проигрышное чувство, доставшееся только слепым и глупым. Она равносильна тому, что соломенный дом можно огородить от опасностей огненным кольцом. Вокруг светло и тепло. Крепко держится уверенность того, что никому не под силу пробраться через эту стихийную стену... но вот кольцо смыкается. Чем дольше существует надежда, тем плотнее и жарче становится в соломенном доме. Крыша горит и обваливается; человека осыпает пеплом и пачкает сажей. Он сгорает оттого, что слишком долго пытался жить в этой надежде. Она сжигает, так же растягивая ожидание, как делали и с ней. Это не месть за надежду, это её цена.

Если рассматривать это в виде привычного дерева, то от надежды отходит стручок апатии. После — отчаяние. Вскоре появляется и отвращение. В сладкой надежде ощущается то, к чему стремится сердце и ум. Когда же надежда испускает последний дух, то сразу происходит осознание того, что человек, довольствуясь иллюзией, сжигает самого себя изнутри. Отчаяние, хитро следившее издали, становится всё ближе; оно становится новым питомцем, другом, коллегой, и, казалось бы, никто раньше просто не знал, что такое «настоящие чувства», пока не приходится столкнуться с отчаянием.

Иногда случаются моменты, когда, возможно, ситуация неискоренима, и даже малейший проблеск «настоящей надежды» уже не сулит ничего хорошего. Бывает и такое, что никаких промежуточных моментов во всей однотипной истории не бывает. Всё может произойти быстро, почти молниеносно; свалиться, словно снег на голову, словно... сера с неба.

Это произошло совершенно неожиданно. На то, что внизу церкви может что-то происходить, никто уже не обращал внимания. Каждый получил свой наркотик, медленно сводящий с ума, притупляющий осторожность. Он удушающей хваткой вцеплялся в горло своих жертв, позволяя настоящей угрозе добраться так близко, как только было возможно. В мире за пределами мечтаний и мыслей, где-то среди физики, химии, и других действительных наук, связанных с реальным миром и его окружением, должно произойти что-то настолько выдающееся, настолько необычное, что способно вырвать любого мечтателя из его мира с корнем. Это происходит мгновенно, точно по щелчку пальцев. Этот резкий звук, громкий, неизвестный, заставляющий разом оглохнуть и потерять все остальные чувства. Звук, взявшийся будто из ниоткуда. Он заставляет сердце встрепенуться, а мозг отупеть. В тот момент мышцы напрягаются, и появляется желание бежать, скрыться.

Слишком поздно Майкл заметил то, что из тоннеля вылезло страшное существо. Снеся на своём пути баррикаду, оно, словно змея, возвысилось до потолка. Как оно нашло путь внутрь? Как оно додумалось пробраться в тоннель? Из огромного количества вопросов, родившихся в голове Майкла, можно было бы написать целую книгу, если бы ему не пришлось просто закричать, испытывая неподдельный страх, загнанной в угол жертвы.

Мария выбежала из кабинета священника, не догадываясь, что могло послужить причиной шума и крика. Она видела странное змееподобное существо, покрытое хитиновыми пластинами. Тварь возвышалась на несколько метров, и, казалось, что только малая его часть находится на виду. На самом верху туловища виднелась безрогая и безухая бычья морда. Пропорции, и сам внешний вид, говорили о том, что оно было словно создано на операционном столе каким-то безумцем, но, кроме этого, оно демонстрировало ещё не весь свой отталкивающий вид. Часть хитиновых пластин наслаивались друг на друга, словно ткань, обволакивающая нагое тело, защищая внутренние органы и слабые места.

Бычья морда заметила и услышала то, что Мария выбежала из комнаты. Существо почти

сразу потеряло интерес к Майклу и решило заняться более слабой жертвой. Девушку сковал страх — она ощущала себя так, словно на неё смотрело сущее зло. Первозданная ненависть в чистейшем виде; кошмары всех людей, принявшие извращённую, пугающую форму. Морда гостя начала только скалиться, словно понимая мысли жертв.

Когда же зрительный контакт между хищником и добычей был установлен, то гигантский бык-змей начал медленно извиваться. Его хитиновое покрывало завертелось и раскрыло в груди небольшое тёмное отверстие. Секунду спустя оттуда вылезла бледная и тощая рука. Длинная, но тощая как ветка, она, словно беглый зверёк шустро вырвалась на свободу, и начала загибаться к девушке. Словно мифический монстр-экзгибиционист, отверстие начало расширяться, и, оттуда появилась вторая рука. Третья! Четвёртая! Уже под хитиновой бронёй можно было лицезреть лишь хрупкий хребет, который обхватывала тонкая, смертельно бледная кожа. Эта опора казалась такой слабой и хрупкой, что можно было легко поверить в то, как даже слабый ветер способен разломать её. Сколько бы в голове не всплывало мыслей о хрупкости костей, ничего не смогло бы чудотворно сломать их. Только Майкл, и его дробовик.

Он очнулся от страха и вернулся в реальный мир. Оскорбительное и наглое поведения со стороны чудовища только раззадорило Майкла. Ведь вот, этот испуганный и удивлённый до смерти человек был перед самой бычьей мордой, но монстр просто отторгнул такую жертву. Майкл сразу открыл огонь по тому месту, которое посчитал самым уязвимым и болезненным для возникшего из ниоткуда существа. Раздался грохот, картечь частями проникла к хребту, но не смогла повредить его. Единственное, что удалось сделать выстрелом — привлечь к себе внимание. Бычья морда повернулась к стрелявшему человеку, и тот снова ощутил прилив сковывающего страха. В следующую же секунду он ощутил, как его схватила костлявая рука. Она бодро подняла его в воздух, из-за чего Майкл выронил оружие.

Надежда перешла в отчаяние. Мужчина уже верил в то, что у него просто нет шансов на побег. Его голова всё ближе и ближе наклонялась к бычьей морде, которая, будто и не хотела просто так убивать свою жертву. Пасть существа медленно открылась, и из неё вырвались клубы зловония, которые обжигали кожу. Зубов у чудовища не было, но в задней части ротовой полости находились странные зазубрины, которые недвижно ожидали пищу. Там, в глубине пасти, был целый ворох, целый тоннель острых кончиков-лезвий, через которые кто угодно мог пройти так же быстро порезанным на куски, как через блендер.

Стоило начать думать о новом плане по спасению, как Майкла затолкнули в рот. Он только и сумел, что зацепиться свободной рукой за подвисящую гигантскую губу. Хватка существа будто бы ослабла, но всё же продолжала толкать Майкла ещё глубже на встречу смерти. Силы начали покидать его, смрад и испарения обжигали не только кожу, но и лёгкие. Из рта Майкла начали вытекать ручейком кровь. Где-то снаружи слышалось паническое копошение далеко внизу, но пленник уже новой темницы всё воспринимал как отдалённый шепот. Единственное, что он слышал отчётливо, так это только своё сердцебиение, и бешенный хрип поглощающего его монстра.

Рывком удалось освободить правую руку из захвата, а ногами упереться за выпирающую челюсть. Майкл испытывал отвращение, но уже не к самому себе и своей беспомощности, а ко всей текущей ситуации. Смрад и боль отогнали все духовные муки, оставив только холодный расчёт и стремление к выживанию. Оставалось только держаться за доступные выпуклости из кожи и костей. Он уже потянулся второй рукой к другой части свисающей

губы, как почувствовал, что его что-то схватило. Это была одна из тех неподвижных зазубрин, которая вытянулась из-под щёк, и ринулась схватить прыткую добычу. Она обвила руку и дёргала в самое нутро. Ещё сильнее Майкла тянуло внутрь, и силы чтобы держаться стремительно кончались. Это было безумное и глупое стремление выжить, когда при оценке общей ситуации можно было прийти к выводу, что даже самая идеальная и гениальная попытка не заслуживать и малейшего шанса на исполнение. Это был приказ из глубин, когда мозг говорит одно, а тело — другое.

Мария смотрела на всю ситуацию глазами беспомощной овечки. Перед ней, её ангела-хранителя пожирало создания из ночных кошмаров. Но что же могла сделать маленькая и слабая девушка против такого могущественного и опасного существа? Ничего. Зачастую, когда под рукой не оказывается достаточно пригодного механизма или оружия, приходится прибегать к тому, что сильнее любой материи... уверенности.

Марии оставалось только продемонстрировать монстру, что она сильнее его, что она не будет бояться и прятаться. Это было единственное, что могло спасти её и Майкла. Девушка взялась за дробовик, и хотела выстрелить куда-то в лицо существа. Она посчитала, что даже небольшая рана смутит монстра, и заставит его отступить. Мария уже не пыталась успокоить себя ложными надеждами, — ей довелось заметить, к чему они приводят. Для неё умерла удача и случай. Оставалось только действовать так, как ей говорит внутренний голос.

Прозвучал долгожданный грохот, и, все снаряды из патрона пролетели мимо головы монстра. В метре за существом они растворились в темноте под потолком. Но чудище среагировало и направило взгляд на девушку. Когда же оно начало недовольно рычать, осуждая Марию, то ему на голову опустился тот самый крест, что свисал с потолка. Картечь перебила ржавую цепь, которая сбросила всю ношу на бычью голову.

Словно могучий меч небесного воителя, оружие прошло сквозь кости и кожу, и вышло наружу, с другой стороны. Монстр сам не поверил в то, что случилось с ним: он медленно осмотрелся, захрипел и рухнул. Из открытой пасти быка торчали ноги Майкла, покрытые слизью и кровью.

Глава 5.1 С того света (Озарение)

Глава 5. С того света

5.1 Озарение

То, что произошло между прибытием монстра и попытками старого священника освободиться из собственного заточения, можно описать несколькими словами. Но духовный путь, пройденный этим человеком, заслуживает того, чтобы рассказать о нём столько, сколько для этого необходимо потратить сил и времени.

Очнувшись в тёмной камере, старый священник был в некотором трансе; он явно не сразу смог прийти в себя и сообразить, что именно случилось. Когда же разум полностью вернулся к нему, то вслед за ним последовал ступор и внутренняя пустота. Внутри ничего не остаётся, и человек оказывается совершенно пуст. То бывают единицы, которые возводят в совершенство первое, что им попадает под руку. Вокруг царил только крошечная тьма, смрад разлагающейся плоти, холод и мучительная тишина. Именно в таких кузницах и создаётся тоска, скорбь, отвращение, и многие другие негативные и уничтожающие человека чувства. Ничего конкретного старик не смог предположить и выловить из окружающей его обстановки. Он сам был часть этой небольшой комнаты, был, словно каменным изваянием, которое уже много веков находилось в заточении, и вот-вот проснулось от векового сна. Что-то освободило его, дало ему возможность оценить жизнь, посмотреть на неё с другой стороны. Тишина с темнотой медленно поедали старика изнутри, и он чувствовал проснувшийся в нём позыв бежать, спастись. Волоча ногами, он выбрался в коридор.

Тусклые лампы в длинном тоннеле едва освещали всё вокруг. Свет был сравним только с слабым проблеском луны, которая вроде как светит, но слишком слабо. Но даже такой свет, нес с собой тепло и спокойствие. Эти умирающие лампочки отдавали последние силы на то, чтобы этот жестокий человек смог жить дальше и выбраться из заточения. Было ли у него имя? Было. Но он в нём не нуждался. Он давно был лишен привилегии равнять себя с теми, кто носил имена, олицетворяющие их, как личность. Лучи ламп нежно обволакивали лысину и мятое церковное платье. Каждая минута простоя в ореоле света вдохновляла бывшего садиста на действия. Он ощущал, словно меняется в лучшую сторону. Ему стало проще дышать, пропала боль и неприятные ощущения в мышцах и суставах. Он начал осознавать всю вину, которая висела на нём.

Люди слабые и живущие только верой, способны найти сакральный смысл почти в любой окружающей их детали. Так, лампа стала божьим ликом, который следил за своим рабом. Было ли это действительно божественное вмешательство или же старик благодаря психосоматическим воздействиям обрел спокойствие и блаженную уверенность, а затем, осознал все свои грехи. Он ощутил себя отдохнувшим, любимым кем-то свыше, и знал, что ему стоит предпринять, чтобы загладить вину. Перекрестившись под лампой на потолке, он направился дальше по коридору.

Ему довелось потратить несколько минут, чтобы подойти к лестнице, по которой он некогда спускался вниз с молодым и сильно доверчивым парнем, а ещё раньше с одинокой и измученной девушкой. Ступая от самой первой лампы, он уже не шаркал; его походка была уверенной и лёгкой. За минуты простоя под светом, он излечился не только духовно, но и физически. Стоя под большим роялем-баррикадой, он тихо прислушивался к тому, как наверху царит и резвится юная жизнь, как вернувший себе свободу мальчишка наслаждается

тем, что вернул обратно. Девушку же старик не услышал, но ощущал её присутствие.

Стоя продолжительное время под баррикадой, священник наслаждался счастьем молодых. Он, конечно, понимал, что будет лишним среди них. Ему не будут рады, когда он начнёт проситься к ним, или хоть как-то себя покажет. На него держат зло, и могут убить лишь увидев, а значит, путь назад ему заказан. Старец начал возвращаться тем же путём, по которому и пришел. Через полчаса он оказался у вертикальной лестницы вверх. Когда он много недель назад соврал пришедшему о завале, он всего лишь хотел утаить удобный для побега выход — лестницу, выходящую недалеко от местного полицейского участка. Такое необычное построение подземных ходов объяснялось тем, что много десятилетий назад, некоторые религиозные устои преследовались со стороны гражданской позиции с особой жестокостью. Нехитрым путём через тоннели, люди могли бежать в ближайшее безопасное место, где их могли бы защитить. Сейчас же, когда мрачные времена ненависти и недоверия канули в лету, тоннели стали превращаться в подвалы и хитрые пути домой для тех людей, которые сторонились любопытных глаз. Именно этот небольшой путь и избрал для себя старик. Просто сбежать. Спрятаться как можно дальше от детишек, которых он заставил страдать, и, если повезёт, молиться об их спасении так долго, как он только сможет.

Выбравшись наружу, старик снова начал сомневаться. Принесённую им же боль не замолвить молитвами. Тела и души обоих будут искалечены до тех пор, пока их не призовет Он. Священник может только просить Бога о том, чтобы тот был более благосклонным к заблудшим душам, но и он сам имеет возможность протянуть руку помощи.

Старец просто сидел на скамье недалеко от парка. Он смотрел на церковь и осознал одну маленькую мысль: став мучителем для бедных людей, он связал их всех с собою. Неужто он не может помочь им благородным делом, а просто стоять в стороне и говорить про себя молитвы? Это настоящий эгоизм! и их, и его душа заслуживают помощи и любви друг к другу!

Через несколько часов в местных магазинах и домах пропали медикаменты и различные мелочные припасы. Где-то на прилавках и столах можно было найти уже никому ненужные денежные купюры, где-то были записки со следующим содержанием: *«Ваши вещи отданы на помощь страдающим душам. Вы можете их забрать в церкви парка Авраама. При необходимости, весь ущерб вам будет возмещён. Да благословит Господь Ваши души»*. Насколько бы не был приятен столь странный жест, никто не заберёт деньги и не прочтёт эти записки.

В общей сложности с ближайших домов были собраны: капсулы с обезболивающим, противовоспалительные мази, бинты, препараты от рядовых болезней, стимулирующие и бутылки с перекисью. Всё это было помещено в массивную спортивную сумку и, бережно уложено перед главным входом в церковь.

Но и такой благоприятный жест не очистил старца: он по-прежнему ощущал себя привязанным к молодым людям. Как бы сильно он не хотел загладить свою вину, он никуда не спешил. Оставив сумку у порога здания, он не стал привлекать к себе внимание, стучать или шуметь. Он понимал, что рано или поздно парочка попытается выйти наружу, и, обнаружит перед собой такой великодушный подарок. Старик решил остаться и помогать из тени. Ему не нужно было, чтобы кто-то благодарил именно его, ведь, вся помощь оказывается Им, и, именно Ему должна сыпаться вся благодарность. Пусть священника и будут тайком поносить и дальше, он не отступится оттого, что продолжит этот благородный путь.

Не отставая далеко от своего старого жилища, и, не пытаясь ворваться в закрытые дома, старик решил вернуться через знакомые пути в подземный тоннель. Постелив собственную накидку на пол, он решился жить под землёй. Он станет ангелом-хранителем, живущим под боком у незнающих о нём людей. Святой символ, спящий в грязи.

Проснуться пришлось так же поспешно, как и заснуть вечером. Старик не ел и не пил уже много часов, но, — как ни странно для людей, поглощённых одной мыслью, — он не испытывал ни жажды, ни голода. Никакого-либо негативного ощущение от самоистязания не было. Этот человек был опьянён тем, на что он подписался. На протяжении нескольких часов он продолжал сидеть под баррикадой, и прислушивался к тишине наверху. Иногда он уходил молиться за измученных, возвращаясь к своему спальному месту прямо под лестницей. Молился он более яро, чем доводилось ему делать до своего перерождения в отвратительного человека. Звуки, которые он издавал в такие кроткие и интимные моменты, напоминали скорее плач, нежели собранную речь. Мысли о своих поступках и ошибках пугали его, заставляли дрожать и плакать. Это был мученик, возрождённый проведением.

Повторение всех этих действий снова и снова не могло продолжаться вечно. Оно бы продлилось ещё пару дней, максимум, неделю, пока тело старика не ослабнет и иссохнет. Сам старик был готов пойти на такую жертву, — ничего его уже не привлекало и не интересовало, никакая другая идея не выходила на передний план. То, стало его новым смыслом жизни, некой дорогой к благодати и просвещению. Но у судьбы — или бога — были на то другие планы. На третий день общих молитв и подслушиванием за умиротворённой парочки, старик невольно привлёк к себе излишнее внимание. В начале, ему казалось, что он случайно станет свидетелем чего-то великого, так как не раз слышал над собой странный звуки, будто что-то тёрлось о каменную кладку. Старец не поднимал голову, ибо боялся спугнуть то, что обратило на него внимание. Его вера ослепила глаза, предоставив нахлынувшему духовному спокойствию быть главным органом.

Молитвами за спасение и упокой, священник привлёк внимание того самого чудища, что позже пролезет через баррикады внутрь церкви и устроит там настоящий кавардак.

Бывшему садисту не дано было узнать, что с ним стало, что именно проникло внутрь церкви. Продолжая верить в правильность своих поступков, он лишил себя, пожалуй, самого сильного страха, которые когда-либо смог бы испытать в своей жизни. Он умер в счастье, в свете и любви. Продолжая думать о тех, кому он некогда причинил вред.

Более двадцати месяцев садист и мучитель. Позже, три дня праведник и мученик. А затем... забытый всеми, никем неизвестная и нелюбимая жертва.

Глава 5.2 С того света (Кара слепа)

5.2 Кара слепа

Когда странное создание с телом змеи и головой быка рухнуло на пол, Мария была не в силах сойти с места. Она одновременно испытывала и страх, и дикое восхищение оттого, что именно после её действий произошло столь великое свержение загадочного монстра. Девушка действовала полностью интуитивно: ей впервые удалось взять в руки такое оружие, но это не помешало безошибочно воспользоваться им.

После выстрела дробовик вылетел из слабой хватки девушки. Он выскочил и скрылся где-то вдали, словно тоже пытался спрятаться от текущего конфликта. Руки Марии беспорядочно тряслись от прошедшей по ним отдачи. Было ощущение, будто девушка в руках сжимала молнию, которая неожиданно выскочила. В первую очередь Марию оцепил шок. Что случилось? Как так вышло? Она осознала только то, что в руке сжимала грозное оружие, которым Майкл пытался уничтожить чудовище, но затем... с неба упал огромный золотистый меч и поверг чудовище. Бедняжка даже не могла связать два этих события, соединить их и найти закономерность. Она раньше не замечала прикрепленный к потолку крест, который свисал оттуда чуть ли не с самой постройки здания. Когда она впервые оказалась здесь, то смотрела только в пол; Майкл же почти сразу осмотрел всё вокруг, каждый угол и каждую щель.

Случившееся только сильнее повлияло на то, как Мария начала ощущать окружающий мир. Не пытаясь вспоминать прошлое, — так как и ей самой давалось это с превеликим трудом, — она сильнее начала тянуться к настоящему. Ничто не сглаживает боль вчерашнего дня, как скорые события настоящего. Прочитав достаточно раз найденную ею книгу, она была готова поверить в то, что своими действиями смогла привлечь к себе внимание кого-то свыше... Кого-то настолько могущественного и доброго, что он великодушно послал своё грозное оружие на голову врага, даже не думая забрать его обратно.

Случилось так, что случайно упавший объект стал символом почитания у одной, и счастливой случайностью для другого.

Сколько бы нельзя было смотреть на торчащий из бычьей головы огромный крест, но тушу, в которую он был воткнут нельзя было игнорировать. Она чем-то напоминала небольшой холм, из вершины которой символично торчал тот самый снаряд. Не оспоримо, что многие люди, которые увлечены каким-то единственным процессом или объектом, просто не способны на то, чтобы реагировать на что-то другое. Мария бы и дальше стояла молча перед поверженным созданием, если бы её оцепеневшая от отдачи рука не продолжала ныть и зудеть. Словно прикованная, она не могла двинуться из-за сковывающего чувства благоговения перед спасительным объектом. У неё не было духа заняться чем-то более важным. Как и бывает с людьми, которые испытывают нестерпимый дискомфорт, они не могут собраться с мыслями и уделить всё своё внимание чему-то одному. «Какой прекрасный крест!»; «Как он здесь очутился?»; «Он такой яркий!»; «Почему он упал именно сейчас?»; «Интересно, а он очень тяжёлый?»; «Надеюсь, это страшилище больше не поднимется». Между одной из таких мыслей, которые вертелись вокруг креста и монстра, промелькнуло небольшое имя: «Майкл».

Девушку словно ударило током. Неприятные ощущения в руке исчезли, и, мысли о спасительном кресте не казались какими-то чересчур великими. То была обычная

случайность, но крайне удачная. Она принялась помогать Майклу, который продолжал лежать с торчащими ногами из пасти чудовища. Он никак не среагировал на то, что до него дотронулись, и попытались вытащить наружу. Мария была исхудавшей, но даже будучи обессиленной, ей удалось за ноги вытащить своего друга наружу. В начале вытащить бессознательного Майкла было тяжело, но затем, его словно сорняком вырвало из пасти; Мария как будто на секунду стала сильнее в несколько раз. Позже, она сама удивлялась тому, как ей удалось всё это совершить.

Мария не просто вытащила Майкла наружу, она смогла дотащить его до кабинета священника, где, бережно положив на пол начала осматривать. Какими бы отвратительными порами не пропитался насквозь Майкл, и как сильно он не был бы испачкан кровью вперемешку с слизью и слюной, Мария продолжала в нём видеть своего драгоценного спасителя и героя. Если в самом начале он показался ей тёмной фигурой, которая излучает только боль и страдание, то потом он стал обычным человеком, который на самом деле чуть сильный, чем выглядит. Сейчас, лежа на полу, он представлялся ей воином в сияющих доспехах. Несмотря на своё поражение и падение, он всё равно казался могущественным и непобедимым. Если же герои творят свои свершения, то за ними постепенно выстраиваются те, кто творят этих героев дальше, поддерживая их и совершенствуя. Именно такие роли распределила Мария.

Новые раны Майкла были незначительны. То, что ему удалось пережить в заточении садиста было в несколько раз опасней и хуже. Сейчас же он мог похвастаться только тем, что у него появилось несколько новых синяков и слабых царапин. Не сразу Мария заметила что-то новое; ей даже показалось, словно ничего другого на теле и не было, однако, на ладони правой руки красовалась рубленая сквозная рана. Характером повреждений она отличалась от всего остального, словно ворвалась так же неожиданно, как и смерть змеевидного монстра. Мария сразу представила золотой крест. Именно эта жуткая рана и была нанесена им. Ещё более странным было то, что рана не была раскрытой. Всё успело затянуться, из-за чего казалось, словно это ранение было получено очень давно. Только ближе к пальцам прослеживалась свежие следы, то было показателем того, как девушка вырвала беднягу из пасти. Девушку пугал тот факт, что из-за её «помощи», этот человек пострадал, но и в то же время был невредим.

Внутри церкви количество медикаментов было минимальным. Там можно было найти только несколько таблеток от головной боли и для понижения артериального давления. В панике Мария уже хотела выбежать за пределы здания, чтобы как можно скорее найти помощь для пострадавшего. Но стоило ей выглянуть наружу, как она обнаружила на пороге загадочную сумку. Как давно она была здесь? Что внутри неё? Никто из жильцов церкви не мог это знать. Об этом мог бы сказать старый священник, если бы мертвецы могли говорить. Руки боялись тянуться к красной сумке; она выглядел угрожающе и зловеще, словно была предоставлен кем-то, кто хотел навредить, кто прямо и говорил: «в этой сумке таится ваша смерть!». Она была потрёпанная, грязная, цвета свежей крови, её словно носили от одного страшного места к другому, в ходе которых она пропиталась чем-то пугающим и опасным. И она ждала, словно зверёк — тихо и послушно, — чтобы выждать мгновение и напасть. Именно так и выглядела эта незнакомая сумка.

Мария же стояла перед зияющей под её ногами бездной. Перед ней лежал символ настоящей таинственности и неопределённости, что-то хорошее, или, что-то плохое. Позади девушки был чистейший ужас и горе: мёртвое тело, омерзительное зловоние, и страдающий

от боли друг. Столь небольшой, но необычный предмет, способен изменить всё вокруг. Было ли там настоящее спасение или всеобщая гибель — неизвестно. Один раз Мария уже увидела, как из открывшегося отверстия вылезла зловещая рука... но ведь монстр мёртв! Погибшее внутри стен существо не способно навредить после того, как испустило дух, а значит... значит бояться нечего. Но всё же Мария не спешила протянуть руки к сумке и открыть её. Она сомневалась в собственной безопасности и безопасности Майкла. Как долго ещё небесный воитель сможет оберегать девушку и её друга, оберегая их в самых разных моментах? Будет ли ему под силу уберечь Марию оттого, что находится внутри кроваво-красного зверя? Если погибнет Майкл, погибнет и Мария. Мария — Майкл. Гибель одного равнялась гибелью другого, и, всё это подвластно только Ему — тому самому вершителю судеб.

Мария медленно потянулась к застёжке на сумке, отдавая свою жизнь и судьбу тому, кому по праву ею распоряжаться. Это был второй полученный ею урок, взятый из найденной книги — смирение.

Открывшаяся сумка ослепила девушку; весь подбор красноватой внешности и чёрной внутренности скрывал в себе белоснежно-белый ком. Наваленная куча из коробок и склянок словно сияла светом звезды. Это было вознаграждение за то, через что пришлось пройти бывшей в заточении паре. Мария теперь не сомневаясь могла верить в то, что найденная ею книга ничему плохому не научит. Для неё Библия превратилась в учебник, свод правил и советов. Знание, передающиеся с стародавних времён.

Что-то в голове Марии щёлкнуло, видимые ею коробки оказались как раз таким тем, что могли помочь Майклу. Отдышавшись от испуга перед страшной сумкой, она остолбенела от радости перед её содержимым.

В скором времени девушка начала лечить друга. Она не боялась преувеличить с заботой и внутренним страхом того, что сделает всё плохо и неправильно. Всё даже вышло совсем иначе: потратив, примерно, в пять раз больше необходимого, она почти превратила Майкла в забинтованную мумию. Слабые порезы, синяки, и просто не нравящиеся Марии места на теле были прикрыты и обеззаражены. Больше всего лекарств ушло на повреждённую кисть. Пациент на протяжении всех процедур ни разу не шелохнулся. Он только молча лежал дальше на полу, продолжая умеренно дышать.

Словно каменное изваяние, что охраняют покой усопших на старых кладбищах, Мария тратила всё время на то, чтобы находиться рядом с Майклом. Она положила его голову на колени, надеясь таким образом согреть пострадавшего. Изредка, она читала отрывки из книги. В этот небольшой период она полностью забыла про еду и питьё. Ей было достаточно только того, что она находится рядом с человеком, который нуждается в её заботе и помощи. Марии казалось это необычным, приятным, и, чем-то величественным, словно её действия исходят от чего-то неопределимо могущественного и тайного. Любой бы смог подумать также, осознавая то, что и девушка, и её друг находились в опасном положении. Мало того, что они не точно знали о гибели существа, а лишь отдалённо догадывались об этом, так и ещё их крепость была открыта нараспашку, благородно приглашая любого путника внутрь, не взирая на его внешний вид и мотивы.

Именно то, что за целых два дня ничего плохого не случилось: никто не наведился к парочке, никому не стало хуже, — и даже мысли негативной не проскочило между ними. Это было доказательством того, что всё было кем-то спланировано.

5.3 Процессия

Майкл потерял сознание ещё тогда, когда пожирающее его чудище свалилось набок. После резкой встряски и удара, всё обратилось в темноту. Единственное, что можно было заметить перед случившимся, так это то, как сверху сквозь мясо и кости спустилось большое золотистое лезвие, что воткнулось в руку. Остальное было словно в бреду: где-то издали разносились сомнительные и невнятные звуки, повсюду царствовал коктейль странных запахов и ощущений. Майкл бы предположил, что снова оказался в своей тёмной клетке, или вовсе никогда не покидал её пределы. Но эти мысли посетили его в тот момент, когда он начал приходить в себя. Ему довелось очнуться на мягкой и тёплой подушке; окружающая его обстановка пустого и безжизненного кабинета была более гнетущей и скучной. Весь скоп эмоций и ощущений, что мучали его в бессознательном положении, длился всего лишь мгновение.

Собственного тела он почти не ощущал. Ноги и руки ужасно ныли и зудели; он словно только что вернулся с тяжёлой работы и нуждался в продолжительном отдыхе. Только так и встречает тело своего хозяина, когда тот пробуждается после крепкого и трудоёмкого процесса восстановления. В такие промежутки, мозг отключается, перепроверяя и восстанавливая искалеченное тело.

Проведя ещё раз взглядом по кабинету, Майкл обнаружил поодаль от себя незнакомую сумку, которая выглядела глупо и неестественно — красная снаружи, чёрная внутри. Из открытой нараспашку пасти нейлонового зверька красовалась целая гора белоснежных банок и коробок. Очнувшемуся мужчине было неизвестно, что это за сумка и откуда она взялась, но ему было всё равно, его просто она позабавила. Не забавляла его только странная подушка, на которой он лежал уже не первую минуту. Она была неестественно тёплой, точно грелка, которой никогда не было под боком, в добавок она пульсировала, словно внутри её работал маленький моторчик; мягкая и упругая, как водяной матрас. Забава от сумки перешла к смущению из-за текущих обстоятельств: он помнил только то, что был внутри пасти огромного монстра, а сейчас, валялся словно турист на отдыхе. Вокруг было слишком тихо, и, он смотрел в пустоту, лежа головой на чём-то очень приятном. Как он здесь оказался? На чём он лежит? Ничего из этого не было ему известно. Только небольшая мысль отгораживала его от попыток что-либо узнать: «таким образом, я лишусь этой маленькой вещицы». Проведение всей оставшейся жизни в этой мягкости казалось более приятным, нежели возвращение в опасный и враждебный мир. Разве он не заслужил того, чтобы отдохнуть на таком приятном ложе? Заслужил! не меньше любого другого из людей. Части прошлого и настоящего начали медленно складываться в полноценную картину, и, в голову пришло самое логическое умозаключение — Майкл умер. После всех своих страданий, он наконец-то оказался в обители спокойствия. Все же живут в физическом мире с мыслью, что когда-то им дано оказаться в самом ласковом и прекрасном месте. Блаженная вечность, которая может длиться лишь секунду, и не насладиться, и не устать. Будь на то силы, он бы уже повернулся и уткнулся носом в заветную мягкость, пытаясь, как маленький ребёнок, проникнуть в самую глубь.

Откуда-то сверху раздался странный режущий звук. Сердце замерло. «Что это было? — промелькнуло в голове, — быть может, это был чей-то замах? Или кто-то решил подкрасться

ко мне незаметно, пока я отдыхаю». Майкл сразу переходил из одной крайности к другой; он представил себе самые худшие варианты из всех возможных. Если же рядом с ним действительно был противник, значит, он не умер. «Каким я оказался дураком!», — отругал он сам себя. Но в моменты опасности нужно действовать решительно. Даже с ослабленными и затёкшими конечностями, Майкл должен дать такой отпор, за который потом не придётся краснеть. Если же он сейчас не сможет постоять за свою возлюбленную подушку, за этот символ чистоты и спокойствия, то он никогда не будет его достоин.

Майкл резко поднялся на колени, но из-за слабости в мышцах рухнул вбок. У него даже не получилось и пары секунд простоять в вертикальном положении. Ему оставалось только лицом встретить нависшую над ним угрозу, мужественно посмотреть на... Марию, которая просто перелистывала страницы книги. Лицо Майкла было краснее любого сочного помидора. Его сразу смутило и пристыдило три вещи: во-первых, — он ни о чём не догадываясь лежал на коленях девушки, нагло и пошло грезя об их нежности и мягкости; во-вторых, — он глупо заставил себя поверить в то, что рядом с ним оказался противник, когда никаких предпосылок для того не было; в-третьих, — он нелепо рухнул на пол, не в силах выдержать собственный вес; Майкл, встав, просто свалился, словно большое срубленное дерево. Все эти смущающие обстоятельства окрасили в красный всё лицо.

Мария обратила на него внимание. Она сначала бросила невинный взгляд, а потом метнула быструю и слегка ехидную улыбку. Если же первое действие было как никак спокойным и достойным сложившейся ситуации, то второе сыграло против упавшего обидную шутку. В глазах Майкла, девушка улыбнулась так, как будто что-то похожее он уже вытворял и раньше. Так бы смотрел король на своего старого шута, который уже никак не мог шутить о чём-то новом и интересном, а выдавливал из господи одну лишь жалость.

— Привет... — тихо произнёс Майкл.

Девушка только улыбнулась в ответ. Теперь её улыбка казалась более дружелюбной и приятной.

— Я рада, что с тобой всё в порядке, — прозвучал голос Марии, когда Майкл пытался подниматься.

Конечно же, он был спокоен из-за того, что находился сейчас в полной безопасности, и ещё более был рад тому, что Мария была рядом. Кружащие вокруг тишина и спокойствие опьяняли своей непорочностью. Майкл с трудом встал на колени и смотрел прямо на девушку. Они молча наблюдали друг за другом, словно изучая и проверяя, всё ли в порядке.

Он словно выпал из реального мира не на пару часов, — как ему казалось изначально, — а на несколько дней. Он уже смутился и запутался во времени, не мог осознать, как долго они живут внутри этого здания. Эта мысль притупляла все остальные чувства, заставляя плыть дальше по обыденному и неторопливому течению. Однако, каким бы ни был окружающий мир, Майкл всегда пытался отделиться от него. Отличиться. Он чуть ли не с самого детства был каким-то необычным, то ли изгой, то ли пуп земли. Его все то любили, то бранили. Странность в поведении этого человека легко была заметно там, где любой другой сказал бы: «я бы никогда так не сделал». Пытаться за шутками спрятать страх и боль; пытаться вести себя необдуманно и импульсивно (даруя рычаг управления над своими действиями странным случаям и интуиции) — это был Майкл.

Именно из-за всего, что было в жизни этого человека, и, что в конечном итоге сделало его самим собой. Всё это позволяло ему ощущать обыденность вокруг каждый момент жизни. Только старая обыденность давно изменилась на что-то иное; мир давно перестал

быть самим собой, но это не изменяло того факта, что сама обыденность исчезла. Перебравшись в другое место, где предпочитают иной часовой пояс, нельзя сказать, что время исчезло. Нет. Оно осталось, но имеет другой вид. Новая обыденность тоже имеет свойство нарушать своё спокойное течение, и Майкл, как часть этого «великого», легко ощущал мельчайшие изменения.

Память о случившемся вернулось бумерангом, словно этот небольшой снаряд ударил прямо в голову.

— Мы должны бежать! — Майкл вскочил и направился к двери. Он ясно помнил то, что монстр всё ещё был жив.

Открыв дверь, ему довелось увидеть величественную картину поверженного великана: монстр по-прежнему продолжал лежать недвижимо, медленно отдаваясь всем существующим биологическим процессам. Этот удивительный вид заставил бы любого встать в ступор от недоумения. Такая реакция была сравнима с тем, если бы Луна упала в океан. «Это чудище мертво! Это первое, наверное, убитое когда-либо чудище! Оно.. мертво» — проговорил про себя Майкл. Он словно повторял одну и ту же заученную строчку знакомого догмата, которая, из-за случившегося, приобрела совершенно иной смысл. Это событие изменит жизнь каждого, если ещё где-то и остался этот «каждый». Если эти создания смертны, то от них можно избавиться, значит, можно и сопротивляться. Это был первый кирпич, установленный на дорогу долгой борьбы за выживание. Майкл ощутил от этой мысли прилив сил, внутри него всё бурлило от осознанного.

«Теперь, мы должны сражаться».

— В любом случае, мы должны уходить! — прервал свои мысли Майкл.

Он прекрасно понимал, что его желание всего лишь искра бурной фантазии. Во всей этой вдохновляющей мысли, есть только он один.

Насколько быстро может взойти и сесть солнце, настолько же может произойти и с слепой надеждой, лишенной какой-либо возможности на реализацию, не говоря уже об её успешности. Майкл выкинул из головы всё, о чем хотел бы говорить часами. Ему не дано стать героем и освободителем, так как сейчас он вложил на себя совсем другую роль. Сдержав весь восторг, он прошел мимо огромной туши практически безмолвно.

— Но как же... — Майкл всё ещё не мог понять, что именно привело к такому счастливому совпадению, и, особенно, спасению его из лап смерти.

Услышав эти слова, Мария сразу же подскочила к спасителю и взяла его за руку. Встав перед ним, она показала ему *ту самую* книгу. Майкл с трепетом посмотрел на Библию. От одного лишь прочтения названия, по коже пробежали мурашки. Ему казалось это всё какой-то нелепостью или случайностью, но то, как Мария смотрела в его глаза, — слегка хитро и самодовольно, — по-настоящему пугало. Ему показалось, словно выказывая сомнения, он обрекает себя на страшную кару.

Парочка всё же благополучно добралась до дверей наружу. Их открытый вид не помог расслабиться и ощутить себя в безопасности. Всё же мужчина не знал, — и возможно, не хотел этого знать, — о том, что пробыл без сознания больше суток. Эта информация только сильнее начала бы его пугать.

Стоя на пороге во внешний мир, Майкл наблюдал за тем, как медленно всё вокруг продолжает жить в своём привычном темпе. Сама же церковь находилась будто на необитаемом острове. Он слишком сильно расслабился, слишком долго заставил себя забыть о своей первичной цели. Предположительно, он посчитал, что пробыл в церкви два месяца.

Ему давно следовало вернуться на старую тропу и идти дальше по континенту и продолжать переносить историю своей семьи из уст в уста. Но с приходом Марии, все планы изменились. Теперь Майклу следовало вернуться в свой родной дом, и возможно, начать там новую жизнь. Ведь, память не вернёт семью к жизни, но *им* под силу создать новую.

Свежий и прохладный воздух бодрил. Чувства страха улетучилось, и, он был готов приступить к исполнению своей новой задумки.

Загружать все вещи по сумкам и рюкзакам пришлось недолго; почти через час все были готовы отбывать в новое путешествие. Майкл был целеустремлён, и Мария даже не сомневалась в его правоте. Она уверенно следовала за ним, помогая собрать вещи. Сколько бы у них в конечном итоге с собой ни было свободного места, слишком много пришлось оставить позади. Наблюдая вновь за улицей через открытые двери, они оба готовились сделать то, что им осталось — первый шаг. Майкл боялся выйти наружу, словно из-за этого действия весь мир вокруг него изменится до неузнаваемости, и ему придётся заново учиться жить в нём. Мысль того, что всё теперь работает иначе, до сих пор не покидала его голову. Он боялся выйти наружу из этой крепости, боялся встать перед одним повисшим вопросом: «что изменилось? всё вокруг или я сам?».

Слишком длинное ожидание только бы усугубило ситуацию. Их могла настичь ночь, и она заставила бы людей пережить её внутри уже знакомых стен, всё сильнее отдаляя и усложняя начало желанного пути. В подобных ситуациях нужны решительные действия. Вытолкнутый родителями птенец или полетит, или разобьётся. Дерево не будет выжидать вечность, пока его житель сделает хоть что-то, рано или поздно оно рухнет, и, именно поэтому следует действовать прямо сейчас. Майкл стоял, словно одурманенный. Проведя более двух лет в паломничестве, — и выживая при этом крайне удачно, — он почему-то боялся вернуться назад.

Наш мир полон различными открытиями. Некоторые из них предоставили нам знания давних предков. Иногда даже возникает вполне резонный вопрос: «как до такого дошли?». Всё человечество никогда не сможет выразить большую благодарность людям наивным, слегка глупым и недальновидным, рискованным и по-детски нелепым, неуклюжим, ленивым, импульсивным. Когда же человек не пытается крепко держать своё поведение в рамках приевшихся ему устоев и правил, ему тяжело реагировать на что-то новое и давно непривычное. Майкл бы не вышел и дальше на улицу, выискивая самые разные причины, чтобы остаться внутри и не рисковать. Однако, когда он только начал раздумывать обо всём позади, вперёд вышла Мария. Девушка уже готова была к тому, что покинет навсегда высокие потолки своего старого дома, и не собиралась задерживаться в нём дольше положенного, ибо не видела в этом смысла.

Заметив, как девушка спокойно вышла наружу, слегка при этом деловито и игриво подпрыгивая, Майкл пошел за ней. Не он показывал ей новый и враждебный мир снаружи, а она стала его провожатой; она выгнала Майкла вместе с собой, не взирая на угрозы и опасности. Быть может, он просто побоялся того, что остаётся один, но сам себя уверял в том, что нужен девушке не меньше, чем она ему. На руинах мира, порой только гордость и составляет компанию.

Взяв Марию за руку, Майкл направился с ней через парковые деревья навстречу неизвестности. Тепло её руки было маяком для него. Теперь он видел мир более ясно, чем когда-либо раньше.

Глава 6. Стигмата

В первую очередь, после прощения со старым зданием, Майкл решил не сразу мчаться на всех парах в родные места. Новое ответвление в жизни Марии началось с неприятной обстановки, ведь на ней до сих пор находились те самые тряпки, в которых она проживала своё ужасное заточение. Омерзительные лохмотья будто бы ещё сильнее заставляли девушку мёрзнуть и вздрагивать из-за порывов ветра. В добавок к этому, она передвигалась босиком.

Майкл почти сразу завёл девушку в один из ближайших домов. К его удаче, внутри оказался богатый выбор одежды, но здесь возникла другая проблема: Мария не собиралась надевать одежду посторонних людей. Она никак не высказывала причину столь странного поведения, но по ней казалось, что она всеми силами верит в то, что эти люди рано или поздно вернутся. Её спаситель всё же не собирался покидать город без более-менее подходящей для путешествия одежды. Он молча сел на кровать и начал смотреть на то, как Мария продолжала читать книгу, полностью игнорируя нужду в смене костюма. Он смутно помнил что-то из религии, — в основном он видел по телевизору различные передачи и адаптации, — и мог представить одежду из тех времён.

— Хочешь ходить в лохмотьях, как они? — спросил Майкл, кивая в сторону книги.

Девушка удовлетворительно покачала головой.

— Будет холодно, — продолжил он.

В ответ последовало очередной немое «да».

— Некрасиво...

«Да».

Майкл обиженно поднялся на ноги и пошел в сторону шкафа. Он ещё сильнее начал гневаться из-за того, что ему попался такой странный товарищ. Рыская среди огромного количества одежды, он пытался найти то, что с гордостью мог бы на себя надеть любой бездомный, чтобы не выделяться.

— Знаешь ведь, что во времена, о которых пишет эта книга, никакого особого выбора одежды и не было. Тряпка тут, тряпка там. Что сделали, то и надевай. С того момента разнообразие стало гораздо шире, и поэтому, люди из этой книги в наше время наряжались бы вполне красиво. — Майкл говорил из гардероба, всё сильнее и сильнее углубляясь в залежи шелка, синтетики, грубой ткани, кожи и меха.

— Мне всё равно, — прозвучал голос из спальни.

«Да ты издеваешься!» — проговорил про себя Майкл. Он терял терпение, и был готов насильно одеть девушку во что угодно, лишь бы она наконец-таки оделась нормально, по-людски.

Он вышел к девушке и остановился, заметив, как странно она смотрит на него, словно ребёнок на желанную игрушку. Тогда же Майкл решил осмотреть и себя. На нём были толстые джинсовые штаны и лёгкая майка, повторяя старую моду, сверху же было надето потрёпанное пальто. Всё это было мятым и грязным, где-то прослеживались потёртости и дырки. Майкл сам выглядел, как житель улиц и канав, но более прилично.

— Хочешь одеться, как я? — спросил Майкл, которого резко осенило от взгляда девушки.

Мария также без слов кивнула головой. Это было самое радостное немое «да», которое

за последние несколько минут увидел Майкл.

Взявшись за что-то похожее на собственные лохмотья, он провёл чистой одеждой по запыленной мебели, бросил на пол и прошелся по ней. В конечном итоге у него получился писк моды времён апокалипсиса и почти полного исчезновения человечества.

— Не волнуйся, извинение перед хозяевами я беру на себя.

Мария спокойно начала переодеваться, но этого удалось добиться не сразу. Хоть перед ней и была нужная одежда, она всё же не хотела обременять жильцов, даже несмотря на то, что никого из них никогда не видела. Майкл продолжительно уговаривал её, и девушка согласилась, а он чувствовал гордость за себя, и стыд за саму Марию. Пока происходил весь процесс преобразования, мужчина успел найти для своей спутницы сумку и оружие. Для себя же он приглядел на книжной полке сборник анекдотов для дальнбойщиков. «Не только ведь ей читать книжки и грезить о светлом прошлом?». Он давно уже потерял свою прошлую книжку, и начал ощущать то, как становится более холодным и мрачным по отношению ко всему вокруг. Глупый и непонятный юмор был для него как наркотик, как минута воспоминаний о прошлом для тоскующего старика.

Долго ждать не пришлось, Мария вышла из комнаты почти через полчаса. Растрёпанная и грязная одежда придавала ей более уверенный вид: девушка словно стала выше, и более крупной. В добавок к найденной одежде, она на голову надела сильно потрёпанную кепку. Вскоре парочка покинула дом.

Они медленно продвигались через узкие переулки и сквозные дворы. Марии это было неприятно, и она хотела, как можно быстрее оказаться на открытой местности и рассматривать всё вокруг с детским любопытством. Майкл же всё сильнее думал о том, что девушка не понимает всей опасности, царящей вокруг. Она была слишком расслабленной, словно никогда не видела никого из чудовищ раньше. Даже нападение «быко-голового» никак не повлияло на неё.

— Ты не боишься? — поинтересовался Майкл.

— Нет.

Девушка смотрела куда-то вдаль домов. Она не поворачивалась к нему, и он понимал, как сильно девушка тоскует по старому миру... как никто другой. Поэтому недолго думая, её спаситель решил выйти на центральную улицу. Он уже некоторое время оценивал окружающую обстановку, и, пришел к выводу, что вокруг безопасно.

Майклу начали попадаться знакомые улицы. Здесь, он прятался от огромного чудища с глазами-бусинками; там, пробежал через тоннели и дворы; тут, выжидал своего преследователя, надеясь спастись бегством и хитростью. Добравшись до места, откуда началась погоня, Майкл обнаружил лепёшку из своих старых вещей в центре небольшой ямы. То был останки старого Майкла, того одинокого, никому ненужного мужчины, который жил только для цели, которую считал священным долгом. Сейчас же всё выглядело комично и нелепо. «Жить ради того, чтобы говорить всем встречным о своей семье... как глупо» — думал мужчина. Ему стало обидно из-за того, что он так долго и слепо следовал этому правилу. Оно, конечно, было нужным для того, чтобы он не сошел с ума и не решился покончить с собой, но всё же, это была бессмысленная цель. Сколько людей, узнавших о его семье, выжило и передало дальше эти знания? Один? десять? Майкл молча посмотрел на Марию, которая с интересом наблюдала за мёртвыми зданиями и пустыми улицами, наслаждаясь этими видами после длительного заточения.

Если бы люди, с которыми пересекался Майкл действительно выжили, то зачем им

говорить о какой-то кучке давно погибших и совершенно незнакомых людей? Что для Майкла было ценнее всего на свете, для других и гроша не стоило. Какая цена памяти на грудe металла и пепла? Она не способна дать ни крова, ни еды, не может даже уберечь от опасности. Это просто ненужная информация, которая рано или поздно исчезнет. Если не сейчас, то через пару дней. Это касалось только незнакомцев, которые не могли дать никаких гарантий того, что они хотя бы слушали слова Майкла. Но если бы мир смог вернуться в своё прежнее русло? Если бы люди снова смогли строить огромные дома и могучие машины, избежать той самой деградации общества, когда великие умы лежат глубоко в земле, и никто так и не может занять их место. Будь у Майкла дети, которые имели силы и возможность на возвращение человеческого могущества, могли бы они чтить своих предков? Тех самых предков, что не смогли сохранить этот мир и предоставили его обломки внукам и правнукам. Сколько эта новая цивилизация будет помнить о столь бесполезных, слабых и ненужных людях? Одно поколение? два? У них будут свои заботы, а мертвецы умрут навсегда. Память о них будет жить, только из-за учтивости к тому, кто борется за её жизнь.

Майкл продолжал смотреть на лепешку из вещей, понимая, насколько бессмысленно и бесполезно общество, насколько ненужными оказались люди, на плечах которых когда-то держался целый мир. «Когда-нибудь, и я стану таким же» — подумал он, посмотрев на резвящуюся Марию.

Очень скоро пара вернулась к первоначальному пути. Они закончили осмотр «достопримечательностей» и направились за пределы города. На протяжении многих часов вокруг не было никакого шума. Мария с Майклом пробирались через небольшие посевные поля, которые молчаливыми взглядами провожали последних из людей.

Если раньше, при путешествии по материку, Майкл мог себе позволить остаться на некоторое время в какой-нибудь ферме или городе, то сейчас он хотел, как можно скорее добраться до своего старого дома, не желая замедлять себя продолжительными перерывами. Его не интересовала перспектива «гостить у мертвецов», ему уже понравилась идея обустроить собственный дом и встречать каждый грядущий день таким, каким он грозит быть: без страха, без надежды.

На пути у путников встречались некоторые лесные участки, в которых ещё можно было уловить старое течение жизни. Где-то пели птицы, где-то пробегал незаметный зверёк. Дикие животные редко выбирались в города, и, по большей части выбирали оставаться на своей территории. Они словно чувствовали, что что-то злобное и страшное находится среди холодных каменных стен, словно вместо человека там начало существовать что-то более устрашающее и опасное. Майкл ничего такого не замечал, и просто считал, что животная осторожность заставляет их отказаться от «лакомого кусочка». Но всё же животных не искушало возвращение некогда захваченных территорий, и возможность расширить свой ареал обитания. Быть может, об окружающей ситуации они знали больше, чем Майкл...

Ничто так сильно не объединяет людей, как совместный труд. Путешествие протяжённостью в несколько тысяч километров до родного дома Майкла было подходящим испытанием для его отношения с Марией. Путь легко бы связал их, и, на финише они были бы уже «не разлей вода». У них будет много времени чтобы понять друг друга, узнать всю жизнь, поделиться множеством мыслей; раскрыться так сильно, как никому другому. Так он думал. Жизнь не научила его быть менее наивным. К его сожалению, почти всё время оба путника молчали. Мария увлечённо осматривала новые пейзажи, а её спаситель просто не

знал, как начать разговор. В Майкле воскресли старые привычки, когда он путешествовал до знакомства с девушкой: при пересечении лесов он держался ближе к деревьям; на полянах гулял вдоль ям и оврагов. Держась на расстоянии, чтобы видеть населённые пункты, Майкл видел небольшие деревни и фермы, что демонстрировали спасительные открытые двери, которые могли послужить входов в безопасное убежище на случай угрозы. Он постоянно оглядывался и смотрел в сторону горизонта, надеясь на то, что сможет найти ещё какого-нибудь выжившего человека. Как бы хорошо ему ни было внутри церкви, на открытой местности он чувствовал себя более безопасно и свободно.

Восемь часов к ряду эта пара шла по опустошенному миру. Ещё несколько часов им пришлось пройти в сумерках, продолжая путь до того момента, пока дорога не перестанет быть различимой в темноте. Первую ночь на свободе они провели в заброшенной ферме. Детальный осмотр показал, что здание было покинуто жильцами ещё при жизни: не было ни единого продукта питания, отсутствовал любой транспорт, на пастбищах не было никого. Вся местность заросла густой травой. Для ночлега был выбран старый двухэтажный амбар. Марии пришло в новинку то, что ей придётся в ближайшее время променять мягкую кровать из сорванных штор на солому или траву. Она бы начала настаивать на удобстве — провести одну ночь в деревянном доме, но покорно последовала указаниям матёрого путешественника.

Расположившись на втором этаже, можно было легко спрятаться на возвышенности и уснуть на оставшейся соломе. Мария легла спать сразу после того, как Майкл разворошил для неё один из тюков. Не было никакого ужина, не было даже мысли о нём. Все так устали, что хотели просто упасть и проспаться добрых несколько часов.

Мария спала беззаботно, Майкла же тревожило старое чутьё паломника, которое чуюло опасность на каждом шагу. На протяжении всего своего длительного путешествия, он каждый раз перед сном сидел несколько минут и оценивал окружение. Вокруг было тихо, из-за чего можно было уделить немного времени на отдых. Укутав спящую девушку в пальто, Майкл решил проверить рану на руке. На протяжении всего момента, когда он очнулся в церкви, он ни капельки не обратил внимания на то, что рана кровоточит, болит или зудит. Было ощущение, словно Мария забинтовала здоровую руку, или, настолько слабо повреждённую, что несколько минут свежего воздуха и спокойствия уже было бы достаточно для исцеления.

Установив недалеко от себя захваченный из пустующего дома светильник, Майкл начал при слабом свете распутывать бинты. Верхние слои снимались легко, они все почти держались на одной лишь удаче, без какого-либо узла или зажима. Но чем глубже уходил в освобождении руки Майкл, тем страннее казалась ему причина перевязки. Количество слоёв зависело от места их нанесения: у плеча было не больше пяти слоёв, ближе к кисти их количество только возрастало. На чистой и освобождённой коже виднелись лёгкие порезы и синяки. Их количество и серьёзность не изменялась от расположения на конечности. Пока что Майкл не увидел веской причины такой толстой перевязки. Ему начало казаться, что вся операция носила не характер защиты от внешней угрозы, а скорее косметический, чтобы что-то спрятать.

Освободив кисть руки от многослойного покрывала, Майкл обнаружил ничем не примечательный шрам, который занимал почти всю ладонь и тыльную сторону кисти. По этому рубцу было понятно — сквозная рана. Но когда она успела зажить? Сколько дней всё же Майкл находился без сознания?

Сев недалеко от Марии и заново перевязав руку, Майкл начал оценивать ситуацию. Никакая рана не могла бы так легко зажить, особенно та, что с большой вероятностью была сквозной. При таком ударе, легко могли пострадать кости, сухожилия и нервы, но вся рука ощущалась здоровой. Чем всё же был вызван такой удар? Он пытался вспомнить всё, что с ним произошло во время нападения. Через несколько минут раздумий, он вспомнил острый, золотисто-багровый наконечник большого креста, что, пройдя сквозь макушку бычьей головы прошел внутрь рта. Потом Майкл помнил сильное ощущение боли и слабость, а затем... ничего. Можно было предположить, что именно крест вызвал такое повреждение, но после него даже слабая рана не могла так просто и быстро зажить.

Всю ночь Майкл не спал. Ближе к рассвету он открыл консервные банки для себя и Марии. После тихого и молчаливого завтрака они собрались и пошли дальше.

На протяжении нового дня в их тяжёлом путешествии, Майкл был более замкнут в себе, чем раньше. Даже вернувшись на свободные и открытые просторы, он начал ощущать себя иначе, словно всё ещё находился взаперти. Мария заметила такие странные перемены, но посчитала их нормальными. Она хоть и хотела помочь своему спасителю, узнать его, и, найти мрачную брешь в его душе, которую она будет способна заделать, но ей было не понять, какие муки носил в себе этот сильный и целеустремлённый человек. Что будет, если она попробует что-то сделать, пока он находится в полном раздумье? Быть может, от этого станет только хуже... Майкл мог рассуждать об их будущем, продумывать планы путешествия, чтобы сделать его легче и безопасней. Над ним словно висели эти тягостные мысли и выборы. Но она ошибалась — Майкл всё ещё продолжал думать о ране.

Наблюдение за внешним миром отошло на второй план. Ничего вокруг не замечал ни Майкл, ни Мария.

Спустя почти два с половиной года начала свержения человечества с их ступени земного господства; множество вещей изменилось: перебираться через старые мосты было рискованно, каждый сантиметр сыплющегося бетона мог провалиться даже под небольшой тяжестью. Все средние и крупные животные сторонились человеческих построек, словно чуяли их недолговечность. Такие участки Майкл проходил полностью на автомате, даже забывая о том, что нужно помогать своей спутнице, и следить за тем, чтобы она не пострадала. Мария же следовала точь-в-точь за своим провожатым. Быть может, именно её осторожность и наблюдательность сохранила её от бед во время начала путешествия.

Большая часть пути пролегла мимо людских строений, поэтому было заметно то, как сильно природа начала захватывать назад то, что некогда принадлежало ей. Были видны размытые берега рек, которые постепенно возвращались к своему первоначальному виду: дороги представляли из себя небольшие холмы, которые через несколько лет могли осесть и стать частью окружающих их полей. Для Марии весь путь пролегал по сплошным полянам и широким тропинкам между лесными участками. Она шла с Майклом по небольшим и слегка приподнятым, но тоже полностью закрытые зелёной травой. Взглянув на эти тропы, никто бы и не узнал в них давно изменённые и захваченные зеленью заасфальтированные дороги. Леса по-прежнему оставались лесами, поля — полями. Двух лет им было мало для того, чтобы заметно начинать действовать и распространяться дальше старых границ. Только упавшие на дорогу деревья продолжали беспокойное существование, медленно покрываясь тёплым моховым покрывалом и зарастая новыми колониями грибов.

Майкл брел, не обращая внимание на окружение. Он привык к новому виду мира, ведь теперь, это была часть его обыденности. Став частью нового мира, он словно по чутью шел

правильной дорогой. Прислушиваясь к шепоту ветра он сворачивал на нужных поворотах. Никакая карта или компас не смогли бы указать ему лучшего пути, нежели природный магнетизм и огромный кочевой стаж. Его ноги успели привыкнуть ко всем испытаниям на пути, — они давно окрепли и огрубели, — каждый шаг был верен, и не казался испытанием или нагрузкой. Если что-то и могло поменяться и напомнить о дороге, то только то, что обувь постепенно натирала кожу. Для Марии же такое путешествие было в новинку: в начале было интересно, потом тяжело и страшно. Первые шаги давались легко, каждый новый — непосильное испытание для тела и души. Она бы сдалась и под вечер первого дня, когда заметила то, что её ноги охватили судороги... но что-то всё же продолжало давать ей силу. Спереди шел верный маяк, которые дарил надежду и чувство безопасности, а под пазухой теплился толстый том жизни до катастрофы, который придавал сил и уверенности. Но даже у всемогущего существа нет стольких сил, чтобы без усталости трудиться так долго. Всем нужен отдых, и червь, и даже Ему. «... *ибо в оный почил от всех дел Своих ...*».

Умиротворённый путь Майкла был нарушен неожиданным грохотом сзади. Беспокойные мысли о руке отошли на задний план, и, увидев темноту вокруг и прикосновение холода, он понял, что давно наступила ночь. Шедшая за ним Мария без сил упала на землю. Мужчина молниеносно подскочил к ней.

— Ты в порядке?! — Одурманенный шоком, Майкл ощущал, словно он сам упал на землю.

Девушка ничего не ответила.

— Мария?!

Мария ласково дотронулась до щеки Майкла. Это слабое прикосновение было медленным и неряшливым, словно девушка только что проснулась.

— Я в порядке...

Майкл не видел лица своей спутницы, только едва-едва был различим её силуэт из-за слабого лунного света. Голос девушки был спокойным, бархатным, напоминающим старый и чарующий мир, когда ничего страшного не происходило, когда ничего никого не беспокоило. Этот голос хранил в себе заботу и был волшебным, словно с Майклом говорила сказочная принцесса.

Возможности выбрать место остановки уже не было, — провожатый слишком долго шёл в кромешной тьме, и даже не смотрел по сторонам, иначе, он бы давно продумал план ночёвки. Спрыгнув в какую-то мрачную яму, путешественники были вынуждены переночевать в ней. Никого это конечно не устраивало, но выбора не было.

— Прости меня... — тихо проговорил Майкл, убедившись, что Мария тепло укутана и ей ничего не мешает.

— В этом не твоей вины. Всё в порядке.

Его раздражало поведение девушки. Её спокойствие и покорность были тем, что толкало Майкла в бездну отчаяния и гнева на самого себя. Отчасти, он не мог винить её за то, какой она стала после своего ужасного заточения, но он и не мог предположить, какой она была до *тех* событий.

Пастуха раздражает глупость овец, и их неспособность к самостоятельности. В независимости от способностей и степени важности, человеку хочется иметь дело с равным, ощущать некую стабильность своего положения, а не деградацию со скоростью ползающей улитки. Такими темпами пастух сам становится овцой. Майкл бы с удовольствием сорвался на слишком расслабленную и удручённую Марию, но не смог бы потом смотреть ей в глаза.

Он прекрасно понимал, что в конечном итоге услышит уже приевшееся: «всё хорошо» или «это нормально». Хуже будет только то, что девушка сама начнёт извиняться за всё.

К обычному человеку тяжело подобрать рабочий инструмент, но к Майклу, — как к человеку, давно выходящему за рамки «нормальный», — было ещё сложнее. Мария в его глазах была равной, такой же необычной, как и он сам. Но в ней *всё* было не так. Это не был человек, который остался одним из немногих представителей своего вида в прошедшем два года назад апокалипсисе. Что было не так в этой девушке? Всё в ней было не так. От поведения до внешнего вида, от мыслей до речи. Это был идеальный образец необычного человека, находящегося в настолько идеальной точке мироздания, что в любое время, в любом месте она была бы уникальна, одинока, и никем не принята.

В былые времена, Марию заставили бы долго обучаться тому, как правильно вести себя в обществе. Только сейчас, сама Мария прекрасна делала совершенно обратное — именно она учила Майкла, как правильно жить в умирающем мире.

Чтобы не хотел придумать и предположить Майкл, всё сразу рушилось. Он уже ни раз пытался подействовать на девушку, и только в единичных и незначительных моментах ему удавалось её вразумить. «Не веди себя так безучастно! Мы вместе должны стремиться к тому, чтобы выжить. — Прости. — Не извиняйся за то, в чём ты не виновата. — Всё в порядке», — именно так и представлялся любой диалог Марии и Майкла.

Холодная трава снизу, не менее тёплый ветер сверху — не самое приятное место для того, чтобы отдалиться мыслям и рассуждениям. После ответа Марии: «всё в порядке», Майкл словно оступел. Он почувствовал себя глупо, нелепо. Не ему решать за Марию, не ему учить её жизни. Конечно, он является её спасителем и телохранителем, но он ей не отец, не учитель. Она вольна сбежать на следующий же день, посчитав, что защитник ей больше не нужен. Но чтобы ни говорила Мария, как бы ни поступала, это не было на неё похоже. Поведение этой девушки совмещало в себе отречённость и покорность. Она не видела смысла в дальнейшем выживании среди изуродованных обломков давно сгинувшего мира. Ей больше нравился вид бескрайних зелёных полей, нежели каменных стен. Но почему-то она шла следом за Майклом, словно двигалась за тем, что могло дать ей спасение или спокойствие.

Находясь среди разрухи, Мария бы уподобилась застрявшему в тумане парусному кораблю, который просто чего-то ждёт. Наступит ли смертельная буря или придёт спасительное солнце — неважно. Что для Марии, что для того корабля, существовало только время и туман-лимб, в котором любые действия бессмысленны. Но тут появляется Майкл, и он чем-то напоминает дальний свет маяка. Мария брела на этот свет, что бы он для неё не значил. И только то же время покажет, к какой земле пришвартуется корабль.

Майкл повернул голову к Марии. Он всё ещё не видел её лица, лишь слабый силуэт. Ему казалось, что девушка смотрит на звёзды, и так же, как и он, что-то обдумывает и планирует. Был ли в этом смысл? Неизвестно. Хотят ли они оба того? Неизвестно.

Наблюдая за спрятанным в темноте лицом девушки, Майкл проклял своё прошлое, проклял дом и семью, проклял будущее, проклял весь мир. Всё, что имело любую ценность стало бессмысленным, из-за того, что он просто встретил такую странную девушку.

Целых два загруженных на события и физическую нагрузку дня, и бессонная ночь до сих пор не заставляли Майкла отправиться спать. Он не ощущал себя уставшим, не слипались даже глаза. Однако ему удалось поспать не больше пяти часов. Проснулся же он оттого, что начало светать.

Новый день прошел идентично предыдущим, только из-за уставшей Марии, ей с Майклом пришлось пройти меньше, чем ему хотелось. Он уже больше внимания уделял своей спутнице, надеясь предотвратить любую трагедию, даже на самой минимальной и незначительной стадии зарождения. Любая новая эмоция на лице Марии, или даже косой взгляд куда-то в сторону послужил бы своего рода сигналом к началу действий. Только ничего из этого не происходило. Девушка иногда останавливалась и присаживалась на несколько минут у любого удобного места. Майкл всё же думал о том, что им обоим стоит остановиться на пару дней. Прошлая ночь накинула огромную волну сомнений, которая меняла все его мысли и планы. Для решения такой ситуации ему нужно было время, а Марии — силы.

Третий день путешествия был спокойным. Вокруг также ничего не предвещало угрозы или причин радоваться. Но где-то вдали от их места остановки, Майкл словно услышал странный шум. Эхом через небольшой участок леса прошелся крик. Он звучал так, словно взорвался целый танкер с горючим, и его разорвавшееся нутро звучало болезненным воплем. Это могло быть что угодно, но что-то говорило опытному паломнику, что это был альфа-хищник, крик которого звучал как-то по-человечески. У путников не было шансов на спасение на открытых лугах, поэтому Майкл долго не желал выходить за границы леса.

Через несколько остановок и много новых часов продолжительного похода, пара наконец-то достигла цивилизации. Они подошли к небольшому рабочему посёлку, который раньше мог специализироваться на скотоводстве. Огромные пастбища вокруг населённого пункта не имели в себе природных углублений, кустов или ручьев, где можно было спрятаться, из-за чего весь этот путь Майкл ощущал так, словно ступает по минному полю. Настигший его в лесу крик никак не давал покоя; он ожидал увидеть огромное и опасное чудовище, которое сразу же начнёт охоту на путешественников. Эти мысли не волновали Марию, не заставляли её панически оглядываться и продумывать каждый следующий шаг. Она даже забыла о каком-то странном звуке, который слышала где-то в лесной глуши.

Посёлок, в котором эти двое стали единственными жильцами и гостями, издали выглядел как обычный зелёный холм. За пару лет природного буйства и непрерывных сражений с каменными хижинами, тонкий слой плюща оцепил стены и крыши зданий. Если бы вблизи не прослеживались двери и окна, если бы отсутствовал резкий подъём и контур окружающих зданий, то можно было действительно принять посёлок за редкое чудо природы.

Майклу понравилось это место. Оно было идеально спрятано от любопытных глаз со всех направлений. Сорняк ещё не полностью захватил все постройки, из-за чего можно было укрыться внутри зданий. Самая удобная хижина была почти самой отвратительной: внутри было сыро, темно, местами копошились черви и личинки жуков, вместо обоев стены покрывали корни растений и крепкие лианы, а деревянный пол иногда проваливался под ногами. Одним словом, дом был при смерти. Каждый новый день для него мог оказаться последним. Потолок провалился бы под весом балок и черепицы, дальше погреб бы все уцелевшие помещения и пол, тогда вместо здания появится осторожный, небольшой, ничем не примечательный холм. Здания в последующие дни превратятся в курганы, которые будут хранить в себе только мебель и напоминание о старых жильцах. Майкл же оценил состояние дома как стабильное, по его предположению, всё могло разрушиться не меньше, чем через пару месяцев. Несколько дней внутри такого места были самыми оптимальными, чтобы совершить небольшой привал и никогда больше сюда не возвращаться.

Мария же видела во всем посёлке какой-то свой скрытый смысл. Она пробежалась несколько раз вокруг домов и собрала дивный букет диких цветов. С Майклом она заняла холодную ванную, где почти не было растений и жуков. Девушка быстро исправила эту ситуацию, притащив туда ещё несколько охапок растительности, которые разложила в роли ковра.

Основная подготовка к ночлегу закончилась только глубокой ночью, в тот час Майкл уже отдыхал, а Мария несколько часов раскладывала постилку. Кромешную тьму рассеял светильник Майкла, и пара наконец-то смогла усесться, где им было удобно. В их новом убежище было спокойно и светло: приятно пах новый ковёр, уют аккуратных стен успокаивал, где-то за пределами комнаты едва различимо звучали беспокойные копошения членистоногих. Мария без сил уснула сразу же, как только легла на выбранное ею место. В скором времени, также поступил и Майкл.

Новый день они встретили в полном одиночестве: Мария после пробуждения пошла гулять; Майкл, заметив отсутствие девушки, перепугался не на шутку. Но в то утро, это был единственный момент, когда что-то было беспокойно. Мария наслаждалась окружающим её видом, грелась под солнцем, читала книгу, заглядывала в дома, пыталась залезть на крыши и крутые склоны. Если ограничиться её времяпрепровождением в нескольких словах, то, она отдыхала и получала удовольствие. Майкл даже на новом месте остановки не прекращал борьбу с самим собой: он всё ещё обдумывал свой план, конфликтую с чёткой инструкцией выживания и слепой покорностью к происходящему вокруг. С одной стороны, у него были обязанности и позыв к выживанию и стремлению восстановить старый и знакомый мир. Только всё это воспитание меркло перед тем, что Майкл мог остаться одним из немногих выживших на всей планете. Не наблюдая уже долго время любых поселений или следов оставшихся людей, он остановился на идеи того, что человечество всё же неспособно на восстановление. Страх гибели своего вида сильно сталкивалось с принятием чётких фактов о неминуемом поражении. Майкл не отдыхал, он всё думал и думал.

Поляна вокруг рабочего посёлка выглядела сильно заросшей. Это были луга, о которых забыла даже сама природа. Если кто-то и занимался «сокращением популяции» растений, то это были насекомые, коих было недостаточно для такого огромного труда. Зелёные стебли и лепестки тянулись из-за солнца ввысь, но высыхая падали обратно. Вместо них появлялись всё новые и новые родичи, которые постоянно повторяли одну и ту же судьбу. Это была бессмысленная картина, до которой никому не было дела.

Расположившись на крыше одного из заросших зданий, открывался вид на многие километры вдаль. Это был гигантский и ровный ковёр травы; ни одного выступа, ни одного холма или углубления. Где-то в зарослях иногда слышались птицы, и никого другого. Лесные звери по неизвестной причине не покидали свои берлоги и не уходили на более приятные пастбища. Зайцы, олени и прочие травоядные предпочитали питаться той травой, что всё время борется за жизнь с другими под тенью деревьев. Если же травоядные не предпочитают сочные и свежие травы на лугах, то и хищникам там нет никакого смысла находится. Так, некогда заселённые овцами, коровами, конями и козами пастбища оказались в итоге никому не нужными. Что же стало с домашним скотом, тоже было загадкой. Человеческая территория осталась неприкосновенной даже тогда, когда за ней нет никакого надзора. Все животные будто ожидали скорого возвращения людей обратно на свои места, или прибывали в шок от того, что столь могучий вид так быстро вымер. Территория человека, стала территорией проклятой, пропитавшейся насквозь страхом и смертью. Можно было только

гадать о том, что действительно происходило на уме у всех остальных зверей. Они всегда ощущали то, что человеку, из-за его давно утраченной связи с природой, было не дано понять.

Куда бы не смотрел Майкл, каждый раз он не прекращал думать о настоящем, и о будущем. Ему были неясны причины столь резких и загадочных изменений, и его мучало отсутствие ответа на столь важный вопрос. Только небольшая книжка с анекдотами продолжала успокаивать его. Она раскрашивала мрачные мысли нелепостью и комичностью, из-за чего вся история с монстрами казалась менее страшной. Каждый раз при прочтении того или иного рассказа, ему представлялось, как будто кто-то рядом смеётся из жалости к писателю.

Поздним вечером водитель фуры сбил оленя.

Скотину оттащили за ноги на обочину.

Олень подал на дальнбойщика в суд за домогательство.

За то он и был оленем.

В голове Майкла прозвучал чей-то смех, голосащий над нелепостью самой истории. Это был стыд, от которого слезились глаза и колело в животе.

На закате Майкл загнал Марию внутрь дома. Девушка выглядела более радостной — она наконец-то получила возможность отдохнуть, и не теряла ни минуты зря. Она успела похорошеть: получила лёгкий загар, глаза её стали словно сиять, а волосы казались огненными языками при свете светильника, а скулы уже не выпирали. Майкл же наоборот тух.

— Помнишь, как я получил рану? — спросил он, продемонстрировав перевязанную руку.

Девушка безмолвно кивнула.

— Посмотри.

Майкл начал снимать слои бинтов, чтобы продемонстрировать девушке знакомую картину. Он ожидал увидеть примеченный им шрам, что был у него ещё пару ночей назад. Мария смогла бы объяснить то, из-за чего рана так быстро зажила. Но его планы резко изменились, так как вместо знакомой картины он обнажил что-то совершенно другое.

Наподобие чешуек у ящериц, на тыльной стороне кисти, часть кожи была прикрыта странными наростами. Они были чёрно-багровыми, из-за чего в начале могли показаться какой-то частью раны или злокачественной опухоли. Но кожа под повязкой никак не могла взаимодействовать с внешним миром, тем самым, не было возможности получить опасное заражение. Наростов было несколько, и, они напоминали острия ножей, которые были покрыты засохшей кровью и копотью. Сама же ладонь начала чернеть; кожа загрубела, ногти также почернели и стали толще. Это больше походило на острый камень, нежели на человеческую ладонь.

Майкл был шокирован. Это была его собственная рука, которая так резко и неожиданно изменилась, а он даже не заметил. Что-то в ней было отталкивающее, зловещее, будто это зародыш чего-то ужасающего и опасного. Как давно это произошло? Почему это происходит? Что будет дальше? Майкл задавал вопросы, на которые никто не смог бы ответить. Он просто смотрел на это уродство, пытаясь что-то понять и проанализировать. Это была уже рука не человека, а кого-то другого. Она казалось иной, холодной и безжизненной, словно это чья-то перчатка, а не часть живого организма. Майкл почувствовал себя так, словно под своим домом нашел змеиное гнездо, и не знал, как ему

поступить и какими последствиями чревата эта встреча. Оставить всё как есть, и, приготовиться к возможным проблемам и трудностям? Избавиться от этого проклятья, но потом мучиться из-за совершенного выбора и проявленной жестокости? Нет! То, что сейчас высвобождалось из руки Майкла не было чем-то простым, чем-то обычным и частым. К *этому* никак нельзя было применить те упрощённые и привычные формы рассуждения, тут надо было действовать по-особенному. Это было сущее зло, доставшееся ему откуда-то извне. То была порча, коснувшаяся его тела: оно медленно пожирало человеческую плоть, заменяя её на ту, что будет более удобной и полезной. Это была смертельная болезнь, которая в самом конце своей жизни, заберёт и чужую жизнь.

Погибший в церкви монстр нанёс удар исподтишка: посеял своё разрушительное семя в человека, который, возможно, станет его приемником. Эта же рука в скором времени будет сжимать горло Марии, а потом и самого Майкла. Это было зло в чистом виде. Снаружи видимая помощь, внутри разрушение плоти и души. Эта чёрная, покрытая чешуёй рука ранее принадлежала тому, кто нёс смерть людям, тому, кто не жалел никого. Теперь это была рука Майкла, который был выбран для продолжения кровавого дела.

Как только владелец этого мрачного подарка опомнился, он сразу же схватил нож. Он занёс руку над проклятой кистью, которая теперь не принадлежала *этому* миру. Это было властное желание уничтожить что-то злобное, ненавистное, словно именно эта рука убила всю семью Майкла, уничтожила многих людей, и, отрубив её, он сможет заслужить прощение усопших.

Стоило только наметить удар в локтевую кость, как начала действовать Мария. Ощувив страх перед некогда собственной рукой, Майкл забыл о девушке, которая находилась также рядом с ним. Он сразу представил страх в её глазах, отвращение и ненависть. Она бы возненавидела своего спасителя, который был напуган не меньше её; сбежала прочь, обвинила бы во всех бедах, прокляла и назвала монстром. Майкл уже всё решил за неё, забыв, что она сама была способна что-то предпринимать и думать, и зачастую, не так, как он сам. Мария обняла очернённую ладонь друга и прижала к себе. Возможно, она видела её как какую-то обычную болезнь, которую можно вылечить. Возможно, она увидела в этом какой-то особый знак, понятный только ей. Мария не хотела, чтобы её спаситель вредил себе. Пусть лучше он навредит ей. Именно это и читалось в её поведении.

— Мария, это проклятье! Я должен от него избавиться! — кричал Майкл, с трудом остановив нож в сантиметре от тела Марии.

От этих слов, девушка только сильнее прижала к себе ладонь.

«Опять она...» — подумал Майкл. Эта девушка снова заставила его остановиться и поменять взгляды на окружающий мир. Несмотря на то, что Майкл успел обвинить эту часть руки по всех грехах и бедах, что некогда происходили на планете, Мария видела в ней что-то другое. Почему Майкл идёт у неё на поводу? почему заставляет управлять собою? Ему ведь лучше знать то, как устроен мир... но он всё равно сдаётся и останавливается перед Марией. Она хочет того, чтобы всё осталось так, как есть, Майкл же боится того, что всё остаётся на своих местах. Нож выпал из обессиленной руки. Нет ничего сложнее такого выбора, и, стоя на перекрёстке путей, Майкл просто не знал, что ему делать. Это злило его, и в то же время обнадёживало; позволяло просторно осмотреться и, в то же время, торопило с решением. Майкл правильный поступил, что показал руку, — Мария уберегла своего друга от ран, из-за чего позволила тому всё обдумать. Их поступки были и правильны, и ошибочны. Но всё же они произошли, из-за чего следовало только идти дальше.

Майкл ослаб и приспустился на пол, а его ладонь по-прежнему находилась в объятьях девушки. Он бы и забыл об этом, если бы не почувствовал проклятой рукой то, как быстро бьётся сердце его спутницы, как горит её тело. Это было тепло живого человека, стук взволнованного сердца. Это было прикосновение к самому ядру бурлящей жизни и искренних чувств. Рука, которую посчитали проклятой, и уже, нечеловеческой, ощущала саму жизнь. Значит, это рука всё ещё принадлежала человеку.

Глава 7. Незваные гости

Глава 7. Незваные гости

Маленький безымянный рабочий посёлок начал медленно разваливаться: его старый, давно не обслуженные стены крошились и разрывались изнутри. Эти заброшенные и одинокие дома ненавидела природа: корни растений и лозы плющей окутывали их внутренности, меняя и перестраивая всё под свои нужды; солнце нагревало здание и комнаты внутри, предоставляя возможность ускорить медленное уничтожение жилища; дождь пробивал насквозь гнилое дерево, лужи давили на пол, проваливаясь ещё ниже; черви и жуки поедали мебель и стены, это был их пиршественный стол, в котором они рождались, жили, питались и умирали. Дом проседал не только из-за внешних факторов, но и из-за себя самого. Он давил на слабые места, словно самостоятельно надеясь, как можно скорее сравняться с землей. Если бы все многочисленные факторы не влияли на эти постройки, здания могли бы прослужить ещё многие годы. Но они все наклонялись вниз, как старики к земле, и, замертво падали. Для них было удобно то, что, прогибаясь, они оставляли над собой земной покров, который вскоре будет прикрывать их, как саван покойников. Это были курганы, медленно возносившиеся на спинах ещё живых.

Крыша первого здания провалилась под собственным весом и весом времени и природы, спустя несколько дней с того момента, как в этом поселке поселились новые люди. Это прискорбное зрелище сопровождалось ужасающим грохотом, который раздался на множество километров, словно крича: «Смотрите! настал мой конец, и смерть теперь идёт за вами!».

Случилось это несчастье глубокой ночью. Майкл очнулся первым. Стоило только услышать странные инородный скрип, как он приготовился ко всему худшему. Несколько минут он слышал рёв рвущихся и накренившихся деревянных балок; вслушивался в треск черепицы и шпукатурки. Осколки стен вылетали под огромным давлением, делая территорию вокруг дома более опасной. Здание было готово к своей гибели, но его отдельные части ещё держались, словно надеясь получить помощь в самый последний момент.

В начале Майкл слышал каждый звук: как потрескивание и глухие хлопки, где-то был даже заметен скрип. Это сразу представлялось тем, что небольшая часть дома начала просаживаться под тяжестью времени и непогоды. Закончилось же всё представление оглушающим грохотом. Сразу после этого, по земле прошлась дрожь, оповещающая о трагедии. То была гибель не просто дома, а целой истории и памяти о некогда живущих там людях.

Мария ничего не заметила и спала дальше.

Наутро Майкл вышел наружу, чтобы лучше рассмотреть причину ночного шума. Перед его глазами действительно на земле лежали руины некогда прямостоящего здания. Зданием эту груды земли и мусора могли назвать только те, кто помнил его прежний вид. Небольшой зелёный холм с выпирающими балками и остриями напоминал скорее поверженного медведя-великана с зелёной шерстью, который был на смерть утыкан огромным количеством копий.

Мужчина осторожно шел мимо торчащих брусев и балок, пытаясь не провалиться в ещё не осевшие под ногами полости. Перебинтованной рукой он поглаживал выпирающую траву, словно проявлял сочувствие к этому погибшему «медведю». Ещё ночью он перебинтовал

руку обратно. Майкл принял то, как Мария отнеслась положительно и спокойно к странным изменениям в своем провожатом. Он смирился, и, поведение девушки успокаивало его. Только загадочные изменения всё же не давали ему покоя, из-за чего он вернул бинты на место, желая, как можно меньше наблюдать столь неприятную картину.

В абсолютной тишине опустошенного мира, можно было прислушаться к тому, как ещё не раздавленные насекомые копошатся под слоем земли, надеясь выбраться из неожиданной могилы.

Первое упавшее здание было знаком того, что эта же судьба скоро настигнет и все остальные. Даже при крушении одного жилища могла пойти цепная реакция, которая бы не остановилась, пока всё не превратится в сплошной могильник. Майкл пришел к выводу, что ему с Марией срочно нужно уходить; каждый час промедления мог стоить жизни.

Марию пришлось будить долго. Без какого-либо завтрака или объяснения, Майкл утащил её подальше от населённого пункта. Они всё шли, не выбирая направления и не оглядываясь; только несколько раз Мария успела бросить взгляд на дома, размышляя о причине столь скорого и поспешного ухода. Через несколько часов они оказались далеко от места бывшего привала. Майкл остановился только тогда, когда макушки брошенных зданий исчезли из виду. Даже маленькая точка вдаль не внушала ему доверия, пугала и заставляла нервничать.

Мария и Майкл очередной раз лишились дома, лишились места, где могли бы просто жить изо дня в день, наслаждаясь обществом друг друга, и понимая то, что с гибелью человечества сама жизнь не прекратилась, а мир существует дальше и пытается так же забыть о своих жителях, как и сами люди.

Некогда начавшие свой путь из старой церкви, парочка уже успела пройти достаточно большое расстояние. Не считая отдыха в несколько дней, для Марии это уже было чем-то грандиозным. Она продолжала идти с поднятым настроением, готовая к новым свершениям и открытиям. Общая провизия подходила к концу. Это глобальная проблема была связана с тем, что если Майкл и мог экономить на себе, то на Марии никак. Это было бы настоящим преступлением, лишать измученную девушку чего-то важного и необходимого. Отдать своё — легко; забрать чужое — невысказано.

До ближайшего небольшого города — около сотни тысяч людей бывшего населения — было недалеко. Путнику прекрасно помогали в выживании география и превосходная зрительная память. Но добраться до места поживы всего лишь одна беда, сложнее будет найти на руинах что-то стоящее, что поможет пережить ещё один день.

Пока пара путешествовала дальше, Майкл продолжал слышать где-то со стороны громкий вой, словно существо, издающее его, преследовало пару. Сколько бы раз провожатый не оборачивался на этот звук, или не пытался увидеть что-нибудь необычное в дали, ни на холмах, ни среди деревьев ничего не было. Эти странные события заставляли Майкла идти быстрее и дальше — он предпочитал прятаться под потолком, будто даже далёкие звёзды могли выдать его местоположение тому, кто выл.

Начался тяжёлый момент пути: несколько дней пришлось идти напрямик через рощи и луга. Когда наступала ночь, то Майкл с Марией прятались в норах и под упавшими деревьями. Ничего за всё время их нового пути не происходило. Майкл прятался зря. В таких неприятные часы, даже для себя, он находил положительную сторону в смирении Марии: она не жаловалась, не дерзила от скуки или злости, не падала духом. Мария просто брела вперёд за своим спасителем, пока у неё были силы — учитывая недавний продолжительный

отдыха, сил у неё было предостаточно. Она даже не просила отдыха или еды, и, Майкл нарочно делал остановку и давал даже излишний кусок пищи, опасаясь того, что Мария себя изводит. Для него всё имело свой вес: дети кричат, когда чем-то недовольны; старики — ворчат; собаки — скулят; кошки — просто и нагло смотрят. Мария была другой.

В лесу не было ни матрасов, ни кроватей, ни чего-то подходящего для мягкой и удобной подстилки. Оставшись без спальника, Майкл всем телом вспомнил, что сон на земле, вещь не из приятных, — невозможно найти удобное место, где можно было поспать хорошо. Там нет ничего абсолютно мягкого, всё вокруг твёрдое и неудобное. В охапке листвы найдётся ветка, что упрётся в самое мягкое место, и тем самым будет мешать не только во время сна, но и напоминать о себе после пробуждения. Всюду бугры и неровности — после сна всегда что-то болит. Никогда не бывает тепло или жарко, только неприятный холод. Такое встречалось даже в тех местах, где холодная погода — роскошь. Если днём жарко, ночью всегда будет холодно, особенно лёжа на земле. Проблема простудиться — только одна из небольших трудностей, которые возникают не только во время сна на земле, но и при самой мысли об этом. Таких «героев», кто решил воспользоваться матерью-землёй как ложем, ждёт самое настоящее испытание. Это не отдых, это настоящее сражение между природой и человеком, словно возвращение блудного сына в свою старую колыбель, из которой он давно вырос. Это битва, где нет победителей, где проигравшие все. Одна сторона сильнее пострадает, другая — слабее. Земля после человека может и восстановиться, но человек после земли — никогда.

Такой сон самый крепкий и тяжёлый — он затрачивает больше сил, чем при любом другом отдыхе. После трудного дня, утром можно чувствовать себя ещё более уставшим. Во время сна, все силы уходят на то, чтобы не нарушить это хрупкое состояние. Поэтому тяжело будет осознать происходящее вокруг, или вовремя среагировать на какой-нибудь раздражитель. Но тут уже играет отдельную роль сам лес. Это не построенный человеком дом, где есть толстые стены, что позволяют сбежать от постороннего шума и любопытных глаз. Лес — родитель этих шумов, хозяин жизни. Копшение червей и насекомых, птицы, что летают с ветки на ветку, где-то сломается прут под весом маленького зверка, где-то свалится камень-украшение из птичьего гнезда; зверьки любопытно смотрят на гостей леса, плотной кучей собираясь вокруг них, отсюда растёт и издаваемый ими шум, отсюда же растёт и опасность, — не каждый возникший шум может принадлежать безобидной белке или зайцу. В лесу не бывает безвредных зверей.

Любой шум — опасность. Но сколько бы Мария и Майкл не провели ночей в таком царстве, всё обходилось благополучно. Вокруг них действительно иногда возникали странные звуки, но никто из спящих не просыпался. Это было глупо, самоуверенно, но такой и была Мария, таким постепенно становился и сам Майкл. Любой отход ко сну мог оказаться для них смертельным.

Прямой путь через лес занял три дня. На протяжении всего участка, Майкл каждый раз закутывал Марию в свою и её одежду, а сам ложился спать в лёгкой майке. Девушка продолжала покорно следовать указаниям друга, а он довольствовался этим. Майкл видел во всём окружающем мире опасность для неё, для себя же — ничего. Им повезло, что за всё время их не затронула беда. Ни болезни, ни вывихи с ушибами, ни нападения диких животных или кого-то хуже. Всё заканчивалось для Марии благополучно, кроме её друга. Ночные остановки забрали у него все имеющиеся силы — он валился с ног и постоянно запинаясь. Он наконец-то перешел в ту фазу усталости и отчаяния, что готов на помощь от

любого встречного. Это была та самая едва различимая грань, которая разделяет гордость и самоуверенность, от желания подчиниться и потерять всё своё «я».

Весь этот пройденный путь был опасен, — каждая минута, каждое мгновение в глухой темноте таило в себе опасность. Это было путешествие, граничащее с безумием. Риск, ценной которого была гибель. Никогда бы Майкл не пришел к такому выбору, но у него не оставалось другого пути. Было бы проще предоставить своей спутнице и самому себе спокойную смерть, подальше от голода и непогоды, закрывая глаза на царящие вокруг пустоту и хаос. Но и лицезреть новый мир было прекрасно, даже не смотря на пагубные условия выживания. Мир моментально преобразился после того, как Майкл встретил Марию. Ему довелось легко замечать вокруг себя множество прекрасных видов: он осознал природу и жизнь, продолжающие существовать. Тяжёлый путь через лес был оправдан тем, что при любом исходе, имел в себе плюсы, которые бы устроили всех. Ступая шаг за шагом по упавшим веткам и листьям, они надеялись лишь на скорейший конец этого испытания.

Вся дорога была полностью безмолвной, словно лес отрезал парочке языки. Ни слова себе под нос, ни слова друг другу. Мария и Майкл были поглощены безмолвием леса. Они словно соединились с ним в одно целое, уподобившись его старым жителям, которые также не издавали ни звука. Они вошли людьми, а вышли животными. На границе леса и цивилизации, Майкл понимал, что быть чем-то маленьким и беззаботным приятно, — не требовалось нагружать себя великими мыслями и накладывать на себя проклятья и страдания; просто существовать по принципу «иди и живи». Лёгкость такого выбора опьянял разум, который не переставал сопротивляться, с силой восстанавливая человеческие привычки и учения. Если бы и животные стали людьми, то возвращаясь обратно в чертоги леса они бы также становились невольным полем боя между старым и новым.

Даже при переходе в город, они оба продолжали молчать — у них не было сил хотя бы на несколько слов. Слова им и не потребовались, так как почти сразу, понимая друг друга без единого звука, они направились на поиски пищи. До позднего вечера они бродили от одного магазина до другого, проверяя складские помещения и ещё не опустошенные полки. Дело продвигалось медленно, но уверенно. Было найдено достаточно пропитания на несколько дней. Возвращение в город хорошо повлияло на Майкла: он начал ощущать себя более свободным и защищённым. Его начал отпускать страх, которые сковывал его каждую ночь в попытках уснуть.

Город был так же пуст, как и любой другой. Где-то были забаррикадированы окна и двери, стены домов и дороги пестрели трещинами и прорывающимися на поверхность растениями. Страшный необъяснимый азарт заставлял монстров из шахт уничтожать людей в слепом безумии, из-за чего некоторые глухие места улиц и переулков были завалены телами. Мария не обращала на них внимание, — она больше смотрела вдаль домов, разглядывая архитектуру и представляя то, как выглядела улица во время оживлённого трафика.

Для ночлега был выбран небольшой жилой дом: он был закрыт со всех сторон кроме главной улицы, и имел спуск в подвал, в котором можно было спрятаться на случай опасности. Без какого-либо огня или другого способа приготовления пищи, оставив из удобств только мягкое ложе, Мария и Майкл остановились на ночь. Мужчина лежал на кровати и думал о том, куда им стоит теперь направиться. Жить долго на еде с руин городов они не смогут, так как здания вокруг постепенно приходили в негодность, и становятся совершенно опасными. Они бы за собой погребли и огромное множество полезных вещей,

без которых выжить было бы невозможно. Обучаться чему-то полезному для выживания в новом мире уже было поздно; питаться природной пищей будет тяжело и опасно. Из года в год эта проблема будет только расти. Единственное, что оставалось в голове Майкла, и не имело никаких проблем или минусов, так это то, что ему хотелось ещё раз увидеть цветочную поляну рядом с Дальгарбуром. С того самого дня, как он рассказал это Марии, то сам вспомнил это место, и решил поделиться этим зрелищем со своей новой подругой... а дальше можно будет очередной раз сесть и подумать о будущем.

Одни мысли сменялись другими. После тяжелого и изматывающего дня, наступил более тяжёлый вечер с умственной нагрузкой. Пришлось строить план. Цель. Путь для дальнейшего, и, пожалуй, последнего путешествия Майкла и Марии. Они, как люди лишённые возможности спокойной и беззаботной жизни, имеют небольшое право получить хоть толику радости. Мысли о том, что жизнь Марии, её путь и мысли зависят от Майкла, сильно удручало его. Как тяжело кем-то управлять, как сложно быть направляющим для неспособного! Какая мука быть востребованным и нужным. Смотреть в мрачное будущее, строить бессмысленные планы, растягивать скоротечную жизнь.

Майкл поднимался с кровати, ходил взад-вперёд по комнате и садился обратно. Несколько раз он открывал дверь в комнату к Марии и наблюдал как та спокойно спала на кровати. Он всё ещё проклинал беззаботность девушки. Он даже выговориться ей не может, ему лишь спокойно ответят что-то из раздела: «всё в порядке». И какая разница куда идти, что делать, если можно прямо сейчас взять в руки дробовик, и раз и навсегда прекратить эти мучительные мысли и испытания?! Но это была только грязная игра воображения. Глупые и эгоистичные мысли, которые тесно граничили с тем, что Майкл боится распорядиться чьими-то жизнями. Марии доставляет удовольствие их текущее положение. Почему? Она рискнула оставить изувеченную руку Майкла. Зачем? Это была только маленькая часть непомерных загадок. Никто, даже из самых светлых умов будущего и прошлого, не смогли бы её решить. Это было не просто какое-то событие, которому можно найти объяснения, составить гипотезы и связать с чем-то более известным. Нет! Это было просто необычное поведение одичавшей и обездоленной девушки, которое почти что равняется с самой тайной мироздания. Быть может, даже сама Мария ничего не понимала в своём странном выборе.

Повторяя все мысли и доводы по кругу, не раз меняя отношение к происходящему, Майкл успел несколько раз обойти комнату по периметру, и в конечном итоге вернулся к изначальной точке. «Плевать, — сказал он, — веди меня туда, куда хочешь». К кому были адресованы эти слова? Не к Марии — она спала. Не к кому-то другому — Майкл был один. Быть может, он был зол на саму судьбу.

Просиживая оставшиеся при нем силы, он начал смотреть на перевязанную руку. Что-то в ней изменилось; что-то в ней было не так. Майкл не проверял обезображенную конечность уже пару дней. Ему прекрасно запомнилось то, как место с торчащими чешуйками слегка очерняло бинт. Их было немного, и это было *тогда*. Сейчас же бинт почти полностью был покрыт слегка тёмными пятнами. Это могла быть грязь, и несколько снятых слоёв убрали бы с мужчины тяжесть преждевременного страха и паники. Но ничего не изменилось и после пятого слоя. Когда же количество бинта на руке становилось всё меньше, то более чётко была видна кисть руки, и то, как бóльшая её часть была покрыта почерневшей кожей и острыми наростами. Это уже точно не была человеческая рука. Это был страшный зверь, который нашел себе прибежище в таком необычном месте. Это был хищник, терзавший слабую жертву изнутри. Но что бы в конечном счёте это ни было, Майкл свободно управлял

конечностью так же, как и раньше. Что это? сила? проклятие? галлюцинация? Ответа на эти вопросы не было. Был известен только один факт — оно медленно распространяется по телу.

Майкл уже более спокойной отнёсся к такому зрелищу. Он и не думал хвататься за нож, чтобы избавиться от этого «проклятья». По большей части, скорее всего из-за того, что потом пришлось бы объясняться перед Марией и испытывать не малые трудности в бытовой жизни. Однако стоило взять что-то хорошее из этой проблемы; Майкл пока точно не мог сказать, хорошо или плохо то, что с ним происходит. Пока что, это всё носит абсолютно декоративный характер. И всё же следовало провести некоторые проверки, которые точно могут дать подсказку к тому, как именно следует реагировать на прогрессирующие изменения.

Осторожно взявшись за торчащую чешуйку, Майкл начал тянуть её на себя, чтобы проверить, как прочно она сидит. То ли мужчина за день устал, то ли этот нарост слишком крепко засел в кожу, но ничего не произошло. Майкл только почувствовал быстро нахлынувшую усталость. Достав из ножен охотничий нож, он попробовал сделать небольшой надрез на почерневшей части с огрубевшей кожей. Это должен быть маленький порез, который легко можно было спрятать под бинтами, и Мария бы никогда не догадалась о такой ране. Это была теория, небольшое желание, которое сразу же разрушилось из-за того, что от приложенных усилий, кончик лезвия отломился и улетел в сторону. Нажатие, способное насквозь проткнуть руку, и тем более кисть, ни к чему не привело, кроме поломки ножа. Это ещё сильнее говорило о том, что изменившаяся рука явно больше не принадлежала Майклу, не принадлежала и человеку. Он поднял руки перед собой и начал смотреть на них. Он повертел ими, сжимал и разжимал кулаки. Все действия были синхронны, и это говорило о том, что обе конечности принадлежат *ему*. Они только отличались внешне, одна из которых выглядела пугающе.

Ещё несколько минут Майкл просто сидел и смотрел на *свою* руку. Любой, кто смог бы заставить его за таким поведением, посчитал бы, что этот человек пьян и не может отличить реальность от наваждения. Для Майкла же это и была страшная реальность... или затянувшееся наваждение. Что будет с ним, если зараза начнёт распространяться дальше? Он умрёт или станет каким-то очень сильным и непобедимым человеком? Одно было неизбежно, другое, скорее, желанно. Пока была изменена в нечто только кисть руки; ещё оставалось время на раздумье. Через несколько минут, Майкл смог найти в новой руке кое-какие полезные свойства: помимо крепкой кожи, она обладала крайне острыми ногтями. Ему не составило особого труда написать одно слово на изголовье кровати: «*fātum*» — судьба. Почти единственное греческое слово, которое он знал. Одно из многих воспоминаниях о его погибшей жене.

Перед сном, изменившуюся руку стыдливо прикрыли за несколькими слоями бинтов. После этого Майкл облегчённо выдохнул, словно эти миллиметров грязной ткани как-то меняли его положение. Когда же почерневшая кожа скрылась за серыми лоскутами, он расслабился. Майкл решил на одну проблему больше. Но, надолго ли?

Мягкая кровать показалась Майклу абсолютно неудобной. Он, конечно, жаловался и противился тому, когда спал в лесу на земле, только в тех моментах было что-то *приятное* в таком отдыхе... он казался каким-то заслуженным, словно, именно такой отдых и должен быть среди просторов умирающего мира. Сейчас же Майкл лежал на полностью мягкой кровати, она казалась, охапкой пуха, он ощущал, как утопал в ней, ощущая, как она медленно

растворяла его. Кровать, будто, собиралась поглотить лежащего на ней человека. Это была очередная опасность, нависшая после утомительного и сложного дня. Сзади Майкла не было твёрдой преграды, не было ощущения того, что хоть с какой-то стороны он защищён. Недолго думая, он слез с кровати и лёг на пол.

Майкл лёг на прохладную и твёрдую поверхность, и как можно ближе прижался к стене, чтобы быть в ещё более удобном положении. Десять минут он потратил на то, чтобы безуспешно расслабиться и уснуть в мягкой кровати. Твёрдой поверхности потребовалось для этой же цели всего пару секунд. Майкл уже беззаботно закрыл глаза и начал ощущать наступающую дремоту. Мягкость пугающе напоминала ему о спокойствии перед бурей. Мусор в баке — заключение в церкви; церковные шторы — вторжение чудовища; тюк с соломой — мутация руки; лепестки цветов — обрушение дома. Он напрямую не думал об этом, не соединял все эти моменты в нечто единое и фатальное. Эта информация, грамотно сложенная между собой, самостоятельно родилась глубоко в сознании. Для себя, он просто ощущал неудобство и общий дискомфорт.

Когда же все уснули, уснул словно и сам город. Как бы сильно Майкл не хотел шуметь и привлекать к себе внимание, но его задумчивые хождения всё время сопровождалось скрипом половицы или кровати. Когда Мария крепко спала, укутавшись в одеяло, Майкл продолжал шуметь, думая, что сидел очень тихо. После того, как и сам Майкл отправился спать, весь город погрузился в полное молчанье. Ночной город, тем более город без единого жителя — склеп. Он также пуст и тих; его существование заключается в невыносимо долгом ожидании скорейшего разрушения.

На пустых улицах мёртвого города, можно было слышать признаки новой жизни. Это был свист ветра, которому ничего не преграждало путь. Приходя от дальних полей и лесов, он проносился резким потоком через сонмы домов. Он рвал истлевшие рекламные плакаты, гнал клочья бумаги и прочий мусор. Он диким табуном прошелся по городу, опустошая его ещё сильнее, и захватывая себе в плен всякие новые побрякушки.

Даже крысы находились не во всех районах города, — они в считанные дни уничтожили всю найденную человеческую провизию и ринулись дальше. Следуя старым привычкам, они плодились, как умалишенные, как настоящие животные, кем они и являлись. Их можно было ещё встретить в виде огромных многотысячных семей, где-нибудь в складских зонах и крупных магазинах, где ещё была возможность найти пропитание. Если бы Мария и Майкл решились заночевать в одном из таких крысиных районов, они бы и не заметили, как стали новой порцией на бесконечном столе с пищей. Теперь любое место, где раньше правил человек, или имел хоть малейшую возможность влиять на флору и фауну, было опасным. Если бы в квартиру к парочке забежал хоть один грызун, он привёл бы сотню или целую тысячу собратьев. Неясно почему, но они были далеко от новых людей, словно опасались их.

Помимо шерстяных и всепожирающих жителей городов, по улицам бродил кто-то ещё. Этот новый гость появился в городе относительно недавно. Он отстал от Майкла и Марии и пришел чуть позже, но достаточно, чтобы те и не догадывались о его присутствии. Если бы он пришел на пару часов раньше, то они все смогли встретиться. Описать этого гостя невозможно — в ночи на улице темно, и даже лунный свет был неспособен освятить это существо достаточно для глаз. Можно только сказать, что оно было не совсем обычным, оно излучало странную ауру, ощутимую только маленьким и чувствительным животным. Его походка была лёгкой и осторожной. Осторожной она была не из-за страха перед опасностью, ведь, само существо было страхом и опасностью. Медленными шагами, оно пыталось как

можно меньше издавать шума, надеясь, дольше оставаться незамеченным. По ясным причинам, все крысы обитавшие в районе перемещения неизвестного гостя скрылись, спасая свои жизни.

Майкл в этот момент крепко спал. Но даже через глубокий сон, он улавливал звук того, как кто-то ступает по земле. Было ли это далеко или близко, понять было сложно, словно это было громкое эхо, что шепотом раздалось где-то по соседству; ощущалось громогласность огромных расстояний и интимность пары сантиметров. Майкл просто слышал эти звуки, но не мог определить откуда они. Быть может, это было частью его сна.

Звуки ещё продолжали раздаваться где-то в безмерном скопище домов и гор мусора. Через несколько часов они благополучно затихли. Нашел ли новый гость временное прибежище или достиг своей цели — неясно. Быть может, он проходил через город, не обращая внимание на окружающий его хаос. За последнее время город поразительно стал оживляться, и он был бы этому неописуемо рад, если бы города могли что-то чувствовать и описывать.

Утром Майкл проснулся бодрым и отдохнувшим. Пока Мария продолжала нежиться в соседней спальне, он успел выглянуть в окно и осмотреться. Вокруг было всё так же пусто, как и вчера. Надежды на то, что в ближайшее время произойдёт что-то волнительное и необычное постепенно таяли. Пустота домов и дорог выглядела обнадеживающей и гнетущей. Майкл был бы рад встретить любого человека, даже самого отпетого негодяя, и он смог бы понять, что кроме него и Марии есть ещё кто-то.

После приёма пищи, мужчина всё же решился, что не станет задерживаться в городе. Каменные гиганты давили на него, пряча за собой или глубоко в себе нависшую угрозу. Были и другие причины покинуть новое место отдыха: по-прежнему оставался вопрос того, как скоро начнут рушиться местные дома, как скоро кто-то из присутствующих заболит отвратительной болезнью, переносимой по воздуху от разложившихся тел. От одной опасности, Мария и Майкл медленно переходили к другой. Если бы и была необходимость остаться в городе на время, то только для того, чтобы испытать призрачную надежду на поиск машины, которая проржавела насквозь, и, бензина, который высох. Но Майкл почти сразу отказался даже развивать эту мысль, пусть лучше он полностью нагрузит себя продовольствием и как можно скорее покинет опустевшие улицы.

Мария проснулась. Пока она завтракала, Майкл бегло рассказал планы на этот день. Проверять магазины и складские помещения, они до вечера должны добраться до границы города, где, проведя ещё одну ночь, они навсегда покинут его. Примерно через три дня, они наконец-то должны прийти туда, откуда Майкл начал свой тяжкий путь.

Через несколько часов они покинули квартиру жилого дома, где нашли прибежище. Выйдя на улицу, они принялись сразу идти в заранее проложенную сторону. Вокруг красовалось огромное количество брошенных машин, большинство из которых находилось в гаражах или под навесами. Будучи защищёнными от беспощадного влияния стихий, они выглядели более-менее пригодными для использования. Майкл не подошел ни к одной из них.

Мария с Майклом шли вместе, заходя в те магазины, которые считали самыми подходящими. По большей части им не везло: где-то еды не осталось, где-то всё превратилось в труху и гниль. В скором времени, парочка разделилась и обследовала здания недалеко друг от друга, изредка бросая взгляд на своего товарища, чтобы не терять того из виду. Майклу даже не стоило надеяться на Марию, так как он знал, что та способна найти

нужную им еду. Поэтому он свободно искал всё необходимое один.

Разглядывая битые и пустые банки на полу, Майкл заметил, как Мария прошла мимо одного из магазинов. Девушка лишь бегло посмотрела на дверь и пошла дальше. Мужчина слегка удивился, но не стал ничего говорить. Однако она прошла продуктовый магазин, где можно было найти еду. Не долго раздумывая о причинах такого поведения, он направился к той самой двери. Магазин был заперт на навесной замок, что и смутило девушку.

«Значит, там ещё есть что-то полезное» — заключил Майкл. Он осторожно посмотрел по сторонам и заметил, как Мария перешла через дорогу на другой сегмент улицы. Вокруг не было ни души. Ни один глаз не смотрел на Майкла или в его направлении. Это был удобный момент чтобы испробовать кое-что новое. Подхватив замок перебинтованной рукой, Майкл попытался изо всех сил сжать его. В начале ничего не происходило, будто замок сжали самым обычным кулаком. Было глупо на что-то надеяться, и Майкл уже начал разочаровываться, при этом не ослабляя хватку. Стоило желанию прекратить свои попытки зародиться в мыслях, как раздался скрежет и треск металла. Пригодный к долгому служению, крепкий и долговечный замок, способный выдерживать работу пилой на протяжении долгих минут был уничтожен в считанные секунды. Корпус был разорван изнутри как грудная клетка. Заглушки, как смещённые рёбра, вылезли за пределы корпуса — они просочились через пальцы и были теперь видны сквозь сжатый кулак. Майкл сжал замок до того состояния, что он превратился в бесформенный комок металла. Душка безжизненно свисала с двери.

Детали рабочего замка осыпались на каменный пол. Они зазвучали при падении, словно странная и пугающая музыка из потустороннего мира.

Внутри действительно оказалось много чего полезного, и Майкл потратил прилично времени, чтобы собрать всё, что ему было необходимо.

Покинув помещение, он смог выйти на улицу. В первую очередь, он решил найти Марию. Посмотрев в одну сторону, он увидел пустой город, который, словно ещё сильнее опустел и стал каким-то гнетущим. Посмотрев в другую сторону, он увидел то же самое. Но помимо серых и грязных от толстого слоя пыли и песка домов, и безжизненных дорог, он увидел то, чего больше никогда и не надеялся увидеть. На середине дороги, в более чем десяти метров от Майкла, стояло высокое существо. Оно было повернуто спиной к человеку, и он не мог полностью увидеть это создание. С его позиции было видно только длинную и мохнатую спину монстра, который на четвереньках медленно шел вперёд. Оно подкрадывалось. Но к чему? К кому такое ужасное создание проявило свой чудовищный интерес? Откуда оно взялось? Почему не напало на Майкла? Почему ему удалось спрятаться, когда кому-то настолько не повезло, что его жизнь может окончиться в ближайшие несколько минут? Мария. Она была ответом на главные вопросы. Видно, что её учуяли, но почему не Майкла? Он, похоже, был дальше Марии от этого создания, поэтому остался незамеченным. Или же, у того, что ему удалось скрыться, были другие причины.

Как бы сильно Майкл не был напуган тем, что его новая подруга находится в полной опасности, он не мог пошевелиться. Перед глазами возродился момент, когда он беспомощно стоял перед лицом опасности внутри церкви. Сейчас же он был готов к новым победам и неприятностям. Было ли ему страшно? Безусловно. Но его больше всего заботили жизнь и благополучие Марии, нежели его собственная.

— Эй, скотина! — прокричал он, надеясь привлечь к себе внимание существа, и тем самым спасти Марию.

Огромное существо резко обернулось, услышав позади себя ниоткуда возникший крик. Мохнатое, покрытое чёрной, скомканной и грязной шерстью тело повернуло голову в сторону крика. Это был непомерно гигантский волк. Быть может, кто-то с отдалённой помесью волка, и проглядывающими частями какого-то ящера. Много в нём напоминало своего первобытного брата. Глаза его напоминали два небольших пламенных столба, — они горели, источая ненависть; это были небольшие гипнотизирующие огоньки, они напоминали сказочные «бродячие огоньки», которые были заблудшими душами, что манили к себе потерявших дорогу путников, чтобы убить их. Морда же монстра была снабжена острыми зубами, их количество не ограничивалось одним рядом. Эта пасть была одним сплошным отверстием для мучительных страданий. Ни одного свободного места, ни намёка на наличие языка. Только зубы, огромное количество острых, жёлтых и крепких зубов. Местами вместо шерсти, на теле выступала чешуя.

Как только существо посмотрело на Майкла, где-то издали раздался грохот. Он произошел ровно в тот момент, стоило только чудищу начать поворот. Это даже походило на то, будто шейный позвонок создания начал трещать от резкого движения.

Это был выстрел.

Выпущенный кем-то незримым снаряд пролетел в сантиметрах от старой позиции головы монстра и ударился в парапет соседнего здания. На месте попадания вздулось небольшое синеватое облако странного дыма. Осколки камня разлетелись в стороны и осыпались на землю. Удача для Майкла, что ему удалось привлечь к себе внимание, стала неудачей для стрелка, что выстрелил мимо цели.

Монстр отпрыгнул в сторону. Он ощутил, как по шерсти прошелся сильный поток ветра. Ему удалось не только ощутить сам выстрел, но и увидеть его, почуять. Проведение спасло его от гибели, и оно не решалось оставаться в этом опасном месте дольше необходимого. Неожиданный крик, и, резко последовавший за ним выстрел заставили волкоподобное создание бежать прочь.

Сильнее всего произошедшему был удивлён Майкл. Он впервые заметил то, что одно из чудищ, что совсем недавно истребляли человека за человеком, испугалось чего-то. Но чего? обычного выстрела? Что это был за снаряд? что это было за ружьё? что это был за стрелок? Что именно заставило чудовище сбежать?

В первую же очередь Майкл был благодарен тому, кто нажал на спусковой крючок. Но за благодарностью вскоре пришел и страх. Если чего-то испугался монстр-человекоубийца, значит этого стоило опасаться и самому Майклу. Один страх сменялся другим. Человек находился между двумя опасностями, способными уничтожить его. Насколько бы сильно текущая ситуация не была критична, он должен был любым способом найти Марию. Он был в выигрышном положении из-за того, что стрелок не знал о его существовании, но из-за крика, мог догадываться об этом. Майкл решил испытать удачу.

Перебегая через простреливаемый переулочек, он успел посмотреть в обе стороны. Умчавшись, волк-гигант скрылся в веренице зданий, — не было видно ни его самого, ни его следов. Со стороны стрелка была такая же пустая дорога. Только на мгновение показалось, что у дальнего столба стояла одинокая чёрная фигура.

— Мария! — кричал Майкл.

Он позабыл о том, что и ему, и его подруге сейчас может грозить опасность. Тратить время на поиски в тишине, — когда он не знал, где находится девушка, — было бессмысленно.

— Мария!

Каждый новый крик приближал его к девушке. Приближал её к спасению, а его к спокойствию. Помимо этого, криком он привлекал к себе внимание стрелка. С одной стороны, к Майклу тянулись добрые руки Марии, которая хотела снова встретить своего спасителя, с другой — возможная гибель. Когда же все трое встретятся вместе, это может привести к самым разным последствиям. Как бы Майкл не поступил, сейчас в опасности были все. Если бы он не кричал, чтобы привлечь её внимание, то она могла бы потеряться и остаться одна. Это было бы равносильно смерти. Следуя крику Майкла, она шла на ту же смерть, только более призрачную.

Майкл беспорядочно бежал и оглядывался. Сбоку от себя он заметил слабое движение, которое быстро мчалось в его сторону. Это мог быть тот самый стрелок, и он машинально потянулся рукой к дробовику, чтобы дать отпор в случае нападения. Он уже начал поворачиваться в сторону неясной фигуры, держа в руке оружие, как резко был брошен на землю. Секунда могла решить то, что он бы выстрелил в неизвестного, но Мария оказалась более проворной. Она услышала крик Майкла и выбралась из укрытия, где искала припасы. Она была испугана поведением друга, его криком, стремительным бегом и грохотом взрыва. Она впала в оцепенение, когда услышала выстрел, и её спас только крик знакомого человека. Увидев своего спасителя, она со слезами на глазах бросилась к нему. Повалив его на асфальт, будучи раздираемой страхом, она прижалась к нему.

Майкл перепугался не слабее Марии. В начале было её исчезновение, затем странное появление волка-гиганта, а потом и вовсе его резко повалили на землю. Если бы у него было слабое сердце, оно бы давно разорвалось от неожиданностей и впечатлений. Сейчас же Мария прижалась к плечу Майкла и мешала ему подняться, что успокаивало его. Пальто пропиталось слезами девушки.

Она наконец-то была рядом. Жива и здорова. Их долгожданное и чувственное объятие снимало ношу с сердец. Он успел привязаться к этой девушке, и не смог бы представить жизнь без неё. Она научила его спокойствию и покорности. Она стала частью всего этого нового мира, и лишившись её, Майкл мог лишиться всего, даже своей жизни. Страх, что раньше гнал его через простреливаемую улицу, улетучился. Атмосфера преследования рассеялась. Опасность обнажила свою никчёмность.

Вдвоём они так и сидели на дороге, окружённые опустошенными домами и магазинами. Раскуроченными временем машинами, спрятанные по углам и переулкам останки людей, — весь окружающий мир обратился в совершенно противоположные образы. Страх рассыпался в труху, одиночество обратилось в пьянящее спокойствие.

— Что вы тут делаете? — раздался голос позади обнявшейся пары.

Майкл спокойно повернул голову в сторону говорящего, словно только что услышал старого друга. Он не опасался чего-то резкого и постороннего. Сейчас он был спокоен и рад, а в такие моменты, весь мир преображается под собственное настроение.

Недалеко от пары стоял человек в плотной чёрной мотоброне. На голове его красовалась каска военного образца, а лицо было прикрыто маской химической защиты. Человек походил на живую тень. Не было видно его глаз или любого другого цвета в его одежде. Это был просто силуэт. Из-за спины человека в чёрном торчал ствол длинной снайперской винтовки. Она возвышалась почти на целый метр над головой своего хозяина. Это был тот самый стрелок.

Глава 8. Храм науки

Глава 8. Храм науки

Диалог между Марией, Майклом и незнакомцем начался только тогда, когда они покинули пустые улицы. До этого они успели переброситься парочкой фраз между собой, но и с этим смогли прийти к общей мысли. Сейчас же вся троица остановилась в комнате придорожного отеля. Как до этого дошло? Всё просто: человек со снайперской винтовкой просто предложил покинуть город, настолько быстро, насколько это было возможно. Он непринуждённо заговорил с скованной в объятии парой, будто каждый день наблюдал такую картину. Этот человек был спокоен, не излучал агрессию и опасность. Даже несмотря на то, что в его поведении и голосе прослеживался какой-то мрачный и неприятный холод, в нём всё же была крупица человечности. Ему хотелось верить, с ним хотелось общаться, и даже просто находиться с ним в одной комнате, не говоря друг другу и слова. Всё это уже было бы приятно.

Больше всего, следуя за Стрелком, Майкл обращал внимание на Марию. Он предполагал, что из-за прошлого девушки, она прекрасно могла воспринимать новые знакомства и видела людей насквозь, лишь раз увидев их. Мария будто бы проявляла слишком горячий интерес к новому знакомому, даже больший интерес, чем к Майклу. То, при каких обстоятельствах все трое встретились, никого не смутило.

— Так значит, вы просто путешественники? — спросил Стрелок.

Они все поместились в тесной комнате, которая была чересчур пыльной и слегка затемнённой. Грязь на окне успела так плотно скопиться, что почти не пропускала свет. Силуэт незнакомца сливался с тенями внутри комнаты. Он держал своё ружьё недалеко от себя, достаточно чтобы не смущать находящихся поблизости людей, и иметь возможность воспользоваться им при необходимости.

Незнакомец выбрал место достаточно далеко от той точки, откуда все они вышли. Это было в противоположной стороне от изначального направления Марии и Майкла, но они с глубоким спокойствием последовали за своим новым знакомым. Майклу это понравилось. Он наконец-то следовал за кем-то, а не сам ввёл. Он ощущал лёгкость в походе и свободу. Это было приятно, довериться кому-то, ощущать то, что о тебе могут позаботиться, что за тобой внимательно следят, и ты не пропадёшь.

— Да, — коротко ответил Майкл.

Он сидел ближе всех к Стрелку. Между ними было чуть больше метра — подходящее расстояние для разговора с потенциально опасным человеком. Майкл всем телом наклонился к незнакомцу, слушая и разглядывая его. Ему не удавалось скрыть свою слегка наивную заинтересованность. Может, он и не хотел этого скрывать. В конечном итоге он ни на что не обращал внимания, кроме как на самого Стрелка.

— Я удивлён, что ещё остались люди. Тем более те, кто по-прежнему заходят в города. Вам крайне повезло, что ничего плохого не случилось.

Из-за его шлема с маской, тяжело было понять, куда смотрит этот человек. Он совсем не двигался: сидел неподвижно и умиротворённо, как статуя, словно был частью интерьера. Он мог смотреть на Майкла, мог взглядом сверлить Марию. Он был живой загадкой в облики объёмной тени. Дух, выбравшийся из пучин тьмы. Его вид и поведение противоречили тому, каким должен быть человек в такое необычное время, и, это заставляло

сомневаться в ясности происходящего. Параллельно этим пугающим мыслям, Майкл испытывал неопиcуемый интерес к этому человеку. Противоречия в Стрелке и окружающем мире были настолько сумбурны, что были даже отчасти комичными, и, Майклу это нравилось до безумия.

— У нас были кое-какие дела в городе. А что ты там делал? Охотился?

— Охотился. И как мне кажется, ты прекрасно видел, на кого.

Майкл медленно перевёл взгляд на облокотившуюся о стену винтовку. На протяжении первой встречи со Стрелком, и всего пути до заброшенного отеля, Майкл воспринимал это оружие, как часть самого незнакомца, как какой-то ядовитый хвост, продолжение руки, вторую голову. На спине своего хозяина эта массивная винтовка представляла большую опасность. Возвышаясь над человеком, она была стягом, знаменующим надвигающуюся угрозу и подчёркивающим величие обладателя. Незнакомец без своего ружья — скорпион без жала. Теперь же он подобен безобидному крабу. Таинственному, интересному, и слегка пугающему крабу. Сейчас же, когда оружие от владельца отделяет достаточное расстояние, они выглядели как что-то несвязное. Можно было теперь легко уличить одного в несобранности, а другого в уродстве.

Понаблюдав за тем, как выглядел незнакомец без своей снайперской винтовки, можно было заметить один странный момент, — у него отсутствовал какой-либо рюкзак с вещами. Откуда прибыл этот человек? Почему у него нет при себе ничего, что могло бы помочь ему в странствиях? Как долго он находится за пределами своего дома? Спрятал ли он где-то припасы или обходится без них? Ничего не намекало ни на один ответ, ни на один из вопросов. Только из карманов незнакомца что-то выпирало. То было что-то маленькое, быть может ключи или патроны.

Снайперская винтовка выглядела потрёпанной: её не чистили и не чинили; где-то наблюдались зазубрины и вмятины, но она не выглядела самодельной. Это намекало только на то, что незнакомец имеет — или имел — доступ к особому складу оружия. Винтовка выглядела грозной, и более устрашающей нежели её обладатель. Незнакомец не мог стрелять по волку-гиганту из другого оружия, только из этой. Но чем именно она стреляла? Майкл за всё время успел заметить, как обычное оружие не причиняет никакого вреда чудищам. Никто и не слышал о том, что кому-то удавалось убить хоть одного из них. Он впервые увидел мёртвого монстра только недавно, когда тому на голову упал огромный крест. А тут «охота»! один человек против всего рода альфа-хищников! Умышленное странствие по миру, в целях истребления таких опасных представителей существ неизвестного вида, казалось каким-то выдуманым и невозможным. Если же слова Стрелка правдивы, то он или нашёл способ умерщвления монстров, или сумасшедший.

Неоспоримым был факт того, что спустя огромное количество прошедшего времени, всё же можно было найти способ бороться с захватчиками. Это идеально подчёркивало то, что ум всё же был сильнее физического превосходства. Но это была просто догадка, которая родилась в голове Майкла. Сам он не увидел, чтобы этот незнакомец ранил кого-нибудь, тем более убил. Выстрел мимо цели не сделал из этого человека героя, не вознёс его на алтарь в глазах выживших людей. Быть может лжец, быть может неудачник.

Майкл долго смотрел на оружие, представляя то, через какой путь оно было вынуждена пройти. Для чего оно было использовано до начала истребления людей, и чем оно занимается сейчас. Такой неподдельный интерес не ускользнул от внимания незнакомца, ведь Майкл присидел достаточно долго, и даже не заметил того, как ему задали очередной

вопрос. Мысли о винтовке казались какими-то всепоглощающими и величественными. Он хотел это оружие.

— Хочешь подержать? — спросил незнакомец.

Эти слова вывели Майкла из анабиоза. Он перестал слушать всё вокруг себя, словно оружие перед ним было центром мироздания, будто всё на свете существует только ради этого оружия. Майкл не расслышал вопроса Стрелка, но догадался, о чем речь.

— Можно?

— Конечно. — Незнакомец легко подхватил в руку винтовку и протянул Майклу.

Всё же он был безумцем, раз уж дал единственное оружие в руки человека, которого видит впервые.

Майкл медленно взял в руку винтовку; он держал её одной рукой, пытаясь как можно меньше пользоваться перебинтованной, так как боялся, что от прикосновения сможет сломать эту драгоценную конструкцию. Боялся же он обоснованно, — несколько часов назад одним лишь усилием он сломал навесной замок на двери. Сейчас же он мог сделать то же самое с оружием незнакомого человека. Как он на это отреагирует? Точно не радостно. Что он подумает, когда увидит, что такую тяжёлую и крепкую вещь сломали одной лишь рукой? Он будет напуган, и мгновенно увидит в Майкле угрозу, возможно, даже и в Марии. В руке Майкла находилась не только винтовка незнакомца, но и их жизни...

Со стороны вся передача оружия выглядела так, будто Майкл принял с рук святого древнюю, и очень ценную, реликвию.

Снайперская винтовка, которую сейчас в руке держал другой человек, была грубой, тяжёлой; от неё исходил запах пороха и крови. Это оружие явно побывала не в одной передрыге, но сейчас, держа ствол чуть ли не у самого лица, Майкл заметил некоторые выцарапанные метки на стволе. Всего он насчитал три царапины; они, скорее всего, были оставлены острым ножом.

— Что это за засечки? — поинтересовался Майкл, показывая незнакомцу на ствол.

— Это метки.

— Чего?

— Того, сколько я убил...

— Ого! — прервал его Майкл, не позволив незнакомцу закончить.

Майкл сразу понял, что речь идёт, конечно же, о чудовищах. И этот человек убил целых трёх! Это много! Самих существ было, конечно, гораздо больше, но такой показатель, достигнутый одним человеком, был просто грандиозным. Никто не мог сделать этого раньше, и, вот нашелся один. Великий! Сделанное им достижение знаменует то, что люди могут вернуть себе первенство на планете. Перед ним словно находился бог во плоти. Олицетворение мщениия и гнева человеческого.

Услышав удивлённый возглас молодого человека, незнакомец просто промолчал. Быть может, он улыбнулся, умиляясь поведению встречного им путника, быть может, неодобрительно смотрел на него, обдумывая что-то известное только ему.

— Тебе не страшно? — сказал Майкл, показывая на ружьё.

— Нет.

— Но ты же меня не знаешь. — От бури эмоций, Майкла начали посещать странные мысли, которые он никак не мог удержать в голове.

Он увидел себя с другой стороны, где являлся каким-то врагом человечества. Он держал у себя в руке оружие — возможно, единственное оружие, — способное убивать самых

опасных существ на планете. Каждое случайное движение могло на корню уничтожить этот могущественный артефакт. Незнакомец даже не знал Майкла, и так легко предоставил ему одну из самых дорогих вещей на планете. Было ли у него другое оружие? Маловероятно. Даже без какой-либо возможности обезопасить себя, незнакомец продолжал быть спокойным. Скорее всего этот человек был одинок, поэтому он и был так мил к первым встречным за долгое время. Их общение — общение двух взрослых людей — было аналогично тому, как маленькие дети заводят новые знакомства. Достаточно было просто увидеть друг друга, и вы уже являетесь закадычными друзьями.

— Не знаю, — подтвердил Стрелок.

— Но, если я захочу выстрелить? — продолжил Майкл.

— И выстрелишь.

— Но я могу легко попасть в тебя.

— И попадёшь.

— Но ты умрёшь...

— И я умру.

Майкл замолчал и загадочно посмотрел на незнакомца. Он начал думать, что своими вопросами только сильнее привлекает к себе ненужное негативное внимание. Незнакомец мог с каждым новым словом Майкла ещё сильнее воспринимать его как врага, но продолжал говорить спокойно. Оба они просто молча смотрели друг на друга. Ни Майкл, ни незнакомец уже не собирались что-либо говорить друг другу. Они уже не знали, что именно им следует делать. В комнате медленно накалялась атмосфера. Молчание было более роковым, чем их странный диалог между собой.

Чтобы хоть как-то остудить накаливание, Майкл протянул оружие обратно хозяину. Тот дружелюбно принял свою вещь и поставил на прежнее место. Он поблагодарил Майкла, и сделал это также спокойно, будто ничего между ними не было. Словно его собственное — и, возможно, единственное — оружие в руках незнакомца ничего для него не значило.

— Как вас зовут? — поинтересовался незнакомец.

— Майкл.

— Мария.

Незнакомец безмолвно кивнул, и загадочно посмотрел на Марию, словно ожидал от неё ответа.

— Мария. — Майкл повторил имя девушки, которое пару секунд назад прозвучало за его спиной. Ему показалась вся эта ситуация чрезвычайно нелепой.

— Майкл и Мария...

Незнакомец кивнул, явно что-то обдумывая.

— Мария и Майкл, не хотите ли отправиться со мной, чтобы отужинать и узнать друг друга поближе? — добавил незнакомец, поднявшись с кресла.

Это предложение прозвучало громом по всей комнате, от которого все в страхе замерли. Никто такого не ожидал. Оно возникло спонтанно и затонуло в полной тишине. «Приглашение на ужин?» — спросил сам себя Майкл. Он уже много лет не был приглашённым на ужин, и, возможно, ещё очень долго никто его не пригласит. Это было ласковое напоминание о некогда прекрасном, невинном и безопасном мире. Это было едва полученное разрешение от какого-то старика на то, чтобы пожить в его доме. Это ничем не связанный добропорядочный жест, исходящий от чистого и дружелюбного

человека. Так делали раньше, так не делают сейчас, так — скорее всего — не сделают больше никогда. Это был единственный шанс, чтобы снова очутиться в домашней обстановке тепла и безопасности. Какой бы с этого заимел плюс незнакомец? Скорее всего, никакого. Майкл сравнивал его с псевдо-священником, который держал его в заключении. Они были полной противоположностью друг друга. Незнакомец просто был одинок. Он обрадовался тому, что нашел выживших людей; ему просто хотелось, как можно дольше пообщаться с ними. Этим всё и объяснялось. Однако воспоминания о заключении ударили мужчину в голову, и он начал опасаться возможной угрозы.

— У нас была задача... — тихо начал говорить Майкл, пытаясь придумать вескую отговорку от того, чтобы не идти на предложение незнакомца.

— Один вечер. Одна ночь. Вы сэкономите припасы, и я может смогу вам помочь с вашей задачей.

— Мы действительно... — Майкл начал сдавать позиции. Он не знал, как именно правильно отказать незнакомцу в таком приятном и неожиданном предложении. Медленно его начала поглощать паника.

— Бойтесь? — резко спросил незнакомец.

— Что? Нет!

Майкла словно оглушил такой вопрос. Он боится? Никогда и никого! Он многое повидал, и его ничто не способно напугать. Однако, он всё ещё не знал, как ответить на резкое приглашение.

Стрелок взялся за винтовку. В этот момент Майкла переключило. «Ну всё, конец, — подумал он. — Слишком долго ждал, и вот, меня убьют».

— Если сомневаешься, то можешь понести её за меня, — произнёс Стрелок, протянув Майклу оружие.

Неожиданные слова и события сменяли друг друга в непрекращающемся круговороте. Всё это удивляло и пугало Майкла. Он действительно повстречал безумца, который рисковал собственной жизнью и безопасностью лишь для того, чтобы лишний час поговорить с кем-то. Бесспорно, возможно, — в зависимости от личного состояния и ситуации, — Майкл рано или поздно занялся бы тем же самым. Но сейчас перед собой он видел не отчаявшегося человека, а настоящего психопата, в полном отчаянии. Тот человек поместил свою голову на эшафот, ожидая или того, что с ним наконец-то поговорят и облегчат его одиночество, или он лишится головы и перестанет страдать от него. Незнакомец просто-напросто смирился с тем, что он без пяти минут покойник. Будучи одиноким, он успел захоронить всех друзей и родственников, и в общем, всех людей на планете. Он был один, а значит, был мёртв, как вид, как раса, как живое существо. Он не ощущал какого-либо единства с миром и окружением. Он был пустышкой. Видно, что встреча с Майклом и Марией стал для него откровением. Ежедневно борясь с собственным безумием, он был готов на всё, на любой необдуманный и спонтанный поступок; так боролся внутренний человек, желающий сопротивляться крепкой хватке мучительной и бесконечной скуки. Умереть физически, или наконец-то получить желанное — возможно и сомнительное — спокойствие.

Общего молчания и отсутствия какого-либо продвижения с мёртвой точки не выдержала Мария. Она встала с кровати и подошла вплотную к незнакомцу. Все с удивлением посмотрели на неё. Что она задумала? Конечно же уйти. Одна? Нет, уйдут все трое. Девушка молча взяла незнакомца за руку и начала тянуть в сторону двери.

— Мария... — тихо проговорил Майкл.

Девушка устала от того, что их путешествие и существование просто зависло мёртвой точкой, и, повинувшись доступным только ей мыслям, решила сделать то, что считала нужным. Быть может, это было скорее всего просто одно из тех самых спонтанных действий, что изредка рождаются в человеческом мозгу. Но, пожалуй, это был тот самый «толчок», который был необходим для решения сложившейся ситуации. Майкл ничего не сделал, он позволили девушке делать то, что ей хотелось.

Незнакомец вальяжно поднялся вслед за Марией. Девушка повела его к двери. По пути наружу, она пристально посмотрела на Майкла. «Идём» — читалось в её глазах. Так, все трое покинули комнату заброшенного придорожного отеля.

— Значит, решено, — сказал незнакомец.

Он пошел вперёд, туда, куда единственный знал дорогу. Майкл и Мария последовали за ним. Когда они все вышли, начал нарастать сильный ветер.

Шли они все вместе, рядом друг с другом. И шли так дружно и плотно, что казалось, будто все вместе начали этот длинный путь, — так сильно, незнакомец вписался в компанию. Выбранное Стрелком направление уводило пару куда-то в глушь полей. Майкл приблизительно помнил карту местности и окружающие населённые пункты поблизости. Ни к одному из них они сейчас не направлялись. «Землянка? Слишком муторно и неудобно. Частный дом? Очень далеко от городов, и сама местность не подходит для этого», — Майкл весь путь гадал, где же мог обустроить себе жильё его новый знакомый. Но что бы он ни думал, он шел следом за путеводителем, надеясь, как можно скорее прийти туда, куда они держат путь.

Когда начал заканчиваться вечер, и солнце заходило за дальние горы, предоставляя тьме возможность окутать своей цепкой хваткой местность, группа обходила небольшой перелесок. Обогнув участок с деревьями, Майкл и Мария увидели огромное кирпичное здание. Это был гигант, возникший из ниоткуда. Его, в отличие от других строений, не сковала многолетняя зелень; он выделялся на фоне земли и деревьев. Чёрное на фоне ночи, это здание походило на своего жильца. В голове Майкла промелькнула комичная мысль, что человек-тень живёт в доме-тени. Издали это был смутный силуэт, и подходя ближе, строение уже преображалось в гротескное сооружение.

Вокруг здания стоял железный забор, высотой в три метра. Ни огороженная за ним территория, ни сам забор не стали заложниками природы. Ничего в этой местности не говорило о том, что случился конец света. Это было просто здание, самое обычное здание. Оно выглядело одиноким, заброшенным, но не являлось ни тем, ни другим. Это даже не походило на классическую заброшку: здесь легко была заметна *заботливая* рука человека. За зданием — и за прилегающей к нему территорией — *ухаживали*, это было легко заметно по тому, как даже травинки не росло у дома-гиганта. Гигант был стар, несколько его сторон обесцветились под влиянием прямых солнечных лучей. Где-то виднелись трещины на стене, разбитые окна, черепица то и дело отсутствовала на некоторых участках крыши. Здание походило на бродячую собаку, оно неподвижно ждало возвращения хозяина, медленно умирая в моменты его отлучения. В нём могло поселиться множество людей, но там живёт только один человек. На прилегающей территории можно было бы взращивать немислимое множество овощей и прочих растений, но земля на вокруг дома была мертва. Этот гигант просто излучал тоску и одиночество.

Этим гигантом был металлургический завод.

Ворота во внутреннюю территорию, через которые прошла группа даже не стал

приветливо скрипеть. Его петли были аккуратно и бережно смазаны, чтобы сохранять загробную тишину в безмолвной округе. Каждое метр внутренней площади был опустошен. На заборе и воротах виднелась ржавчина. Когда-нибудь она разъест металл, оставив завод без какой-либо защиты. Из сторожки не исходило никакого шума или запаха, внутри её был только бардак. Разбросанные на полу бумаги, мусор и мебель, разбитые окна, отслоившиеся обои. Этот маленький домик напоминал скорее склеп, но даже склепы выглядят менее удручающе.

Во внутренней территории за забором наблюдалась бывшая рабочая техника. Точнее, то, что от неё осталось. Это были обезображенные временем и погодой груды металла. Аккумуляторы, машинные масла, смазки и общая профнепригодность, полученные в следствии длительной работы на предприятии смешались в ужасный разрушительный коктейль. Коррозия разъела технику заживо, превратив в какую-то отвратительную пародию на морские коралловые рифы. Из них невозможно было что-либо забрать, они были полностью бесполезны. Из-за них, всё окружение походило скорее на кладбище, чем на склад, парковку или территорию завода. Помимо техники, вокруг наблюдались закрытые контейнеры и горы сваленного друг на друга хлама. Они выглядели так, будто прошедшие испытания даже не затронули их.

Земля под ногами была мертва. Этим и объяснялось то, что ничего в пределах завода не росло и не цвело. Такая картина наблюдалось и во времена до случившейся катастрофы. Работа завода просто уничтожила живые свойства земли вокруг себя. Техника, гарь, оседавший с неба пепел, кислоты, масла, и прочие вещества уничтожили этот участок земли. Сотню лет назад здесь росла трава, теперь — ничего. Вместо растений — железо; вместо земли — пепел и ржавчина. Этот завод обошли стороной большинство несчастий: растения не думали захватывать ранее принадлежащие им земли; чудовища не пытались разрушить или обследовать это место; люди не искали здесь спасения и дома. Только безжалостное время правило здесь, обустроив для себя ужасающее царство.

Незнакомец отпер огромную дверь внутрь литейного корпуса и вошел первым. Остальные, недолго думая, последовали за ним. Из огромного муравейника зданий, подземных тоннелей и складов, Стрелок выбрал именно литейный корпус. Не административное здание, где можно было найти более приятные и удобные для человека помещения, где каждая рабочая комната была равносильна спальне в общежитии; не складские помещения, просторные и огромные, сочетающие в себе не только лабиринт из коридоров и стеллажей, но и целую жилу полезных устройств и деталей; не подземные тоннели, которые в совокупности могли расстилаться на многие километры, хранящие в себе отопительные и водоснабжающие насосы и бойлеры. Выбор незнакомца был очень непонятен. Ещё сильнее Майкл начал думать, что ему с Марией довелось наткнуться на сумасшедшего. Быть может, это был особый план Стрелка.

Внутри здание выглядело неприятным и необустроенным. Оно ещё более казалось каким-то пустым и безжизненным. Разглядывая ужасающий вид завода, и саму территорию вокруг него, можно было просто лишиться чувств, осознав, насколько всё выглядит хуже, когда находится вблизи. Жить одному в здании или помещении даже без чего-либо живого — всё равно, что не жить вообще. Пропадая на регулярных вылазках и охотах, незнакомец просто проводил несколько часов в других местах, более пригодных для звания дома. Случайно занесённый ветром мусор бывал на заводе куда чаще единственного хозяина.

Снаружи завод казался кладбищем, внутри он был настоящей могилой. Если же

опустошенные дома, квартиры и улицы могли быть более-менее привычной картиной в старые времена, будь то праздник или военное положение, что-то всё же могло заставить людей покинуть привычные для них места обитания. Однако производственный великан всегда был неостановимым звеном прогресса; он был символом жизни. Безустанное рабочее колесо существования. Люди днём и ночью трудились в нём, сплавы стекали здесь рекой, заполняли различные формы и остужались, огонь горел в печах без продуха, дым высвобождался из гигантских труб, пожирая небо и сжигая лёгкие. Это была жизнь и бесконечная цикличность времени в одном здании, в одной многозадачной, важной и неостановимой работе. Всё это было мертво. Огонь давно потух, небо очистилось, ручьи горящего металла застыли в виде изуродованных капель и бугров. Станки раскурочены, панели, дороги и желоба сорваны и разломаны на части, печи ввалились внутрь себя и продавили пол. Это была смерть в чистом виде. Не только какого-то отдельного здания или предприятия, а всей жизни, всей цивилизации. Снаружи было тоскливо от пустоты, внутри от полноты.

Каждый торчащий остриём наружу объект мог представлять из себя смертоносное оружие. Оступиться и упасть, значило испытать удачу, смотря в лицо смерти. Не спрятаться, не присесть и отдохнуть; легко потеряться, ещё легче найти свою кончину. Огромный зал представлял собою высокую ловушку-капкан, заполненную острыми шипами и лезвиями. Скорее всего, именно поэтому, это место и было выбрано как жильё.

Но не только на полу скрывалась опасность для гостей и самого жильца. С высоких стен свисали различные панели, балки и автономные рельсы, по которым раньше разъезжали ковши с сырьём. Эти исполины ветками свисали над землёй. Они скрипели и прогибались от ветра, проходящего через разбитые окна. Один момент, и они упадут, в холостую или на голову незадачливого путешественника. Где-то эти «ветки» настолько сильно прогибались под собственным весом, что касались пола и упирались в него, позволяя остальной конструкции продержаться чуточку дольше.

На полу, на стенах, и даже в потолке таилась угроза, ждущая минуты своего зловещего освобождения. Над головой зияла огромная дыра, и, Майкл заметил отсутствие черепицы на бóльшей части крыше только будучи внутри. Пропавшую часть он обнаружил под дырой. Ветер и коррозия с дождём медленно делали своё дело: крыша с потолком постепенно разваливались и прогибались так же под своим весом, как и всё на территории завода. Помимо тонн железных балок, деревянного покрытия и глиняной черепицы, вниз рисковали свалиться и дымоходные трубы. Разлом в крыше находился в опасной близости к этим двум конусообразным гигантам, которые также могли сорваться вниз в любой момент.

Литейный корпус и правда представлял из себя — неизвестно для кого — огромную ловушку. В нём можно было найти смерть будучи проткнутым или разрезанным на земле, раздавленным накренившимися балками и рельсам, похороненным заживо под тоннами крыш и труб. Из-за этого, здание и являлось своего рода могилой. Оказаться в ней, всё равно что отдать свою жизнь случаю. Провалится ли вся конструкция вниз, когда там никого не будет, погребёт ли под собой и жильца вместе с незваными гостями; всё это было не важным. Дом будет разрушен, с жильцами или без.

В литейном корпусе было невозможно жить. Если бы на территории оказались животные, то даже они не решились избрать себе это место как логово. Возможно, по этой же причине даже чудовища избегали эту мрачную местность. Однако, здесь жил Стрелок.

Хозяин этой пресловутой пещеры — ибо торчащие отовсюду острия сходили на

сталагмиты и сталактиты — начал подниматься по крепкой и широкой лестнице куда-то вверх. Выбранная им в качестве пути конструкция заметно отличалась от всего окружения. Она была заботливо обслужена незнакомцем, или вовсе возведена совершенно недавно. Её конец поднимался до высоты семи метров и неуклюже стыковался с смотровой комнатой. Само же помещение превратилось в самодельный бункер; окна были завешаны тряпьем и покрыты толстой чёрной краской.

Пока Майкл осматривал окружающую разруху, Мария начала подниматься вслед за хозяином. Недолго балуя себя видом, Майкл принялся нагонять пару.

Поднимаясь всё выше и выше над загромождённым металлоломом залом, Майкл увидел всё помещение с высоты. Вся картина от дальних стен, до того места, где он стоял, напоминала дремучий лес: всюду царил темень, только в маленьких участках сквозь дыры в крыше проникало слабое освещение; горы металла походили на непроходимые заросли терновника; где-то можно было наблюдать пустые и очищенные пространства, но они казались частью недостижимого миража. Этот корпус был местом, таящим в себе мириады секретов. Прятал ли он и заброшенные норы или пещерки, или и вовсе в его дебрях кто-то продолжал своё жалкое существование? Быть может, это был вовсе и не лес, а поле окончившейся битвы, заваленное обезображенными трупами. Ничего этот вид не вызывал, кроме страха и тоски. Сколько бы незнакомец не жил здесь, Майклу было бы тяжело прожить и день.

Добравшись до возвышающегося над обломками помещения, Майкл оказался перед проход в крошечную тьму. Только через открывшуюся железную дверь попадало немного света, но его было недостаточно даже для того, чтобы увидеть под своими ногами пол. Подойдя вплотную к комнате, он подумал, что незнакомец ведёт ночной образ жизни, наподобие летучим мышам или сказочным вампирам. Ни Марии, ни Стрелка рядом не оказалось. Они оба растворились в темноте, слепо отдавшись интуиции. Незнакомец ещё мог свободно передвигаться по знакомой территории, Марии же только оставалось довериться своему провожатому. Только один Майкл был брошен. Оставаясь на пороге тьмы, он был окружён со всех сторон. Ему хотелось бежать изо всех сил: впереди разинув пасть, его ждала бездна под именем Неизвестность. Под ним была расположена шаткая лестница, внизу которой острия изуродованного металла только и ожидало своего звёздного часа. Это было возвышение Икара выше допустимой высоты! Майкл ощущал тот самый жар, что сжигал его крылья.

— Да озарит свет дорогу храбрецам! — раздался возглас из бездны.

Сразу же с этими словами, вместо тёмной бездны появилась освещённая комната. Это уже была не враждебная всепоглощающая бездна, это была самое обычное жилое помещение. Настолько обычное, насколько можно сделать гостиную из санузла. Внутри было огромное нагромождение всего подряд: кухонная плита стояла по соседству с растрёпанным диваном; одежда и прочий хлам были скиданы в одну кучу, расположенная рядом с рабочим верстаком; одна лишь электрическая лампа красовалась в центре всего помещения. Бездна, которую так испугался Майкл, никуда не исчезла, она переползла вниз. Теперь она была позади путника и таилась где-то внизу среди железных зарослей.

— Входи, мой верный аргонавт.

Майкл принял приглашение хозяина комнаты и закрыл за собой дверь.

Утварь, которая раньше использовалась в этой смотровой кабине, исчезла, остался только небольшой холодильник, диван и стол со стульями. Нагромождение другой мебели,

предметов, инструментов, еды и прочих ресурсов намекало на то, что Стрелок жил здесь достаточно долго, и собирался продолжать этот эксперимент. Майкл присел рядом с Марией, пока незнакомец кружил в отдалённом углу над столом и плитой. Всю эту картину самостоятельно обустроенной комнаты нарушала только очередная железная дверь. Она выглядела более тяжёлой и прочной; у неё отсутствовал какой-либо замок, ручка или видимое отверстие для взаимодействия. Это скорее была выделенная на фоне стены панель, нежели функциональная дверь.

Вошедшие гости окунулись в минуты, способные успокоить любого человека, спасти их от опасности и беды, нависшей над ними. Окружающая обстановка была знакомой, приятной. Это была классическая однокомнатная квартира холостяка. Майкл успокоился сразу, Марии же это не было необходимо — она продолжала быть эталоном спокойствия и беспристрастности. Осмотревшись, Майкл убедился, что окна были занавешены и огорожены от внешнего мира не просто так, — обстановка снаружи и внутри кардинально отличались друг от друга, что позволяло находиться в тесной, но уютной комнате без какой-либо тени сомнения или страха перед внешним миром. Из головы даже вылетели мысли, что вся троица сейчас располагалась на высоте в семь метров, над острым и твёрдым металлом.

— Я же обещал вам ужин!

Незнакомец появился неожиданно, как молния. Он подошел к дивану с парочкой гостей, держа в руках поднос с мисками. Поставив всё на пол, он продемонстрировал гостям угощение в виде супа.

Майкл с Марией принялись уплетать поданную им еду. Если же первый чего-то, да и опасался, то Мария — как это уже стало для Майкла привычно — сразу приступила к трапезе без задней мысли. Еда не была похожа на что-то приятное или вкусное: пресная, кислая, пахучая жидкость, словно кипячённые отбросы, но всё же в бульоне плавали самые настоящие овощи и куски мяса. Другого выбора у гостей не оставалось, по нормам приличия — если и был в них какой-то смысл, — они должны были всё съесть.

На протяжении всего приёма пищи, Майкл заметил, как незнакомец тоскливо смотрел на свою тарелку, не притрагиваясь к ней и не снимая своей маски.

— Ну и куда вы держите путь? — спустя несколько минут тишины спросил незнакомец.

Его голос слегка изменился. Он начал говорить более грубо и холодно, словно до текущего момента он был совершенно другим человеком.

— Я иду домой, Мария идёт со мной, — ответил Майкл.

— Есть ли в этом смысл?

— Может и нет... на месте виднее будет.

Незнакомец промолчал. Он просидел бездвижно несколько минут, из-за чего могло показаться, что он впал в транс.

После пробуждения, Стрелок встал и убрал все миски. Отлучившись от своих гостей в сторону импровизированной кухни, и, стоя спиной ко всем, он приподнял маску и, почти залпом, выпил свою порцию.

— Мы, кстати, не узнали твоего имени, — не навязчиво поинтересовался Майкл.

Незнакомец медленно повернулся к говорящему. Маска снова закрывала лицо, из-за чего он выглядел нечеловечески зловещим. Он смотрел на Майкла и долго ничего не говорил.

— У меня нет имени.

Глава 9.1 Маленькое царство вечности (Пристыженный и обескровленный)

Глава 9. Маленькое царство вечности

9.1 Пристыженный и обескровленный

После того, как незнакомец отказался называть своё имя, никто и не собирался о чём-либо говорить. Мария и Майкл сидели дальше на диване, ожидая чего-то, чего сами не знали. Хозяин помещения и торопился их выгнать. Он хоть и приглашал их только на ужин, но дальнейшие действия скорее всего ещё не продумал. Стрелок несколько раз ходил вокруг кухонного стола, но так ничего и не сообщил.

Время тянулось медленно, и Майкл ощущал всю неловкость сложившейся ситуации. Ему было непонятно, почему незнакомец не хочет называться. Быть может, он так сильно стыдился своего прошлого, что наступивший конец света стал неким толчком к тому, чтобы начать всё с чистого листа, войти в новый мир совершенно другим человеком? Майкл не хотел выпытывать такую важную, хоть немного и бессмысленную информацию от того, кто несколько раз оказал ему помощь. Однако, из-за нового опыта, он не мог довериться человеку, чьё имя не знал. Что будет, если он ненавязчивой поинтересуется причиной такой странной тайны? Как отреагирует незнакомец? Его окутает злость? апатия? Выгонит ли он своих гостей или просто начнёт спорить и защищаться?

Остаться внутри завода было неприятно, на Майкла будто что-то давило, заставляя его действовать. Каждая секунда равнялась минуте, он пытался отвлечься на что-то, но всё было безуспешно. Чувство неловкости и легкого страха заставляли его бежать, когда он постепенно становился нежелательным гостем и обузой. Страх перед внешним миром и обитающих в нём опасностей вынуждали его выжидать в безопасном месте. Опасность же была и внутри. Всё же Майкл решил действовать.

Что сидящий на диване мужчина нервничал, было заметное всем: его глаза безумно бегали от мебели к мебели, он нервно дёргал ногой, и маленькие капли пота скапливались на лбу и стекали вниз. Мария же беззаботно достала свою любимую книгу и принялась читать.

— Мы, пожалуй, пойдём. — Майкл медленно начал подниматься с дивана, он бросил быстрый взгляд на хозяина комнаты, чтобы понять, что тот его слышал.

— Куда?! — удивлённо воскликнул незнакомец.

— Ты нас пригласил на ужин, и мы благодарны за такой приятный жест, но как я говорил раньше: мы шли в одно место... — Майкл говорил медленно, деликатно подбирая слова. Ему требовалось как можно осторожнее сообщить о том, что он не просто *хочет* уйти, а он *обязан* это сделать. Поблагодарив хозяина этого убежища, он надеялся получить спокойный ответ и реакцию на уход гостей.

Мария не двигалась с места. Она оставила чтение и с интересом наблюдала за ситуацией.

— Снаружи темно... Не проще будет переждать ночь здесь? Ведь, безопасность превыше всего. Ты же видел, как цел периметр? Никто и никогда не проникал на территорию. Это самое безопасное место. Покинуть завод утром — самое неразумное решение. Не будь идиотом! — Незнакомец разгорячился не на шутку. Майкл точно не

ожидал подобной реакции. Его почти вынуждали остаться на ночь. Но зачем? Какая польза незнакомцу от того, что случится с другими? — Да и к тому же, нет смысла куда-либо идти.

Последние слова незнакомца прозвучали для Майкла, как удар кувалды по стене. По телу прошла дрожь; каждый сантиметр тела ощутил неприятную рябь.

— Что ты имеешь ввиду?..

— Ты же пошел из-за неё? — незнакомец указал на Марию, но показывал он скорее на книгу, нежели на девушку. — Что это? Погоня за каким-то мнимым символом? Бег вслепую? Что ты собираешься найти в руинах? По девчонке видно, что она вынуждена следовать за тобой. Ей хорошо здесь, а ты последний час только и думаешь о том, как бы улизнуть! Почему? Что тебя не устроило? Быть может, у нас возникло недопонимание, и мы сможем решить его, если пойдём друг другу навстречу.

Незнакомец при разговоре активно жестикулировал. В прошлой жизни он мог быть оратором (почти каждое слово он сопровождал красочным жестом и не забывал эмоционально выражаться). Такие люди зарабатывают доверие быстрее, чем кто-либо другой. По нему было видно, что ему не всё равно. Врал ли он? Нет. Он действительно боролся за безопасность своих гостей так, словно это его дети, словно это он сам. Майкл увидел в этом человеке себя самого. Он точно также был готов сойти с ума, если бы знал, что Мария готовится к смертельной аванюре.

— Вы с ней вместе, но вас ничего не объединяет. Ни мировоззрение, ни семейные узы, ни общая цель. Она смотрит на тебя, как на кого-то выше себя. В её глазах, ты стоишь выше любого другого человека. Ты нужен ей, и она следует любому твоему зову. Твое слово — закон. Здесь тепло, сытно и безопасно; самое правильное решение — остаться здесь до конца. Что-то не устраивает? Так давай изменим это в угоду всем! Не хочешь оставаться? Давай обсудим! Но не позволяй ей погибнуть из-за личных побуждений!

Майкл ничего не ответил на выдвинутые обвинения. Он только кротко посмотрел на Марию, желая найти с её стороны поддержку. «А что скажешь ты?» — говорил его взгляд. Девушка так ничего и не ответила. Ничего и не сделала. Она просто продолжала сидеть на диване, смотря то на Стрелку, то на Майкла. Она не собиралась самостоятельно оканчивать этот спор; она послушно ждала, пока всё произойдёт само.

— Что ты ответишь? — спокойно спросил незнакомец. Он это произнёс не требовательно, а утончённо и ласково, словно заботливый родитель даёт ребёнку сделать выбор, где в любом случае он не пострадает, а научиться чему-нибудь полезному или важному, и обретёт искомое счастье.

Майкл всё смотрел на Марию и не был способен что-то решить. Он уже стоял на пороге того, чтобы покинуть этот разрушенный завод, покинуть незнакомца, Марию. Покидал ли он девушку, или это она его бросала? Если бы этот вопрос встал перед ним неделю назад, он бы всё равно не смог быстро решиться. С первых минут его заточения в темнице, эта девушка стала его опорой. Он привязался к ней, как любой привязывается к чему-то властному и значимому. Перед ним, словно, стоял вопрос: «можешь ли ты отказаться от света солнца?». В этом тяжелом выборе между побегом и мучительным спокойствием, он мог сказать только одно: сбегав один, он точно останется несчастным. А оставшись, он погрузится в таинственную дремоту и бездействие, от которого может никогда не проснуться.

— Ладно, я остаюсь... — Ответ Майкла прозвучал, как одолжение. На самом деле он просто почувствовал себя униженным и преданным.

Он вернулся обратно на место и сел рядом с Марией. Обстановка стала более

напряжённой, чем была до этого. Все хотели это исправить, но не знали подходящего способа.

— Я называю их гротесками, — сказал незнакомец. Он некоторое время гипнотизировал Библию в руках Марии и, видимо, решил на новую тему разговора.

— Что? — слегка удивился Майкл, не успев понять, о чём идёт речь.

— Те создания снаружи, что стали причиной всего этого кошмара. Я их изучаю и называю гротесками. Сам же видел, что они чуть ли не слеплены из разных частей, и сами по себе выглядят крайне причудливо. — Стрелок сразу же повернулся в сторону сидящей Марии. — Но ты бы, наверное, предпочла слово «демоны»?

Он слегка посмеялся от этой шутки и продолжил, точно его осенила другая гениальная мысль:

— Помню, как один философ говорил, что у души есть три ипостаси, три вида или состояния: невинность, сомнение, и грехопадение... — Не закончив эту мысль, он остановился.

Мария с большим удовольствием слушала этого человека. Он знал, о чем говорил: его наименование было знакомым и лаконичным, а суждения были близки к сердцу. Ведь, — по крайней мере для неё —, это была простое название, понятное и удобное в употреблении. Любой мог бы сказать кто такой «демон», и не требовалось уходить в глубокие рассуждения и догадки, когда говоришь о самых ужасных существах на планете.

— Мне нравится это название. Оно легко тем, что принижает этих существ, ведь, согласно историям, это древнее зло, давно знакомая человеку угроза. И такие вещи люди не раз побеждали... а ты, Майкл? — Незнакомец продолжал говорить непринуждённо, медленно пытаясь поддерживать общение.

— Никогда об этом не задумывался, — просто называл их монстрами или существами, тварями или чудовищами, альфа-хищники или зверьми. Меня никогда не интересовало то, как их называют другие люди, я просто не вижу в этом никакого смысла. — Майкл медленно начал оживать на глазах. Он выпрямился на диване и установил зрительный контакт с незнакомцем, будто бросал ему вызов. — Что ты имел в виду под “принижением”?

— Я их изучал некоторое время, да и сейчас продолжаю этим заниматься.

— И что же ты узнал? — спросил Майкл, разбавляя свой вопрос тоном с лёгкой издёвкой и недоверием.

— Это не какой-то отдельный вид живых существ. Они впервые были замечены только тогда, когда выбрались на свободу из угольных шахт, что расположены где-то в сотнях километров на востоке...

— Мы и так это знали, — высказался Майкл, хотя Мария об этом слышала впервые.

— ...У этих созданий прослеживается одна исключительная особенность — они так или иначе чем-то напоминают современных животных. По большей части, они представляют из себя совокупность различных пород и видов. Некоторые колоссально большие, некоторые меньше своих сородичей. Это всё намекает на то, что эти “демоны”, были созданы не посредством эволюции или аномалии. Даже биологическое смешение разных видов не способно на такие резкие и диковинные изменения. Это скорее искусные големы или как те странные куклы, которые делают из разных кусков ткани и деталей. Они были разработаны руками людей. Почему? Не знаю. Быть может, это был новый вид биологического оружия, который выбрался на свободу.

— Это только теория.

— Теория, имеющая наибольшую значимость в связи с прозрачностью фактов. Откуда выбрались они? Из угольной шахты. В подобных местах обитают только некоторые виды насекомых и червей. Даже при отсутствии громкой работы в подобных карьерах и тоннелях, не каждое животное способно приблизиться к ним, тем более жить где-то под землёй. Жили бы они раньше — их давно бы нашли. Выглядят они как жители подземелий? Нет. У них здоровая кожа, они вполне зрячие и способные свободно передвигаться не только на поверхности, но и среди тесных улиц современных городов. Самое удобное биологическое оружие.

— И самое ужасное...

— Они приносят минимальный урон зданиям и инфраструктуре. По большей части выбирают тактику выжидания, расправляются с целями быстро и безболезненно. Разновидность их насчитывает более десятка вариантов, каждый из которых способен так или иначе доминировать на том или ином участке. Будь то лес, канализация, город, горы или поля, всегда найдётся тот, кому будет ни по чьём эти препятствия. — Незнакомец уже не обращал внимание на то, что Майкл перебивал его; он вошел в азарт, высвобождая то, что терзало его уже очень давно.

— Что произойдёт, если они очистят всю планету от людей?

— Они уже это сделали.

Услышав это, Майкл непроизвольно сжал кулаки. Он явно не рассчитывал услышать такой ответ. Его сотрясла мысль, что людей больше не осталось, что незнакомец не посчитал его и Марию, как выживших.

— О чём ты говоришь? Здесь же ты, я, Мария, мы все живы!

— Мы единичные особи. Исключение. В учёной практике допустимо опустить минимум, это как если мы считали тот или иной вид, находящийся на угрозе полного исчезновения и долго не могли найти новую особь, вымершим. Также происходит и сейчас. Демоны нас не находят, но ищут, и, могут полноценно сказать, что люди все вымерли.

- “Сказать”?

— Подумать.

— Ты сказал: “сказать”.

— Оговорился.

Майкл выждал небольшую паузу, обдумывая новую для себя информацию.

— Но мы же знаем, что наш род не вымер, — продолжил он.

— Знаем, но людей на планете осталось всего ничего... человека три.

— Ты не можешь просто так бросаться такими цифрами!

— Я не просто так изучал этих существ.

Голова Майкла заболела от упорных попыток связать все факты воедино. Он и правда уже очень долго не встречал людей. Ни таких же путешественников как он сам, ни людей, что пытались где-то переждать этот конец света. Он, конечно, помнил о священнике, встреча с которым продолжалась не долго. Чаще он встречал тех самых демонов, которые всё время удачно набредали на Майкла и других выживших: один, от которого он прятался в коробке, в церкви, на перекрестке в городе, и, тот самый громкий вой по дороге в город. Создания, царствующие за пределами безопасных домов, уже заканчивали свои ужасающие миссии, из-за чего повторно возвращались на опустошенные места, где выискивали — причём, как удалось заметить, довольно удачно — выживших.

— И сколько их всего? — поинтересовался Майкл, прикидывая шансы того, на сколько

долго он ещё будет в состоянии прятаться от преследования.

— Сорок шесть.

— Меня пугает твоя осведомлённость...

— Сорок шесть, о которых я знаю... кого-то видел сам, о ком-то слышал от людей.

— Значит, теперь их сорок два. — Майкл слегка улыбнулся.

— Сорок два?..

— Трёх убил ты, одного — мы. — Мужчина осторожно указал пальцем на снайперскую винтовку незнакомца. Было понятно, что речь шла о метках на стволе.

— Вы убили одного из них?! — Теперь была очередь незнакомца удивлённо вскрикивать. Он звучал так, будто бы был напуган из-за того, что убили кого-то из его семьи, того, кем он дорожил.

— Да... — слегка смущаясь ответил Майкл, не понимая, как ему реагировать на поведение собеседника.

— Где это было?! Как это произошло?! Как давно?! — Незнакомец почти накинулся на Майкла. Он подошел в упор и, схватив того за руку, пристально уставился на вжавшегося в диван гостя.

— Где-то неделю назад. Это случилось в католической церкви, что стоит в парке Нью-Гершина. То существо ворвалось к нам через подземный тоннель, и погибло из-за того, что ему на голову свалился огромный крест.

— Как оно выглядело? — Незнакомец слегка притих. Версия Майкла убедила его в правдоподобности.

— Огромное змееподобное создание, с бычьей головой. У него ещё чешуйчатые складки на животе раздвигались, откуда вылезали тощие руки.

— Снарбул... — почти про себя прошептал незнакомец.

— Что? — не расслышав собеседника переспросил Майкл.

— Я... даю им имена. Тот, кого ты описал, я наименовал Снарбулом. О нём я слышал только со слов человека, видевшего его издалека. Когда мы встретились, и я стрелял в огромного волка-ящерицу, то его я звал Ворсд.

— Почему ты даёшь им имена?

— Не знаю... удобно. Облегчает запоминать их внешний вид и данные.

— Может, ты знаешь и другого, которого я видел?

— Может и знаю.

— Огромный, где-то метров пять высотой. Передвигается как горилла, чем-то даже напоминает черепаху из-за панциря на спине, а голова у него, как содранная до кости человеческая черепушка с бараньими рогами.

— Дуилгримм.

— Странное создание. Оно вело себя так, будто что-то осознавало, понимало. Это существо сидело в засаде на меня, ещё умудрилось раскрыть моё укрытие, странно застыть под лучом света, и...

— И?..

— Мне кажется, что оно пыталось говорить со мной.

— Это уже нелепо...

— Правда! Я, когда впервые встретил его, то прятался в коробке и следил за ним. Он подошел ко мне вплотную и начал смотреть не сводя глаз. Его рот то открывался, то закрывался, и, он даже высунул свой язык, будто что-то говорил.

— Они не умеют говорить.

— Знаю, но всё же меня не покидало странное чувство при виде этого монстра.

Майкл с незнакомцем нашли общий язык. После непродолжительного разговора, они наконец-то успокоились. На дворе была уже глухая ночь, и все это осознали только тогда, когда Мария принялась устало зевать и с трудом держала глаза открытыми. Из-за длительной дискуссии и лекции о «демонах», Майкл был бодр, но звуки, издаваемые Марией, начали и его окутывать чарами.

— Можете упасть здесь, теперь это ваша комната, — сказал незнакомец, уходя в другую часть помещения.

— Но ты куда? — поинтересовался Майкл. После встречи со священником, каждая любезность в его сторону казалась наигранной и подозрительно враждебной.

— У меня есть личные покои. — После этих слов Стрелок вошел в прочную дверь, на которую Майкл ещё давно обратил внимание. Панель послушно отодвинулась после легкого толчка со стороны входящего. Незнакомец скрылся в темноте, и панель задвинулась за ним.

Майкл послушно оставался сидеть на своём месте. Мария осторожно легла на другом краю дивана и уснула. Ему же просто оставалось последовать примеру подруги.

Упав на упругую спинку, Майкл уже думал действительно расслабиться и уснуть, но что-то мешало ему и поддерживало его в реальном мире. Диван уже не казался таким мягким, когда он впервые опустился на него. Что-то тревожило его, но он не понимал, что именно. Вокруг была приятная обстановка, безопасная, светлая и тихая. Недалеко лежала Мария, которой также не угрожала опасность. Почему бы не насладиться этим маленьким раем, пока есть такая возможность? Что-то в произошедшем грызло Майкла изнутри. Вчера всё было прекрасно и спокойно, сейчас же наоборот.

Мужчина медленно начал проводить взглядом по всей комнате, пытаясь прикинуть, что именно ему не нравится. Он очередной раз раскидывал по полочкам всё случившееся, чтобы найти ту самую назойливую мысль. Мыслей этих оказалась целая куча, и запрятаны они были глубоко за мнимым спокойствием и безопасностью. За неожиданной встречей незнакомца и загадочной учтивости Марии, которая была довольна всем. Может, Майкл просто завидовал, как быстро удалось Стрелку расположить к себе девушку? Это произошло куда быстрее, чем у него... Возможно это и была главная причина. Мария встретила незнакомца, пожалуй, в самый спокойные периоды своей жизни. У неё была возможность определиться с тем, кто она такая, чего ей ждать от жизни, и много другое. За этот короткий день она поняла, что Стрелок частично спас её от волка-ящера, накормил и дал безопасное место, где можно было согреться и уснуть на мягком диване, а ещё это место и выглядело вполне достойно, чтобы можно было в нём жить. Само помещение так и говорило, что незнакомец полноценно заслужил право обитать в нём, — он полностью обустроил его под свои нужды. Здесь было душно и грязно, но уютно. Это была классическая берлога холостяка. С Майклом Мария встретила почти самые худшие моменты жизни. Она была в плену, подверглась ужасному нападению чудовища и была вынуждена в страхе выхаживать раненного Майкла, ей приходилось путешествовать неведомо куда, каждый день испытывая боль и раздражение. Страх — если она его испытывала, то просто прятала за гримасой спокойствия — был для неё извечным третьим спутником. В таком противостоянии, незнакомец на голову обошел Майкла, в гораздо сжатые сроки.

Общее смущение и раздражение, а также скрытый страх и неприязнь к чему-то окружающему не было какой-то банальной причиной ревности и зависти. Мария была

дорога Майклу, но он бы с радостью предоставил её более подходящему человеку, если бы с ним ей было лучше. Сам незнакомец, был прямым олицетворением наделенного им имени. Даже после непродолжительной беседы с гостями, никому не удалось ничего узнать о новом хозяине этого завода. Он умело уходил от вопросов, разговаривая только на общие, но столь важные в текущее время темы. Даже не говоря и слова о себе, он сильно интересовался исключительно новоприбывшими. Что-то другое таилось совсем близко к Майклу, на расстоянии нескольких метров. Огромное количество заметных странностей, на которые просто не хотят обращать внимание. Незнакомец пристально прятал своё лицо. Даже находясь у себя дома, он оставался полностью скрытым. При уходе к себе в тайную комнату, он не выключил у гостей свет. Откуда он берёт энергию? Ни разу Майкл не заметил, чтобы видел какой-либо провод или шум генератора. К чему такая трата? Электричество сейчас должно быть ценнее, чем когда-либо. К тому же, после того как незнакомец покинул гостей, не было слышно того, что он начал куда-то уходить или что-то делать. После того, как он вошел в дверной проём, был звук только того, как за ним закрылась панель. Ушедший будто просто остановился по ту сторону прохода и принялся чего-то ждать. Майкл снова начал нервничать, не в силах побороть паранойю. Он ожидал, что очередное спокойствие обрушится на его голову и заставит бежать.

Прошло несколько минут, за ними минул десяток, вскоре и час остался позади. Майкл всё сидел и гипнотизировал прочную дверь. Вся эта пластина, и всё её окружение постепенно утопали в наступающей темноте. Организм Майкла уставал: его всё сильнее и сильнее клонило ко сну.

Ночь была тихой. Чрезвычайно тихой. Из-за этой загадочной тишины, сон давался довольно тяжело. Какие бы приятные и сказочные образы мужчина не видел перед собою, он не ощущал пьянящего спокойствия и лёгкости. Даже тихое и монотонное сопение Марии будто исчезло. Исчез весь мир вокруг уснувшего мужчины. Быть может, этот мир так же заснул, как и человек. Не ощущалось то, что вокруг всё продолжает жить в своём бесконечном потоке. Если же мир вокруг испарился вместе с Майклом, умчался в далёкие дали дрёмы и желаний, то может ли этот мир уснуть навек, как иногда бывает и с его обитателями? Что увидит перед собой Майкл, если откроет глаза в мире, который никогда больше не проснётся?

Открыв глаза, он оказался в том же мире, который и оставил. Это была ничем не изменившаяся комната, наполненная одеждой, мебелью, разными инструментами и приборами. Поспал ли он час или два? Быть может, он уснул на долгие дни — ситуация вокруг него никак не изменилась. Он словно оказался в застывшей во времени картине, которую извращённый художник запечатлел на своём проклятом холсте. Ни звуков, ни света с улицы. Даже искусственный свет из лампы в центре комнаты не меняла силу освящения: он застыл во времени, получая сбалансированное питание, без перегрузок и сбоев. Это был гнетущий лимб, в котором время навсегда остановилось, терзая разум заключённого в нём человека.

— Проснулся? — раздался голос из открывшейся двери. Это вышел Стрелок из своего укрытия, он, словно ожидая команды суфлёра, чтобы показаться перед зрителем в нужное время.

— Сколько я спал? — невозмутимо ответил Майкл, пытаясь перебороть ещё более нахлынувшую на него усталость.

— Около шести часов.

«Шесть часов...» — повторил про себя Майкл, предполагая, подразумевались ли часы после того, как незнакомец покинул комнату, или же, когда Майкл действительно уснул. И почему незнакомец так резко появился перед гостем? Неужели он наблюдал за комнатой?

Каким бы не был ответ на эти вопросы, Майкл всё же смог уснуть. Ощувив то, как этот сон иссушил его, он чувствовал постепенно растущую в себе тоску и безразличие.

Глава 9.2 Маленькое царство вечности (Навстречу времени)

9.2 Навстречу времени

Как Майкл и предсказывал, он оказался в том самом месте, где обречённые души на вечное странствие в пустынном мире ожидают конца всего. Первая ночь далась ему тяжело. Последующий день был скучен и скуп на события. Завтрак, обед и ужин — вполне приятный бонус к тому, что незнакомец так дружелюбен и любезен к своим гостям. Но всё же он только и делал, что смотрел на Марию и Майкла, пытаясь разбавить тишину разговорами. Он никуда не уходил и ничем не занимался. Закинув себе в темницу новых зверушек, он остался вместе с ними, смакуя тоску и бездействие, уже в компании. Марию никак не смущало произошедшее в её жизни изменение, она была довольна, это легко читалась в её спокойствии и расслабленности. Майкла это раздражало — он не привык засиживаться на одном месте, покуда у него не скованны руки и ноги; он сильнее всех ощущал дух нависшей над ними темницы и скорой гибели в объятиях лени. Незнакомец упивался этим извращённым планом. Его нельзя было обвинить в чём-то ужасном. Он делал полезные и важные вещи — помогал нуждающимся, но, возможно, у такой помощи, последствия были излишне разрушительными.

Таким образом день тянулся за днём. Для Майкла, жизнь в подобных условиях походила на гниение заживо. Он ощущал, как медленно начинает деформировать его тело и ум, как он становится слабее. Еда, сон, просиживание на месте, и снова по кругу. Это напоминало то, как проводит свою жизнь животное в клетке.

Постепенно, Майкла начали посещать мысли о побеге. Сбежит он один или с Марией заключался только в том, насколько ей это будет необходимо. Пока что, он был единственным, кто испытывал видимый дискомфорт от всего происходящего. Он не пытался высказать сомнения или неприязнь, а просто молча наблюдал за тем, как развиваются — а точнее, совершенно не развиваются — события. Единственным развлечением было то, что заражённая рука начинала всё сильнее и сильнее зудеть.

— Слушай, а ты не знаешь, что могут сотворить демоны с людьми? — решил завуалированно поинтересоваться Майкл.

— Ну... они просто убивают людей, — прозвучал слегка неловкий ответ. Тема демонов, была почти единственной, которую мог поддержать оба мужчин. В других случаях хозяин просто постоянно о чём-то говорил, а его гости внимательно слушали.

— Я не о том. Могут ли они распространять какие-либо болезни?

— Нет, они абсолютно стерильны.

— Даже если их кровь попадёт в человека?

— Даже тогда.

Майкл слегка приубавил интерес к этой теме. Из-за больших познаний незнакомца об этих ужасных существах, он почти что стал авторитетом в глазах гостя. Однако, Стрелок всё же не мог знать всего. Иначе, он бы рассказал о том, что происходило с Майклом.

Майкл легко улыбнулся, ощущая хоть какое-то превосходство над Стрелком.

— Почему ты интересуешься? — поинтересовался наконец-то незнакомец.

— Хочу сильнее изучить этих существ.

— В этом уже нет смысла.

— Почему?

— Ты живёшь здесь, тебе незачем их изучать.

— Я хочу помочь тебе в охоте.

— Я уже не хочу охотиться. — Незнакомец провёл взглядом по Марии с Майклом, стёкла маски блеснули от света, словно хищные глаза. — Раньше мне было неважно, вернусь ли я сюда, увижу ли чьи-нибудь лица... теперь мне есть для кого жить. Есть, кому можно поведать о своих муках и мыслях. Есть люди, которые видят во мне кого-то живого. Вы оба вытащили меня из самого страшного места.

«И ты решил нас заселить туда же» — пронеслась мысль в голове Майкла.

— Незачем сражаться с неизбежным, ведь можно просто ожидать того, когда оно наконец-то наступит. Еды и энергии здесь много, мы сможем провести вместе многие годы, — продолжал незнакомец.

— Ну а как же безопасность? Не проще будет обустроиться или найти более надёжное место? Тогда можно жить припеваючи без страха. — Майкл начал ощущать, как в нём снова начинает расти негатив. Незнакомец то внушал в себя доверие, то пугал до ужаса своей пассивностью и беззаботностью. — И что на счёт того волка-ящера, неужели ты будешь ждать того, что он станет нас искать?

— Не бойся. Ворсд — меньшее из проблем.

— И ты так говоришь, будто со дня на день ждёшь конца света.

— Такой исход тоже не исключение.

— В это я готов поверить меньше, чем в твои слова о чудовищах.

Диалог между Стрелком и Майклом закончился на неопределённости. Незнакомец под конец просто развернулся и со словами: «мне нужно кое-что проверить», скрылся за дверью.

Разговор с незнакомцем ещё сильнее надавить на Майкла. Из-за чего все мысли зашлись круговоротом, и вслед этому, он скоро покинул уже ставшую зловещей и неприятной комнату, где находился последнее время. Спустившись по железной лестнице вниз, он присел на ступень, чтобы перевести дыхание. Не только слова незнакомца казались какими-то угрожающими или неприятными, но и его поведение. Майкл заметил закономерность в том, почему Мария так сильно привязалась к этому человеку. Он был её копией, только был более разговорчив. Он также ожидал чего-то необычного, грандиозного и неостановимого, покорно не пытаясь что-либо предпринять и исправить.

Всё произошедшее медленно сводило Майкла с ума. Постепенно наслаждаясь обществом Марии, и рассказывая ей что-то из прошлого, он всё сильнее и сильнее ощущал эту тонкую связь с потерянной жизнью. Образы прошлого так ярко выступали перед глазами, что он иногда ловил себя на мысли, будто настоящее является лишь сном. И, если это и был сон, то он являлся сущим кошмаром. Теперь маленький мир воспоминаний и беззаботного прошлого был стёрт. Находясь в обществе незнакомца, — который, как катализатор, ещё сильнее нагонял мысли о разрушении и апатии, — Майкл чувствовал то, как медленно умирает. Будучи поглощённым отталкивающими мыслями, он видел в себе изменение, замечал то самое сопротивление внутреннего «Я» с необъятным миром. Конфликт, росший в всепоглощающую катастрофу. Если бы Майкл не сбежал вниз из той ужасной комнаты, из той ужасной компании, он мог и вовсе исчезнуть.

Сидя в спокойной обстановке среди пыли и обломков литейного завода, он успокаивался. Режущий нос запах окисления и ржавчины, вид разрухи и дрожь от холодного дуновения ветра... вот, каким был реальный мир. *Его* мир. По телу пробежали мурашки. Они

возникли не из-за холода, хоть и была глубокая ночь, но всё же не это вызывало дискомфорт. Он подумал о той фальшивой безопасности, расположенной над ним в нескольких метрах. То царство лжи, необъятная пародия на умиротворённый рай... Но это была лишь маленькая клетка для тех людей, которые не желали смотреть в глаза чему-то реальному; маленькие дети, испытывающие страх перед тем, к чему давно стоило привыкнуть. Это был портал, который пытался быть похожим на старый и всеми знакомый мир, но тем ещё сильнее отталкивал от себя, являясь лишь бледной тенью прошлого, и фальшью настоящего. Это было нахождение вне времени и пространства, вне бед и радостей. Что случилось с Марией после встречи с незнакомцем? Ничего. Она стала безвольной куклой, проживающей день за днём в одном распорядке, позволяющей ей просто продлить никчёмное и неуместное существование. Если же во времена похода с Майклом она могла улыбнуться, погрузиться или выдыхавшись от усталости свалится на землю, то сейчас для неё это походило на какую-то выдумку. Существует ли теперь окружающий мир для Марии? Нет. Существует ли Мария для окружающего мира? Нет. Она уподобилась чему-то низшему — незаметным мгновением в объятиях вечности. Это была смерть, в её перевозданном нагом виде.

«Ты и правда этого хочешь?» — мысленно спросил Майкл.

Быть может, этот вопрос он адресовал Марии или незнакомцу, быть может себе самому. Никто не знал ответ на этот вопрос. У этого вопроса и не могло существовать ответа настолько доступного для понимания, что его можно было добиться обычными словами. Ответом на этот вопрос должны были стать действия.

Ощущая всю нависшую тяжесть выбора, рука автоматически потянулась в карман пальто. Там, почти у самого сердца, лежал реликт, уже давно забытый, но всё же ценный. Уже долгое время маленький сборник анекдотов напоминал Майклу о прошлой жизни. Каким бы ни был сам сборник, что бы ни было в нём написано, всё это помогало путнику. Это была памятка о старом мире, таком разнообразном и хаотичном, нелепом и стыдливым. Стоит ли воспользоваться этим предметом, закрыть глаза на текущие терзания и отдаться сокрушительной действительности. Впасть в маленькое море упоения, хранимое за пазухой, чтобы прожить чуточку дольше в других мнимых небесах? Сейчас Майкл как никак нуждался в изменениях. Нуждался в том, чтобы сделать выбор самостоятельно, сейчас, когда он готов. Он, конечно же, будет помнить всё, что требуется, но не позволит любому страху взять над собой вверх. Спрятав обратно книжку, он принялся возвращаться назад к Марии и незнакомцу.

Вернувшись в обитель пассивности и меланхолии, Майкл увидел, что ничего не изменилось. Хоть прошло и всего лишь пару минут, но у него было ощущение, что даже за многие десятилетия ничего в окружающей обстановке не сменит место. Незнакомец стоял среди своих рабочих столов; Мария лежала на диване, ни то уставшая, ни то скучающая. Для них отсутствие Майкла могло длиться лишь секунду, если они вообще его заметили.

— Мне нужно вас покинуть, — сказал Майкл с порога, даже не думая сделать шаг внутрь.

Никто не отреагировал на эти слова. Майкл будто ничего и не говорил.

— Я всё же отправлюсь домой, чтобы кое-что узнать. Когда я вернусь, можно будет уже подумать о дальнейших делах. И если что, я заберу с собой Марию, — продолжал он. Все его слышали, просто не делали вида, что вслушиваются, или просто пытались пережить этот новый приступ активности Майкла, который за последнее время уже не первый раз давал о себе знать.

Майкл постоял несколько секунд, оценивая, что никто не пытается ему помешать или хоть что-то сказать напоследок. В голове даже пронеслась мысль, что никто не заметит его длительного отсутствия. Стоило ему начать разворачиваться обратно к выходу, как ситуация стала критична, и все поняли, чем всё грозит.

— Ты оставляешь её? — спросил незнакомец с другого конца комнаты.

— Да, здесь она будет в большей безопасности, чем со мной.

Стрелок только удовлетворительно и многозначительно кивнул.

Мария подняла тяжёлый взгляд на Майкла.

Он посмотрел в её мутные и усталые глаза. Где-то глубоко в них ещё блеснул тот самый огонёк, с которым она смотрела на него в последние дни их совместного пути. Сейчас, она была не способна ни на что, кроме как отдалиться лени и потокам времени. Но она не просто посмотрела на него, чтобы разглядеть, — она чего-то ждала.

— Я вернусь за тобой.

Мария резко опустила голову, словно та стала тяжелее в несколько раз. Она приняла тот факт, что рано или поздно всё вернётся на круги своя. Ей просто нужно ждать, — делать ровно то, что она делала в последнее время достаточно долго.

Майкл развернулся к выходу и начал спускаться по лестнице. Бросив только одну фразу Марии, он ощущал себя так, словно предаёт девушку, которую обещал защищать. Но другого выхода у него не было; сейчас он предпринимал суровое авантюрное решение, способное спасти её, и себя.

Раздался грохот открывшейся двери вверху лестницы, — выбежал незнакомец, который облокотившись на перила начал кричать вслед уходящему человеку:

— Ты точно вернёшься?!

Майкл не ответил. Он обернулся к Стрелку и посмотрел на него горящими от решительности глазами. Он вернётся. В этом не нужно было сомневаться.

Незнакомец притих, обнаружив, что его маленький рай медленно распадается, и он сам не в силах поддерживать его. Отойдя от перил, он вернулся туда, откуда и прибыл.

Майкл продолжил путь, слегка улыбаясь от того, что ему удалось победить незнакомца и наконец-то сбежать из его царства.

Глава 10. Паломник

Глава 10. Паломник

Мир по другую сторону толстых стен металлургического завода был другим. Он был мрачным и холодным. Живым. Майкл сразу же ощутил нахлынувший на него дискомфорт. Ему это понравилось. Это были настоящие чувства, доставшиеся ему от разрушенного мира. Это было не выдуманная безопасность, не фантомное спокойствие и радость, это были самые сладкие страх с тревогой, что когда-либо он ощущал. Ему претило ощущение того, что он радуется и довольствуется на костях старого мира. Окружающая его обстановка и внутреннее состояние противоречили друг другу из-за чего разрывали сознание изнутри.

Майкл начал уходить прочь, не пытаясь даже обернуться или ещё раз обдумать решение. Он знал, что в скором времени ещё вернётся сюда. И эта мысль, отчасти, пугала его больше всего.

Позади остались металлические курганы и скелеты производственных машин и конвейеров. Клетчатый забор уже не был признаком чего-то радостного или спокойного, — он не внушал наивную веру в найденный безопасный привал. Всё это превратилось в отвратительное кладбище, чем и являлось с самого начала.

Постепенно Майкл начал набирать шаг. Он ускорялся всё сильнее и сильнее, вскоре и вовсе перейдя на бег. В итоге он не спокойно покинул свою темницу, а трусливо сбежал из неё, как только сразу почувствовал на лице лёгкое дуновение колющего ветра.

«Почему ты бежишь?» — прозвучала мысль в голове Майкла.

Кто-то пытался говорить с ним. Быть может, это была та самая маленькая и назойливая мысль в уголке сознания, которая только и пытается каждый раз увидеть ту или иную ситуацию под другим углом. Этот же маленький анархичный генератор мыслей и идей позволяет каждому человеку сомневаться не только в окружающих событиях, но и в собственных действиях.

«Почему я бегу?» — повторил сам себе Майкл.

И действительно, зачем он бежит? Можно было подумать, что Майкл подсознательно боится преследования со стороны завода, что его нагонят и насильно вернут в ту неживую обстановку. Но ни здание, ни один из его жителей не пытался преследовать сбежавшего человека. Всё было тихо и умиротворённо, как снаружи этого гиганта, так и внутри.

Услышав совет из недр собственных мыслей, Майкл смущённо остановился после продолжительного бега. Он находился уже в нескольких километрах от завода и благополучно затерялся в ближайших лесах. Каким бы странным и нелепым не было его поведение, — тем более собственные размышления на эту тему, — всё, что сделал Майкл, было полезным для его здоровья. Он, как высвободившаяся с цепи собака, помчался сломя голову куда глаза глядят. Он испытывал своё тело после длительного и мучительного затишья, и был этим доволен.

Открытые пространства леса, влажный воздух после дождя, прохлада, что нежно окутывает тело. Вся новая обстановка прекрасно контрастировала с тем, откуда он сбежал. Мужчина наконец-то был на свободе, почти уже в родных местах. Это была сомнительная, неизвестная глушь. Было невозможно понять, куда именно бежал Майкл и где в конечном счёте он оказался. Даже исходное направление казалось загадкой, потерянной среди неясных и дурных мыслей. Он помнил только то, что как только вышел за пределы

клетчатого забора, что-то щёлкнуло в голове, а дальше была только непроглядная пелена. Быть может, беглец несколько раз умудрился изменить направление в лесу, быть может, бежал только прямо.

Майкл стоял на месте среди огромного множества молодых и старых деревьев, спокойно оглядываясь по сторонам, чтобы увидеть хоть толику подсказок или ориентиров. Вокруг ничего не было, ни маленькой полосы бетонной дороги, ни высокого и дальнего силуэта завода. Майкл будто оказался в настолько далёком и глухом месте, что ему будет проще здесь обосновать собственную цивилизацию, нежели найти её своими силами. Любой другой человек, в любое другое время, легко бы испугался и впал в ступор. Он стал бы сладкой жертвой паники и ужаса, оттого что находится в опасной близости к гибели.

Майкл спокойно осмотрелся вокруг себя. Ничего. Только небо над головой, земля под ногами и толстые деревья вокруг. Он просто пошел туда, куда считал нужным, куда направлял его природный магнетизм и обострившееся чувство направлений. Рано или поздно ему удастся наткнуться на что-то подходящее: на дорогу, дом, голую поляну или целый город. В любом случае, что-то произойдёт. Майкл знал это, и был доволен, что наконец-то его жизнь снова может пестрить событиями и ощущениями. Даже если бы сейчас он повторно оказался в самой патовой ситуации, в которой когда-либо находился, то всё равно бы довольствовался наступившим переменам.

Через несколько часов Майкл наконец-то вышел к чему-то, смутно напоминающем автомобильную дорогу. Места были незнакомы, а затянутое тучами небо не позволяло увидеть даже намёка на солнце. Направление всё ещё оставалось неясным, и, в конечном итоге путник просто направился туда, куда посчитал нужным. В скором времени он сможет наткнуться на какой-нибудь крупный населённый пункт, — достаточно крупный, чтобы он мог быть обозначен на карте местности, — и относительно его, продолжит своё долгое и увлекательное путешествие.

Окружающий мир был по-прежнему удивительным и захватывающим, — ни на секунду Майкла не посетило сомнение, что он совершил крупнейшую ошибку в жизни... В первую очередь, он был жив; во-вторую, он двигался. В самом аспекте движений и стремлений куда-то идти он ощущал пьянящее чувство умиротворения и безопасности. Нужно было двигаться, неважно куда.

Он был одинок. Снова. Но он пошел на эту жертву лишь для того, чтобы предоставить не только себе наилучшие условия жизни и выживания, но и для Марии. Но для кого он готовит все эти страдания? Нужно ли это Марии или только самому Майклу? Быть может, таким образом он просто пытается найти себе собеседника и товарища, чтобы просто не сойти с ума в абсолютном одиночестве. Или же его рассердила личность Стрелка, и он просто стал заложником гнусных чувств?

Наступил момент, когда Майкл наконец-то остановился. Очередной раз он задумался о своём уникальном и необходимом плане. Эта назойливая мысль уже не первый день грызла его, каждый раз оставляя мучительно болезненные последствия, — даже свобода не освобождала его от этой невыносимой ноши. На кой лад ему свобода, если её не с кем разделить? Мария может просто не согласиться отправиться в новое сомнительное путешествие. И не важно, будет ли оно долгим или нет. Девушка просто оказалась в той среде, где ей было максимально удобно и легко. Она может и не согласиться на уговоры Майкла. Весь план рухнет только от одного лёгкого «нет».

Остановившийся в центре заросшей дороги, он вспоминал всё своё приключение бок о

бок с этой девушкой. Вспоминал их разговор в подвале церкви, и то, какой заботливой и радостной была она после освобождения; спасение после нападения демона; посещение заброшенного дома; долгий путь до встречи с незнакомцем. Противоречие двух неподвластных друг другу сущностей могло оттолкнуть обоих на настолько незначительный уровень отношений, что они вмиг могли стать врагами. Поэтому любое действие Майкла расценивалось ровно между собой, как вред и помощь. Но в отличие от одинокого путника, у Марии наблюдался союзник, стоящий сбоку от неё. Точно такой же человек, любитель пассивного выжидания конца. Но Стрелок уже единожды показал, что может быть где-то слаб, что есть личности способные противостоять его сладким речам и назойливому поведению.

Майкл мог просто свернуться где-то под деревом в клубок и спокойно умереть голодной смертью. Это было бы равносильно тому, что он навсегда покинул Марию, и не собирается к ней возвращаться. Но всё же, первый шаг уже был совершен. Отступить назад — предать всё, что он когда-либо сделал. Кто привёл Марию к незнакомцу? Майкл! Кто освободил эту бедную девушку из мучительного плена? Майкл! Кто поможет ей увидеть погибающий мир, с другой стороны и продемонстрировать то, как всё продолжает жить, несмотря на то что растёт поверх погибшего человечества? Майкл! Это был его выбор, его окончательное решение. Если же Марии ничего не поможет, тогда он сам сядет вместе с ней под свет закатного солнца и будет дожидаться *конца*.

Продолжая изнурительный путь в родные места, Майкл желал навсегда отказаться от подобных размышлений. Они давались тяжело и болезненно, к тому же, занимали значительное количество времени и сил. Они могли бы предоставить неоценимую помощь и максимально подходящий вариант развития событий, или и вовсе навлечь на мучительную апатию.

Когда же различные сомнительные и противоречивые мысли всё же покинули Майкла, и не тревожили его длительное время, он смог полноценно увлечься своим путешествием. В один из прекраснейших моментов одиночества и единения с природой, он обнаружил, что над горизонтом в дали возвышаются строения. То был город, — очередной могильный курган цивилизации, — который сможет подсказать Майклу, где он находится.

Через несколько часов путник стоял у Восточного Сюргинда, — что в переводе на родной язык Майкла звучало комично, и переводилось: «сказали «строить». Это был малый городок, что стоял на самом краю страны, и, больше походил на тренировочный лагерь. Он пестрил огромным количеством полос с препятствиями, беговыми дорогами, стадионами и полями, бараками и палаточными зонами. Это был старый детский оздоровительный лагерь, возросшийся до небольшого города, который, несмотря на увеличенную численность, умудрялся сохранить старое назначение.

Этот населённый пункт предоставлял отличную возможность отдохнуть в наступившую ночь и подготовиться к ещё более длительному переходу. Майкл выбрал один из более-менее устойчивых и целых домов, где решил переждать тёмную и одинокую ночь.

После того, как шторы в спальне были закрыты, и мужчина никак не смог бы выдать своё присутствие, он принялся подготавливаться к следующему дню. На карте найти его место остановки оказалось крайне проблематично — Майкл ушел совершенно в противоположную сторону от той, куда он собирался идти изначально. Он мог бы развернуться и напрямик пройти в правильном направлении, но это означало то, что он окажется в непосредственной близости к заводу. Такого исхода он не хотел, и не знал, какие

новые мысли смогут захлестнуть его и заставить предпринять не самые радужные поступки. Будет лучше для всех, если беглец будет как можно дальше держаться от своего старого убежища, даже если путь займёт дополнительных несколько дней. Так решил Майкл и за Марию, и за Стрелка.

После составления наиболее успешного и безопасного пути, — который затрагивает минимальное количество посещений крупных населённых пунктов, — можно было наконец-то расслабиться. Если всё пройдёт гладко, через неделю он окажется в родных краях, и, ему снова придётся столкнуться со всеми внутренними кошмарами и переживаниями, которые в совокупности с мучительными воспоминаниями о прошлом приносили сплошную боль. Бóльшая часть работы уже была составлена, осталось только дожидаться утра. Путник мог бы спокойно отдохнуть и позволить себе расслабиться, тем более после столь трудоёмкого и утомительного дня, но всё же что-то было не так. Майкл думал о том, что можно благополучно приступить к вечернему приёму пищи, но еда никак не лезла в рот — голода просто не было. Консервированная пища казалась какой-то отвратительной и враждебной. Небрежно кинутое на соседнее кресло пальто смутно напоминало сгорбленный силуэт. Майкл смотрел на невнятные и безжизненные черты, не понимая, что именно сейчас сковывает его самого. Он постепенно напился одиночеством, на которое сам себя обрёл.

Странный силуэт, сидящий недалеко от Майкла, загадочно напрягал и успокаивал. Он прекрасно понимал, что это просто верхняя одежда и ничего более. Но когда он опускал взгляд и переставал смотреть на диван, то ему смутно казалось, что на периферии зрения, таинственная фигура становилась более реальной и материальной, будто там действительно кто-то сидел. Иногда весь этот театр одиночества доходил до того, что, борясь с фальшивой сытостью и давясь от еды, Майкл улавливал чьё-то тихое и мелодичное дыхание.

— Надеюсь, с тобой всё хорошо, — сказал он.

Когда уже все возможные дела были окончены, а сон всё никак не намеревался свалить бодрого, но уставшего путника, Майкл решил посмотреть на свою странную болезнь. Высвобождая руку от нескольких слоёв бинтов, он уже заметил очередное изменение в общей картине: чернота на кисти руки осталась, но продолжала расти. Теперь граница бледной кожи и чёрной чешуи находилась у самого локтя. Окончательно скинув с себя повязки, Майкл убедился, что странные изменения руки продолжали прогрессировать. За несколько дней нахождения с незнакомцем в его убежище зараза успела отвоевать целый десяток сантиметров кожи.

Вид таких перемен уже не смущал и не пугал Майкла. Вспомнив, как с помощью этой руки он без особых усилий и проблем сломать навесной замок (хотя где-то в глубине своих мыслей он сомневался на этот счёт, надеясь списать всё на хрупкость самой конструкции). Но всё же, не только это маленькое недоразумение помогло Майклу иначе посмотреть на «проклятье». Теперь его распирали интерес от того, что всё-таки произойдёт дальше. Пока что, заражённый не испытывал никакого дискомфорта, связанного с общими ощущениями в руке или всём теле. Будь это болезнь, он бы давно начал замечать поразившие его последствия. Эта рука или станет его главным оружием и инструментом, или вовсе приблизит его конец. В любом случае, второй вариант рано или поздно нагонит Майкла, несмотря даже на то, как долго и отчаянно тот пытался сбежать и скрыться.

Смысл прятать почерневшую руку за бинтами уже не было. Хотя Майкла приятно удивляли встречи с выжившими людьми, сейчас он склонен скорее к тому, что это были обычные совпадения. К тому же, издалека это изменение чем-то походило на декоративный

средневековый доспех, что конечно и выглядело странным, но было менее шокирующим, нежели факт неизвестной болезни.

Так она и осталась с ним: немой спутник и долговечная память того, чего никогда не стоит забывать, и чем ни за что не стоит пренебрегать.

Не дожидаясь того, как сон начнёт ломить мозг, Майкл решил отправиться на раскладной диван, чтобы благополучно дожидаться утра. Уснул он не сразу: внутри него всё ещё кипела энергия от осознания свободы, но всё же, иногда он переводил взгляд на брошенное на кресло пальто, что вновь успокаивало его.

Как часто бывает со множеством людей, что не могут на протяжении долгого времени уснуть, и они просто пытаются забыться и ни о чём не думать, — Майкла сразил сон. Проснувшись, он даже не вспомнил того, как ощущал усталость или оставшуюся сонливость, просто моргнул, и настал новый день. Быстро собрав все свои раскиданные вещи, он начал уходить. Ранее утро было удобным временем, чтобы начать авантюрное и трудоёмкое дело, так как можно было легко взбодриться. Закрывая за собой дверь в квартиру, — а делал это Майкл из-за неугомонного воспитания. Уходя, мужчина случайно перестарался, используя уже не перебинтованную руку. Посредством случайного использования колоссальной силы, дверную ручку вырвало из двери и бросило на пол. Извинившись перед хозяевами квартиры, — которые никогда больше не вернуться к себе домой, — Майкл направился дальше. Дверь по инерции начала распахиваться, и проходящий утренний свет через окно освятил необычную и новую картину, как в гостиной на диване «сидели» несколько скомканных курток старых владельцев.

Майкл передвигался так, как считал нужным. Все перерывы и возможные или необходимые моменты отдыха он сокращал до минимума. Он мог поесть только перед сном, а ранним утром уже уйти от места ночлега на несколько километров. Сброшенные с руки бинты казались каким-то наивысшим облегчением в этом странствии. Они в сумме весили не больше десятой килограмма, и хоть не полностью покинули своего хозяина, — так как находились на всякий случай в рюкзаке, — всё же их отсутствие ощущалось иначе. Это было или пьянящее чувство свободы, освобождённой от многодневной влажной ткани кожи, или простое принятие собственных проблем. Но как такова «проблема» просто не ощущалась — Майкл уже не видел в своей ситуации никакой проблемы.

Вернувшись на путь, Майкл начал ощущать себя всё более и более одиноким, чем когда-либо. Каждый новый час его начинали терзать различные мысли. Начиная от того, что на металлургическом заводе со Стрелком и Марией могло что-то произойти, и, заканчивая тем, что несмотря на собственное упорство и отсутствие желаний что-то обдумать и предпринять на случай возникновения опасностей, Майкл просто брёл вперёд на встречу собственной смерти. У него даже не было желаний замедлить ход или остановиться, чтобы как можно лучше обдумать все обстоятельства. Он просто шел дальше, словно эти пугающие и разочаровывающие мысли только подгоняли его ещё сильнее к конечной цели. Уже было поздно вернуться назад, поздно свернуть в другом направлении. Сделав это хоть один раз, он навсегда предаст всё, за что когда-либо дрался.

На четвёртый день изнурительного путешествия, Майкл решил зайти в помеченный в самом начале пути город. Ему нужно было пополнить запас еды и воды, а заодно, посмотреть что-нибудь, что может быть полезным. Уже несколько дней он не замечал вокруг себя ни одного признака жизни. Ни птицы, ни другие животные не показывались даже вдаль, их силуэты не мелькали где-то на периферии зрения.

Скорее всего сильное желание оказаться среди каменных домов было вызвано тем, что Майкл начал сильно страдать от одиночества.

Подойдя ближе к жилым районам, — где легко можно было найти пищу и ночлег, — Майкл внезапно ощутил то, как земля под ногами начала ходить ходуном. Это было так, словно кто-то воткнул в бетон огромный вибромотор, и тот с сокрушительной силой начал пульсировать, заставляя подземные пласты перемещаться и наслаиваться друг на друга. В голове всплыла картина, представление того, как могло по факту происходить высвобождение демонов. Путника поразила взрыв фантазии, заставивший его подумать, что под его ногами открывается червоточина, откуда вылезут новые полчища ужасающих созданий. Он может просто оказаться наедине со всеми этими чудовищами, и тогда он больше никогда не увидит Марию, даже толком не попрощавшись с ней. Ноги тряслись от нахлынувшего страха, но дрожь земли всё никак не унималась. Толчки всё же со временем становились то сильнее, то слабее, будто подземная тряска сама не могла разобраться, как именно ей нужно выполнять свою задачу. Продолжительность всего этого представления заставила Майкла усомниться в её реальности. Наоборот, он ощутил странное чувство, будто не на него пытаются нагнать страх, а он сам пробудил в ком-то животный ужас.

Непрекращающийся поток вибраций и движений становился более хаотичным. Будто огромная и необузданная волна первобытной силы мчалась под самой землей — ясно ощущалось то, как она перемещается глубоко под ногами. Он, пошатываясь, пытался отойти в сторону, надеясь, найти более-менее спокойное место. Проходя мимо сливной решётки в канализацию, он ненароком посмотрел вниз. Что-то двигалось по сточным канавам бесконечным потоком. Странные силуэты сливались друг с другом в одно сплошное полотно. Не было никакой возможности что-либо разглядеть, и, Майкл скрывал единственный источник света, способный помочь ему.

Всё же настойчивому мужчине удалось сделать то, чего он хотел. Помогла ли та самая настойчивость, или же солнечные лучи так удачно отражались от поверхностей, но... Под ногами Майкла, в считанных метрах мчалось полчище крыс. Ожившие воплощения смерти. Апостолы болезни. Одухотворённая тьма.

Это была не одна сотня, не малочисленная тысяча. Это был целый миллион губительных созданий, бегущих от какой-то ведомой лишь им угрозы. Маленькими лапками и интенсивным передвижением они заставляли весь бетонный пласт земли трястись в конвульсии, и, не только небольшой жилой район ощущал это отвратительное чувство. Эти создания мчались как можно дальше от местонахождения Майкла, углубляясь в дебри канализационных лазов и труб, в самое нутро недр города. Каждая частичка города неистово пульсировала, когда его артерии были заполнены суетящимися вредителями.

Увидев эту необычную картину, Майкл не отскочил в ужасе или отвращении. Странный вид мчавшихся друг за другом шерстяных шкурок был каким-то гипнотизирующим. Это монотонное, и в то же время хаотичное движение, напоминало бурный поток дождевой воды, стекающей по дренажным канавам. Крысы были самые разные: потрёпанные, гладкие, грязные, чистые, окровавленные, лысые. Но с той высоты, с которой за ними наблюдали, они все были цвета бистра.

Это странное поведение среди единственных жителей опустошенных городов никак не смутило пришедшего путника. Он мог бы в лёгкую ощутить на себе схожий прилив страха, который почти подчинил его рассудок несколько минут назад. Но сейчас ничего подобного не было. Вид крыс нагонял только ещё более крепкое одиночество.

Не долго гадая над следующими действиями, Майкл направился в ближайший дом, чтобы отдохнуть и найти пропитание. Через час подземная дрожь прекратилась. Свидетель этого парада был рад, что не оказался на пути этой бешеной своры. Кто угодно на их пути — вне зависимости от размера или силы — мог оказаться незначительной помехой и лакомым кусочком. Несчастный был бы затоптан или съеден заживо.

Когда же вся шумиха утихла, и ничто больше не намекало на что-то из ряда вон выходящее, то Майкл смог наконец-то успокоиться. Сейчас, ситуация вокруг него была настолько враждебной, что мало кто смог бы спокойно отправиться спать, и всю ночь сидел бы в страхе перед неизвестностью, но Майкл был аномально спокоен.

Потратив всё утро на сборы припасом, он всё же решил потратить один день на то, чтобы сориентироваться касательно его местоположения и, по возможности, осмотреться в городе. Из двух десятков домов, — которые он обошел, — удалось найти только пару консервов. Где-то вдали всё время раздавались странные шумы и завывания, словно в городе вместе с Майклом бродил кто-то ещё. Это не мог быть человек. Издавать громкие звуки на руинах уничтоженного человечества, при царящих на его костях чудищах могли только те самые чудища, или самый настоящий безумец. Ни один, ни другой не был бы желанным собеседником, так как обоим невозможно было причислить к людям.

Под вечер, Майкл выбрался на крышу многоэтажного здания. По пути на вверх он наслушался неугомонного скрежета в стенах. Мужчина был уверен, что крысы обосновались в каждом квадратном сантиметре любого здания и любой канализационной трубы. Голову посещали страшные предположения того, куда же направятся эти существа, если в мегаполисах и складах закончится вся пища. Было тяжело представить и то, что некоторые из них не попытались заниматься каннибализмом, чтобы жить припеваючи среди своих сородич. Грязные животные вели кочевой образ жизни от одного района в другой, это было легко заметить по тому, как часто под ногами Майкл ощущал знакомые вибрации. Находился ли он среди крыс из этого же города, куда он и сам пришел, или же это были такие же кочевник из других мест.

Стоя на краю крыши десятиэтажного здания, Майкл решил насладиться закатом солнца. Это был день, посвящённый отдыху от утомительного путешествия. Он не видел ничего зазорного в том, что займётся такими вещами, на которые раньше никогда не обращал внимания.

Солнце медленно склонялось к горизонту, словно не желая покидать своего единственного зрителя. Но оно было подвластно времени и космическому потоку, и, вскоре было вынуждено исчезнуть. Когда же последние лучи коснулись крыш домов и пустующих переулков, то вся гамма янтарного свечения окутала город. Казалось, что он горит. Майкл понимал, что это всего лишь обман зрения, иллюзия, но всё равно в его сердце проникло беспокойство. В нём перемешались страх и благоговение. Он смотрел на картину перед собой, боясь даже выдохнуть! Как будто он мог сдуть эту золотистую пыль с крыш зданий.

Этот вид туманил разум своей масштабностью, слепил глаза великолепием. Он в равную пору приносил боль и удовольствие, точно выкладываясь на всю силу перед зрителем. Но вскоре нахлынула тьма. Она, как хватка смерти, появилась из ниоткуда. Весь город и его округ перешели во тьму. Только где-то в дали танцевали последние лучи солнца, медленно перемещаясь на другую сторону планеты. Ощущение тьмы вернуло Майкла в реальный мир. Он и забыл, как холодно было в том месте, где он находился, и только светило позволяло ему не задумываться о подобных вещах.

Вместе с холодом вернулось и чувство тоски и одиночества. Где-то снова возродились скрежет и шорох. Могло показаться, что свет даже заглушал звуки, которые раньше просто терялись на фоне всего произошедшего. В одну минуту, он будто переместился в совершенно противоположный мир, такой тихий и мрачный. Крыша многоэтажного здания, которая ещё несколько минут назад казалась самым безопасным и уединённым местом во всем городе, превратилась в настоящий капкан, который так и думал захлопнуться в любой момент.

Собираясь как можно скорее уйти, Майкл заметил, что некоторые звуки, которые он сейчас слышал не исходили из расположенных под ним апартаментов. То, что он мог бы легко списать на крыс в стенах, было чем-то огромным, и находилось одновременно и далеко, и близко. Этот непонятный шум — похожий на перемещение грузового контейнера по земле — звучал откуда-то снизу. Ведомый любопытством, Майкл выглянул за выступ. На уровне земли шел демон. Существо прильнуло носом-хоботом к земле и что-то вынюхивало. Оно медленно двигало массивной головой с толстыми и заострёнными бивнями в разные стороны.

— Не меня ли ты ищешь? — шепотом спросил Майкл.

После этих слов, существо замерло и посмотрело вверх.

Когда с языка Майкла сорвалась эта фраза, он сказал её настолько тихо, что сам с трудом смог услышать, но существо, бродящее под ним, явно не было ограничено грубым человеческим слухом. Действительно ли оно услышало слова с крыши дома, или же посмотрела вверх по какой-то другой причине, и, в ходе вселенской случайности эти два фактора так удачно совпали.

Демон смотрел большими глазами на верхние этажи здания, приглядываясь и прислушиваясь к чему-то ещё. Майкл не пытался отойти от края и скрыться из виду. Он был уверен в том, что его точка расположения была удачной для слежки, но иногда ему казалось, что чудовище смотрело прямо на него.

Прошло несколько минут этих бессмысленных гляделок, и существо в конечном итоге ушло по своим делам, никак не среагировав на происходящее. За то время игры в гляделки, Майкл рассмотрел очередное создание: гигантская волосатая туша с множеством массивных лап и головой слона... Воистину, безумный коктейль.

Решив долго не задерживаться, и не стать участником очередной случайной встречи с кем-то неприятным и зловредным, Майкл начал покидать крышу. Он быстро промчался по лестничным площадкам, оставляя за собой только затухающее эхо шагов.

На улице было тихо, и, казалось, словно даже чудовище успело уйти куда-то далеко. Не смотря на кажущееся спокойствие, Майкл всё же был готов к любой встрече.

Перебравшись как можно ближе к краю города, он заночевал, чтобы на следующее утро можно было легко собраться и уйти. Ночь была слишком тихой. Он надеялся, что сможет хоть издали услышать любые звуки, которые можно будет привязать к бродячему поблизости демону, но ничего подобного не было. Из-за этого безмолвия, всю ночь он провёл, не смыкая глаз. Если бы рядом разносился грохот или другие звуки, он был бы более спокойным.

На утро Майкл покинул город и направился дальше в родные места. Он начал узнавать некоторые виды, из-за чего ускорял шаг, но снова возвращался к привычному и спокойному темпу. Чем ближе он был к концу пути, тем сильнее билось сердце в предвкушении финала.

По приближению к финишу, Майкл начал замечать небольшие особенности местности — кругом царил полная разруха. Издали он видел некоторые деревни и небольшие города, которые будто бы были жертвами настоящей войны. Майкл шел не

просто в родной город, он приближался к тому месту, откуда началась вся напасть. Легко было заметно то, как демоны в самом начале уничтожали всё на своём пути, и, как они лишь со временем научились деликатно минимизировать повреждения для зданий. Даже местные леса попали под горячую руку. Огромное множество деревьев было вырвано с корнем или сломано у самых корней. Будто дикая свора чудищ, вырвавшиеся из угольной шахты, обезумели от гнева в своём заточении.

В последнюю ночь путешествия, Майкл страдал от бессонницы. Закрывая глаза, он видел картины знакомого ему города, ещё до того, как тот был уничтожен. Эту ночь он продолжил путь, не смотря на все трудности и опасности.

К заре, Майкл добрался до холма, что располагался в паре часов ходьбы от дома. Холм стоял недалеко от крайних построек и был настолько высок, что с него легко наблюдался весь город. Подняться на эта возвышенность была последним, и, пожалуй, одним из самых сложных испытаний. Склон был крутым и мокрым от дождя. Проросшие на каждом квадратном сантиметре кусты мешали продвинуться вверх. Обойти эту преграду было бы проще, чем подняться на её вершину, но Майкл всё же не свернул.

Когда мужчина поднялся на вершину, солнце терпеливо ожидало его, светя прямо в лицо. Ветер успел перегнать тучи в другое место, и оставил маленький зазор в небосводе для света, и, если бы несколько дней назад картина окутанного в янтарный блеск и золотистую пыль города была какой-то притягательной и драматичной, то сейчас, из-за солнца родной город Майкла выглядел безжизненной серой степью. Лучи света согревали лицо, параллельно разрывая сердце в клочья от вида изувеченной родины. Торчащие арматуры и металлические пластины слепили глаза, отражая свет. Из сотен зданий уцелели только единицы, и то, они не могли похвастаться тем, что были никем не тронуты, тут и там они пестрели трещинами и дырами. Большая же часть строений выглядела как горы из камня, металла и дерева. За всё время странствий Майкла, город изменился до неузнаваемости.

Это был словно плевок судьбы в лицо наивному ребёнку. Мечты Майкла обрушились так же, как и его родной дом. В свете утреннего солнца он видел изуродованный труп прошлой жизни. Жестокая правда, в своей неизменной простоте. Блудного сына заполонила злоба и скорбь. Стоя на вершине холма, он поклялся, что отомстит.

Глава 11. Выжженные огнём

Глава 11. Выжженные огнём

Небольшой город, превращённый временем и катастрофической неудачей в свалку, не предвкусал ничего хорошего. Это был одно из первых мест, на которые выпал жестокий рок проверки нечеловеческой силы. Вся жизнь в нём была практически уничтожена. Ни растения, ни мелкие животные, ни насекомые. В этой свалке отсутствовало всё, кроме морозного ветра, — проносясь через завалы бетона и щебня поднимались достаточно сильные пылевые бури, — и безжизненных руин. Даже солнце не могло согреть хоть что-то в этом гигантском могильнике.

Майкл брёл через едва узнаваемые переулки, — если где-то и приходилось теряться, то через некоторое время он с трудом вспоминал, где находится. Прогуливаться по развалинам незнакомого города было бы не так болезненно, если бы не приходилось вспоминать старые виды и невольно сравнивать с текущими. Сердце блудного сына болезненно сжималось от ощущения чудовищной судьбы его родины. Иногда он, сдерживая слёзы, смотрел на знакомые дома, представляя, что их бывшие жильцы — а также и друзья самого Майкла — погибли, и им больше не дано увидеть родных и любимых.

Невольно в уме происходил подсчёт погибших. (Хотя этим можно было и не заниматься, как-никак Майкл был последним представителем этого города.)

Все выбранные Майклом пути до дома не являлись безопасными — весь город был одной сплошной ловушкой. Рядом с некоторыми тропами и переулками располагались опасно нависшие каменные стены, так и грозящие свалиться вниз, под каждым новым дуновением ветра. Пробраться через кучи мусора также было невозможно: под новыми шагами Майкла, все хрупкие конструкции продавливались, грозя погрести непутёвого путешественника за собой. Даже казавшиеся на вид крепкие, широкие и устойчивые тоннели, возникшие из-за того, что при крушении того или иного объекта что-то смогло удержать всю конструкцию, не выглядели надёжными. Майкл напряжённо прокладывал себе путь, готовясь каждую секунду сорваться с места и покинуть опасную для жизни территорию.

Родной дом Майкла находился недалеко от того холма, откуда он сейчас спустился. До него можно было добраться за полтора часа неторопливой походкой. Майкл же потратил на это половину дня.

Добравшись до знакомого места и узнав табличку, на которой было написано: «семейство Кодар», у него уже не осталось сил, чтобы хоть что-то сделать и обдумать. Он свалился недалеко от развалин дома, напротив бывшего входа, так, чтобы руины лежали у него, как на ладони.

— Здравствуйте, я вернулся, — тихо прошептал Майкл.

Борясь с набросившейся сонливостью, он смотрел на дом, замечая то, как сильно тот изменился за столь долгое время. Могильник, возведённый Майклом в «день потери», был скинут, возможно, ветром, возможно, кем-то ещё. Пытаясь подняться, чтобы из последних сил вернуть эту священную память семье, он только рухнул обратно и сразу же погрузился в сон.

Гонимый страхом и желанием достижения цели, Майкл проходил через опасные участки расходуя такой запас сил, который у него просто не мог быть. Потеряв сознание чуть раньше, он никогда бы не добрался до дома.

Впервые за долгое время, Майкла посетило сновидение. Никаких красочных образов или чарующих видов, только нескончаемый мрак вокруг. Везде в темноте кишели странные силуэты, почти сливающиеся с тьмой. Воздух был тошнотворно загрязнён пылью и частицами пепла. Запах этот был реален, а не являлся частью сна. Сам же спящий будто бы чувствовал жжение в руке, будто кто-то силой пытается отдавать ему приказы, или, желает, чтобы на него обратили внимание. Будучи погружённым в странное сновидение, Майкл ощущал себя спокойным, и даже его сердцебиение не выходило за пределы нормы.

Проснуться удалось довольно поздно. Не спав целых два дня, и к тому же бессильно потеряв контроль над своим телом, Майкл проспал излишне долго. Но его уже не волновало такое понятие как «время». Он сделал то, что хотел, — даже сделал быстрее, чем рассчитывал, — и мог себе позволить немного отдохнуть. Правда, сон на ложе из камней и черепицы было не самым лучшим местом расслабиться. Это было даже хуже сна в лесу, где Майкл много мучился.

Сон, который может поведать своему наблюдателю о его внутренних мыслях и переживаниях, просто-напросто забылся. Быть может, если бы Майкл его и вспомнил, то едва мог бы объяснить и наделить его смыслом.

Не долго отлеживаясь на месте отдыха, Майкл начал приступать к самому необходимому и важному — восстановлению могильного камня. Уже чуть более суток он ничего не ел; последнее время он был как в бреду — отказавшись от большинства потребностей, он отдавал себя всего лишь одной задаче.

Могильник вернулся на прежнее место. Он был важным дополнением к руинам старого дома Майкла, и имел в себе больше сакрального смысла, чем какую-то видимую или значимую пользу. После того, как это маленькое дельце было кончено, и мужчина, занимающийся его реконструкцией, смог отдохнуть, то резко стал жертвой неистового голода. Отдохнув и собравшись мыслями, он открылся тому, от чего себя огораживал последние пару дней. Боль в животе поразило его с жжением раскалённого металла. Майкл упал на землю, пытаясь держаться, чтобы не закричать или не потерять сознания от нахлынувших ощущений. Вскоре, когда они закончились, он позаботился о том, чтобы они прекратились на время.

Опустившись на часть разрушенной конструкции, он мечтал о том, чтобы хоть ещё один раз пройти по знакомым комнатам, чтоб на долю секунды увидеть лица членов семьи. Но ничему из этого не суждено было исполниться, по крайней мере не в реальном мире. Невольно Майклу приходилось сравнивать то, как изменился его город с первого дня катастрофы и по сей день: если в самом начале наблюдалось только несколько разрушенных строений, то сейчас картина была совершенно противоположной. Только родной дом остался таким же неизменным.

Высидевшая на этом горьком месте, он чувствовал, как медленно мучается от нахлынувшего одиночества. Столь родное и привычное место, и такое жестокое и гнетущее. Он бы хотел просто с кем-то поговорить, услышать человеческий голос. Майклу было не сложно завести монолог, будто он обращается к кому-то стоящему позади себя, к кому-то неосязаемому и невидимому. Он мог бы легко сделать также со своей семьёй, но сделав это, он бы окончательно признал тот факт, что его семья мертва. Полностью. Окончательно.

Всё же тоска и одиночество пожирало путника изнутри, медленно превращая его во что-то отвратительное и опустошенное. В скором времени он бы обратился в то, что с полным безразличием свернулось калачиком и просто ожидало дальнейшей участи. Майкл

нуждался в поддержке, разговоре или воспоминании. Желание что-то пытаться делать так же медленно угасало, как и желание жить.

— Мама, папа, — начал мужчина. — Я не знаю, что мне делать. Вот уже два года как я покинул дом и отправился вперёд. Я надеялся на многое: на свободу, на прощение, на месть, на забвение, и на то, что найдётся кто-нибудь, кто сможет разделить со мной эту боль. Я почти вернулся, почти воссоединился с вами. Я здесь, одновременно и с победой, и с поражением... опять. В начале всего я просто хотел работать — выполнял всё верно и послушно, соглашался на все командировки и отправления, и тут случилась *это*. Потом я бросил вас, нашел цель, и готов поклясться, что почти выполнил её, что я... и снова крах. Там далеко, я встретил девушку. Она добрая и милая, она бывшая такая же измученная жестокой судьбой, как и я. Находясь рядом с ней и предоставляя ей поддержку, я получал от неё то же в ответ. Но затем... пришел другой. Он клином встал между нами и забрал её. Но в этом есть и моя вина, ведь, мы с ней были такими разными, и я не смог бы заставить её измениться. Она странная. Ведёт себя так, словно вокруг ничего ужасного не происходит и не происходило. Это пугает, но, с другой стороны, это так притягивает. — Майкл невольно улыбнулся, представляя, как забавно это звучит со стороны. — Она мне напоминает всех вас.

Начинать этот монолог перед разрушенным домом было тяжело. Продолжал его Майкл через силу, ведь, с каждым новым словом он всё глубже и глубже закапывал семью. Он будто говорил сам себе: «теперь они мертвы». Всё это время в голове Майкла только и мерцала хрупкая надежда на то, что его семья жива. Эта мысль и мешала ему полноценно думать о других, и о самом себе.

Здесь, сидя у руин, это был последний разговор Майкла с его семьёй. Находясь на разрушенной стене своего дома, он представлял, что находился со всеми в гостиной, что смотрел в каждое улыбающееся лицо, и при том сам пытался сдерживать слёзы, чтобы никого не смутить. Он наконец-то встретился с теми, кого любил, хоть так, хоть в одиночестве, с самим собой, болезненно представляя облик каждого.

Это было прощание одинокого человека с призраками прошлого, с пожирающим страхом и слепыми надеждами. Полное разрушение последней преграды, которая мешала ему двигаться дальше.

Прекрасно зная свою семью, Майкл понимал, что они были бы рады такому поступку их сына, внука, брата и мужа. Они всегда были одним целым и полноценно осознавали чувства и мысли друг друга, как часть себя, и, мучаясь дальше от того, что терзало Майкла, он бы невольно продолжал мучить и своих любимых, неважно, где бы они ни были.

Окончание всей процессии прошло спокойно и легко. Мужчина даже начал ощущать, как его переполняет уверенность, будто что-то тяжелое свалилось с плеч. Теперь вид могильного камня не казался каким-то гнетущим и мучительно прекрасным. Теперь он вызывал лёгкую улыбку облегчения, какой одаривает своего ребёнка родитель, когда видит его здоровым, невредимым и счастливым.

Майкл наконец-то покинул родной дом. На этот раз в последний.

Ему осталось сделать только последний шаг — дойти до того самого заветного места, которое на протяжении уже долгого времени являлся одним из символов бессмертного прошлого. Достаточно было пройти через несколько улиц, и Майкл окажется на той самой поляне цветов. Описанная им картина, которую он говорил Марии, при их первом знакомстве, так и всплывала перед глазами. Он бы и не смог неправильно пересказать всё, что там цветёт и пахнет. Физически описать такую красоту невозможно.

Хоть виды разрушенного города и накладывали некоторые мрачные мысли на вернувшегося домой, Майкл сугубо верил в то, что подобное несчастье не случилось с поляной. В его голове это место представлялось настолько священным и необъятным, что ни внешняя сила, ни природные катастрофы не способны испортить это чудо природы.

Когда же Майкл пробирался по переулкам и подземным тоннелям, он начал замечать что-то необычное вокруг себя. Помимо частых завываний ветра, что так и старались скинуть оставшиеся наклонённые стены и строения, был и какой-то другой звук. Он возник неожиданно и в самом начале своего появления скрывался в свисте ветра, и, чем ближе был Майкл к его источнику, тем более ярким было отличие.

Майкл пробрался через небольшой заваленный участок двора и смог посмотреть из-под огромной накренившейся стены в сторону, откуда и доносились посторонние звуки.

Среди вскопанной дороги, погнутых и разорванных на части машин стояло три больших существа. Демоны осматривались по сторонам, иногда поднимая головы или вглядывались в морды друг другу. Они внимательно оглядывались, будто боясь, что их кто-то увидит или они что-то упустят. Это выглядело как тайное собрание.

Стоило увидеть эту картину Майклу, как он начал ощущать себя максимально некомфортно. Впервые ему удалось видеть, как несколько этих чудовищ собрались вместе и готовятся к чему-то. Но к чему? Уже несколько минут он следил за тем, как эти существа просто стоят и принимают.

Прикрытый тенью и мусором, Майкл был в большей безопасности, чем когда-либо. С другой стороны, он легко мог оказаться замеченным, стоило только неугомонному ветру неудачно закружить вокруг него и подхватить выделяющийся человеческим запах.

Демоны же подошли друг к другу ещё ближе и начали рычать и клацать массивными зубами. Они действительно общались между собой. Майкл молча смотрел за ними, пытаясь найти какую-то закономерность, надеясь приметить повторяющиеся звуки. Однако, все демоны сильно отличались между собой, и, даже издаваемые ими клацанья не были идентичны. Если же они и общались, то легко понимали каждого собеседника, несмотря на различие между видами. Это были рыки, шепотки, шипения и пощёлкивания. Подслушивающий их улавливал только странную какофонию непонятных звуков, которую так сильно, в добавок, заглушал нарастающий ветер. С каждой последующей секундой Майкл только сильнее начинал терять интерес к происходящему. Он медленно перевел взгляд с трёх громил и начал высматривать путь в обход.

«Уже долго...» — тихо раздалась фраза в голове Майкла. Он резко обернулся обратно к демонам, которые продолжали «беседовать». Фраза, возникшая в голове, появилась просто из ниоткуда, будто кто-то заставил её отправиться прямо в мозг притаившегося человека. Он бы легко предположил, что сам произнёс её от скуки, чтобы разбавить обстановку, но голос этот звучал не так, как звучат собственные мысли. Этот голос был громким и грубым, чем-то отдалённо похожий на агрессивный звериный рык.

Майкл только сильнее прижался к груде камней, пытаясь вслушиваться в то, что издают демоны.

Один из монстров посмотрел в сторону Майкла, щелкнул зубами и прорычал. Человек уже был готов к побегу: в голове промчалась мысль, что его заметили, но нет — чудище даже не смотрело на него. Оно всего лишь окинуло взглядом руины и продолжило «беседу».

— Если что, он поможет... — прошептал Майкл.

То ли от очередного наплыва уныния, то ли от сильной интуиции, но Майкл сказал эти

слова так, будто бы их говорил тот демон, что смотрел в его направлении. Словно вслушиваясь в чужую речь, он пытался уловить что-то похожее, принадлежащее человеческому языку, или то, что могло бы сказать это чудовище.

Собравшиеся вместе создания продолжали говорить между собой. Они искали кого-то, ждали чьё-то появление, ни один раз из-за этого они осматривались, будто пытаясь увидеть желанного гостя.

Майкл продолжал гадать, кого же ищут эти демоны; впервые он замечает в поведении этих созданий такую странную сплочённость и стремление к выполнению поставленной задачи. Вердикт пришел сам собою — они искали одного из выживших людей, возможно, он мог прятаться на данный момент где-то поблизости. Сплочённость и сильное увлечение этими поисками и подтверждало то, что чувствительные к людям существа наконец-то спустя долгое время нашли примерное месторасположение одного из них. Такой вердикт был суров в своей правдоподобности. Такими темпами эти монстры рано или поздно могли добраться до Марии и незнакомца, когда они просто будут находится где-то поблизости и случайно учуют новую добычу. Чем меньше людей останется, тем выше будет риск того, что они будут где-то в пределах опасной близости. От них будет невозможно спрятаться, они будут неугомонно преследовать свою жертву, объединяясь всё в большие и большие группы, пока наконец-то не добьются результата.

Сейчас их жертва или будет продолжать прятаться и будет найдена в ближайшее время, или попытается сбежать и отсрочит ужасную судьбу.

Всё это собрание и преследуемая им цель просто не касались Майкла. Он может спокойно покинуть компанию чудовищ и продолжить путь, но что-то всё ещё держало его на месте, не давая сделать и шагу в сторону. Выживший за которым охотились демоны был неважен и бесполезен для Майкла, но с другой стороны, его жизнь уже была победой со стороны человечества. Чем меньше будет людей — тем ближе будет поражение для всего вида. В голове проносились самые разные мысли и заключения. Если же людям не дано избавиться от всех монстров, то пускай этих существ низводят так долго, как только это будет возможно. Человечество не будет раздавлено так легко, они будут жить десятилетиями, мозоля глаза и трепая нервы врагам!

Вскоре Майкл собрался и начал уходить со смотровой позиции, чтобы первым добраться до выжившего и дать ему возможность сбежать. Убраться оказалось не сложно: демоны как не знали о присутствии Майкла, так и не заметили его отсутствие. Основная проблема оставалась в том, чтобы найти среди огромной кучи развалин то место, где мог бы прятаться человек.

Поставленная задача была равносильна тому, что искать иголку в стогу сена. Человек мог прятаться где-то на поверхности, прикрыв своё убежище лишь небольшим слоем обвалившихся зданий, или и вовсе мог находится глубоко под землёй, выбрав себе в качестве дома канализационный коллектор. И среди огромной кучи вариантов, Майкл больше уделил внимания тому, который выбрал бы сам. За два с лишним года выживания на улице, он прекрасно представлял различные варианты временных прибежищ и способов спасти себя от той или иной напасти. Ему однажды уже приходилось использовать канализацию, как временное прибежище, и он представлял, насколько это удобно и легко.

В паре десятков метров от того места, где Майкл в тайне наблюдал за существами, на чистом от мусора участке дороги ещё виднелся железный люк, который вёл в те самые тёмные и зловонные лабиринты под городом.

Возвращаться в подобного рода места было самым последним, о чём мог бы промышлять Майкл, но другого выбора у него не оставалось, если он, конечно, собирался спасти этого сомнительного выжившего. Наличие убежища в канализации подтверждал и тот факт, что в любом другом случае, монстры бы давно смогли найти свою прыткую жертву. Им не требовался сон и отдых, они не стеснялись взаимодействовать с уже изуродованной и уничтоженной инфраструктурой. Перевернуть одно-два разваленных здания ничего не стоило. Пытаться прокопаться через асфальт — другое, более тяжелое дело. Этот вариант казался самым логичным, осталось только приподнять люк и спуститься, только Майкл продолжал медлить. Зловоние и замкнутость отпугивала людей, глубина и скрытность — чудовищ.

Вскоре Майкл всё же спрыгнул, и сделал это достаточно быстро и ловко, стоило только услышать то, как находящиеся недалеко монстры зашевелились. Спускаясь, он уже представлял, как потратил слишком много времени на размышления.

Оказавшись в самых недрах, Майкл сразу встретил знакомую до отвращения обстановку, где его с ног сшибало зловоние нечистот и непроглядная тьма. В первые секунды появления требовалось стоять ровно, чтобы предоставить глазам возможность привыкнуть к темноте, но даже тонкие, просачивающиеся через люк лучи не позволяли увидеть хоть каплю окружения.

Пробираться было просто некуда. Майкл уже долго гулял по подземным ходам и ни к чему не пришел. Ни указателя, ни подсказки, ничего не могло помочь гостю зловонного лабиринта найти хоть намёк на конечную цель. Двигаясь с вытянутыми вперёд руками, опасаясь с каждым новым шагом оступиться или врезаться куда-то, путник шел очень медленно. Если бы он поставил перед собой цель обойти каждый сантиметр канализации подобным образом, то потратил бы на это несколько лет. Он поворачивал в образовавшиеся повороты, ощупывал лестницы и трубы, каждая часть канализации походила на ту, где он уже был. Из-за всей этой схожести, — которая касалась не только осязания, но и запахов, и звуков, — ему казалось, что он ходит кругами.

Прошел где-то час, и Майкл всё же смог встретить кое-что странное и воодушевляющее. Спустя долгое время слепого странствия, Майкл наступил на что-то хрупкое, что треснуло и сломалось под его весом. Был ли это случайно брошенный выжившим предмет или кости крысы, но это был прекрасный знак того, что Майкл продвигается по нескончаемым тоннелям, а не стоит на месте. От этого резкого и почти незначительного звука, его безмолвные повороты в кромешной тьме подходили к концу. С этого момента он только ускорил шаг, всё дальше и дальше погружаясь в неизвестность.

— Есть здесь кто-нибудь? — спросил Майкл, в кои-то подумав о том, что ему следует не только самостоятельно искать выжившего в канализации, но и пытаться уговорить его выйти на контакт. Бродя вслепую, он мог и ни один раз пройти мимо заветного хода и хоть до самой смерти искать самый неприметный поворот.

Ответом на вопрос Майкла прозвучали резкие шорохи. Он развернулся, будучи готовым к самым необычным встречам, который мог случайно на себя навлечь. Что-то шумело из темноты и медленно приближалось к незваному гостю.

— Ты человек? — раздался вполне человеческий голос откуда-то сбоку, словно это отозвалась кирпичная стена.

Неожиданный вопрос прозвучал так, словно таил в себе ловушку. Не наблюдая своего собеседника, Майкл слегка замялся, так как даже не понимал, с кем разговаривает.

— Да, я человек... — неуверенно проговорил Майкл, всё же идя на контакт с выжившим.

— Я так давно не встречал здесь людей, мне даже начало казаться, что я остался последним из людей. Вокруг так опасно и страшно. Я не удивлён, что ты заполз в самую глухую дыру, чтобы спастись.

Возникший из ниоткуда голос начал странный монолог. Из-за эха этот голос звучал из каждого поворота и тупика, — он пролетал над каждой трубой, беспорядочно множась и распространяясь в непроглядные дали. Говорящий стоял где-то недалеко от Майкла, — он легко чувствовал присутствие кого-то нового, — но в то же время не мог понять, где же находится выживший. Голос незнакомого человека так и летал вокруг мужчины, резко жалея его, заставляя обернуться и всматриваться в темноту, желая увидеть человеческий силуэт. Этот приём нельзя было назвать радушным. Он был излишне таинственным и гнетущим.

— ... Случайно оказался здесь и просто питался всем подряд... — продолжал выживший.

— Где ты? — спросил Майкл, не дождавсь того, как человек прекратит говорить.

Теперь выживший замолчал. Он резко остановился, как только услышал вопрос Майкла. Тишина наступила так неожиданно, будто никто никогда и не говорил в этих тоннелях, будто ни один звук долгие годы не посещал эти узкие места. Выживший боролся с мыслью показаться перед гостем и отдаться судьбе, чтобы навсегда изменить свою жизнь к лучшему или худшему. Он был рад встрече с другим человеком, но был бы ли он рад принять его? — он и сам того не знал.

Возникающая из ниоткуда тишина так и не пыталась исчезнуть, она всё продолжала висеть, стесняя всех присутствующих. Майкл уже хотел что-то сказать, чтобы разбавить нависшую неприятную атмосферу, как услышал очередной шорох. Непонятный звук снова окружил путешественника по коллекторам путника, и казалось, что он исходил отовсюду. Однако, с одной стороны, он казался чуточку ближе.

Уставший от образовавшейся неудобной и некультурной тишины в — казалось бы — приятном и светском диалоге, выживший развернулся и ушел обратно туда, откуда *выполз*. Он немного помыслил на счёт того, чтобы пригласить незнакомца в гости, угостить его чем-нибудь и дать кров, но слегка потупившись решил молча удалиться.

Пока незнакомый выживший с шаркающей походкой уходил обратно в своё логово, Майкл медленно направился за ним. Он всё чётче и чётче слышал то, как кто-то шел перед ним, и сам при этом оставался полностью незамеченным. Быть может, выживший заметил то, что его преследуют, но просто не придавал этому никакого значения.

Когда же они оба вышли в небольшое помещение, то выживший направился в слабоосвещенную из-под пола сторону и сел на какую-то громадную кучу мусора. Майкл стоял у входа в это маленькое логово выжившего человека. Внутри было темно и пусто; только в углу, где присел вошедший хозяин берлоги, едва можно было различить слабый свет, создаваемый неизвестным источником под напольной решеткой; воздух был душным и чахлым, зловонные испарения пропитали каждый сантиметр этого глухого помещения. Здесь было невозможно находиться, не говоря о том, чтобы жить. Это помещение так и пестрило жизнью, — в своём извращённом понятии, — что-то стекало со стен и капало из мусорного ложе выжившего. Звуки того, как что-то падает, струится, бежит или образуется так и доносились до ушей гостя каждую секунду. Даже то, что Майкл не видел всего этого помещения в своей уникально-девственной красоте уже заставляло ненавидеть и испытывать

презрение. Он был даже рад, что бóльшую часть скрывала непроглядная тьма. Однако, насколько бы сильно Майкл не возненавидел это место, сидящий на горе мусора выживший человек тихо дышал, издавая при этом неприятный для ушей хрип.

Майкл всё же хотел, как можно меньше оставаться в этом месте, и увидев этот «склеп», желание помочь выбраться выжившему только сильнее разгорелось в сердце вошедшего человека. Он сделал первый шаг в эту зловонную клоаку, — воистину королевскую клоаку, ибо создать микроканализацию внутри обычной канализации было попросту невысказано, — и сразу же оступившись угодил в неприметную жижу. Характерный шлепок и волнение токсичный вод прошлись по помещению, довольно чавкая, поглотив при этом новую жертву. Резкий холод и слабое жжение сковало конечность, и, скорее от ужаса, чем от неожиданности, он выдернул свою ногу из западни, используя все имеющиеся силы.

— Ты человек? — безжизненно раздался вопрос с изголовья мусорной кучи. Голос выжившего человека теперь дополняло отвратительное бульканье, будто каждый раз, когда он говорил, внутри него лопались пузыри газа.

— Мы с тобой только что говорили, — медленно и нервно ответил Майкл. Он уже предоставил ответ на этот вопрос ранее, и сильно был обескуражен тем, что его собеседник не просто позабыл о самом разговоре, но мог полностью выпасть из реальности за прошедшие пары минут.

Восседавший на троне из мусора выживший просто молча уставился на Майкла. Он поднял на вошедшего взгляд, из-за чего его глаза лениво и безжизненно блестели из-за подпольного света. Быть может, он просто смотрел в том направлении, где минуту назад услышал всплеск воды.

— Я так давно не встречал...

— Ты уже говорил это, — резко перебил незнакомца Майкл. Ещё пару минут назад...

Поведение встреченного им человека начало по-настоящему пугать.

— Почему ты здесь живёшь? — добавил Майкл, надеясь медленно подойти к важной теме разговора.

— Здесь безопасно.

— Уже нет — тебя ищут.

— Меня уже нашли. — Выживший звучал так слабо и вяло, будто только что проснулся от затяжного сна или находился в ослабленном состоянии после тяжелой болезни. Он с силой откашлялся с ещё большим количеством громких булькающих звуков.

— Надо уходить. — Майкл наконец-то перешел на самую важную тему для разговора, в ходе которого уговорит выжившего бежать из его опасного логова.

— Это не имеет никакого значения, — заключил незнакомец.

— Ошибаешься! Мы заставим этих тварей как можно дольше мучиться в их поисках, да и лучше будет оказаться под солнечным светом, чем здесь, в этой могиле.

— Мне здесь нравится, а наверху неприятно.

— Наверху борьба за то, чтобы память о людях осталась и после нас! А то, что ты здесь делаешь, это самое настоящее самоуничтожение. Ты находишься в таких условиях, что медленно умираешь, становясь подобно этой же горе мусора. Нас мало, и мы должны изо всех сил демонстрировать наши возможности, вести борьбу.

— Ты так легко об этом говоришь...

— Я постоянно помню такие вещи! Люди были самыми необычными созданиями, заселяющие эту планету. Они были уникальны, велики, неповторимы. Мы строили

высочайшие здания, мы переплюнули природу во многих её начинаниях, мы сами создали понятие красоты. Но самое ценное, что было в нашем роду, так это то, что мы не стеснялись показать свою глупость и наивность. Самым слабым и плохим чертам мы предали романтический подтекст и возносили их.

Услышав такую тираду, выживший поежился на своём троне и нелепо засмеялся. Его смех звучал грубо и сдавленно, словно он стеснялся его.

— Это правда, — продолжал Майкл. — Наши плюсы и минусы создали из нас уникально-прекрасный существ, заслуживающих величайшие монументы, способные продемонстрировать величие на протяжении миллионов других поколений и видов.

Майкл достал из своего пальто маленькую книжку, одну из тех вещей, которые он свободно называл «монументами памяти», способные напоминать о величии человеческой расы:

— У меня есть кое-что для тебя.

Стоя посреди зловонной клоаки, Майкл начал читать случайно открытые им страницы сборника анекдотов. Прочёл он не один, не два, а почти целый десяток различных миниатюр. С каждым разом смех со стороны кучи мусора становился всё звонче и звонче. Окончил Майкл своё выступление тем, что рассказал шутку про то, как медведь и заяц, залезая в дупло за орешками, застряли и не смогли выбраться. Медведь же, не просунув и всю голову в щель, бранил зайца за откормленное брюхо.

Восседавший на троне из мусора выживший уже не сдерживал смех. Он переполнялся звонкостью, откровением и стыдом. Смеяться в привычном обществе над такими шутками было бы нелепо и оскорбительно, но сейчас они звучали как сладкая музыка, навевающая тонны воспоминаний.

— Разве это не прекрасно? — поинтересовался Майкл, улыбаясь оттого, что смог попасть в самое сердце собеседника.

— Это нелепо... — отдышавшись, говорил выживший, — но в то же время и чудесно. Я вспомнил, как мой дядя любил говорить за семейным столом политические сатиры, параллельно цитируя самого Цицерона! Твоя же мания величия всего человеческого рода только украсила всё это собрание шуток. Это звучало так пафосно и величаво, что я почти сразу начал смеяться. Да... ты прав, люди были уникальны.

— И мы должны быть уникальны так долго, как только сможем.

Выживший только громко усмехнулся от заключения Майкла и тому, как удачно его гость смог подойти к главной теме разговора.

План побега был неожиданным и рискованным: он совмещал в себе романтизм авантюризма и подсознательный страх перемен и неизвестности. Согласие и отказ грызли бы любого, настолько было сладким это предложение, способное изменить судьбу всех. Недолго думая, выживший всё же согласился с предложением забавного гостя.

Король клоаки поднялся с трона крайне тяжело. Долго надеясь самостоятельно покинуть своё смертельное ложе, он всё же принял помощь со стороны гостя. Прикосновение другого живого человека расплзлось по его тучному и затёкшему телу с удивительно приятными ощущениями. Майкл был сильным, тёплым и... свежим.

Майкл же ощутил этот тактильный контакт с сильным желанием отдернуть руку. Выживший человек был сплошным комом грязи и слизи. Он легко ощутил, как прикоснулся к человеческой руке, но его же рука погрузилась в какую-то сочащуюся из тела незнакомца жижу и начинала медленно погружаться в ещё более отвратительную глубину. Переборков

чувство отвращения и подсознательные сигналы тревоги, он потянул незнакомца на себя, из-за чего помог непутёвому жильцу канализации подняться на ноги.

— Мы должны уходить отсюда — поторопил выжившего Майкл.

— Да... здесь много выходов, но куда нам идти?

— Лучше держаться подальше от центра, именно там и ходят те чудовища. У меня есть мысль, что лучше добраться до Дальгарбура, а там через заросли травы обойти город. — Осознавая то, что план Майкла приходит в исполнение без видимых помех, он начал ощущать колкое желание исполнить все задумки до конца, и всё же увидеть свою любимую поляну с жёлтыми цветами.

— До куда? — слегка опешил выживший. По этому вопросу было понятно, что он не местный.

— До огромного дерева на северной стороне. Там мы сможем спрятаться и пробраться мимо демонов незаметно.

— Да... Идея хорошая, и я даже знаю, как можно будет добраться ближе к тому месту.

— Значит, выдвигаемся.

Единственный житель клоаки впопыхах собрал принадлежащие ему вещи, что были зарыты в разных кучах мусора. Он продвигался рывками, и в полутьме казалось, словно ожившая тень летала из угла в угол. Через несколько минут Майкл со своим новым напарником бодро направились напрямую через затемнённые тоннели зловонной канализации. Первым шел выживший, который бодро прихрамывая, — из-за чего сыскал со стороны Майкла огромное почтение, — мчался вперёд, как только мог. Этот прыткий, горбатый, пахучий и шатающийся гид умело петлял между трубами и поворотами, не замедляясь ни на секунду, чтобы обдумать дальнейший путь. Майкл только и старался, что поспевать за этим путеводителем, параллельно стараясь не угодить в какую-нибудь зловонную западню.

Изначальный путь Майкла, — а если быть точнее: бессознательные блуждания туда-сюда по лабиринту, — вплоть до удачной встречи с выжившим, занял не одну пару часов. Путь же, проложенный от самого логова опухшего и липкого товарища, до необходимого им выхода на поверхность занял гораздо, гораздо меньше времени.

Вскоре они добрались до едва освещённой лестницы. Будучи покрытой толстым слоем ржавчины, она величаво стояла на своём законном месте и гордо тянулась вверх. Это был почти что спасительно-божественный знак, символизирующий свет, тепло и свободу. Из соображения безопасности, — а также собственной брезгливости, — Майкл полез по лестнице на поверхность первым. Его товарищ по несчастью полез следом, постоянно при этом пыхтя и тужась.

Свет заходящего солнца ослепил вернувшегося Майкла, и почти лишил зрения его новообретённого друга. Первый выбравшийся на свободу сразу же начал оглядываться, чтобы определить дальнейшее направление для побега. Второй же, припал к земле, сторбившись и боясь поднять даже взгляд, словно солнечные лучи, падая на него, прижимали и сковывали движения. В этот момент Майкл наконец-то смог полностью увидеть своего спасителя из лабиринта и товарища во всей омерзительной и извращённой красе. Это был сплошной кусок грязи: бесформенный, мрачный, пульсирующий каждой своей частичкой. Одним словом, внешне это был даже не человек.

— Что же с тобой случилось... — мрачно проговорил про себя Майкл, ужасаясь тем, кого же он встретил.

— Надо уходить — чем меньше мы будем под солнцем, тем будет проще.

Возможно, выживший грязнуля подразумевал конкретное нахождение на открытом пространстве при свете дня, но его внешний вид, место недавнего жительства и брошенная фраза создавали настолько гнетущую и мучительно жалобную сцену, что она проникла в самое сердце Майкла, пугая его и заставляя испытывать всепожирающую жалость к этому бедному существу.

Оторвать взгляд от измученного создания было тяжело, но Майкл и сам прекрасно понимал, в какой патовой ситуации они сейчас находились, и им было необходимо как можно скорее покинуть город. Почти сразу он заметил возвышающийся над руинами светло-зелёное облако листвы. Это было то самое дерево, которым он подарил надежду на спасение своему новому товарищу. Грязнуля мог согласиться на любой другой путь, но обдумывая вместе со своим гостем дорогу через огромное дерево, он говорил с трепещущим голосом, представляя что-то возвышенное и прекрасное. (Было тяжело представить, каким образом этот человек оказался в городе, миновав такой вид, однако, его приход состоялся ночью, из-за чего он мало что мог видеть.) Касаясь мыслей, что обычное дерево может быть столь символичным, он и сам «заражался» неким трепетом перед Дальгарбуром.

Пара направилась напрямик к заветной цели, осторожно маневрируя между торчащими прутьями арматуры и накренившимися кусками бетонных стен. Теперь впереди шел Майкл, так как за последнее время получил достаточно опыта, для быстрого и безопасного путешествия по руинам зданий. Осторожно перемещающийся между горами щебня, камня, стекла и металла человек мог бы показаться опытным авантюристом, что избрал себе не самый безопасный — и заслуженно короткий — путь, но плетущаяся за ним фигура заставляла выглядеть первого как религиозного праведника, что ввёл за собой прокажённого мученика.

Проложенный путеводителем путь в самом начале был прост и безобиден; дорога казалось скучной и простой. Хотя, с другой стороны, надеяться на любое из ряда вон выходящее событие было бы глупо и опасно.

Однако, перемещаясь с одного огромного валуна на другой, и Майкл, и его спутник слышали то, что заставило их встать колом, опасаясь быть мгновенно уничтоженными на месте. По всему городу прошелся душераздирающий вопль, полный гнева и желания убивать. Он раздался где-то далеко, но будучи вырвавшимся из крупного существа, легко распространился по всему городу, не теряя силы и грозности. Он прозвучал, как гром среди ясного неба, так громко и грозно, легко заставляя конечности столбенеть. Этот громогласный вопль почти сразу был подхвачен другими, и мгновенно утроился, уже имея другие источники в разных направлениях.

«Они идут, — блеснула мысль в голове Майкла. — За мной! за ним! За нами!». Подобные мысли посетили и грязного бедолагу, который выбравшись на поверхность надеялся встретить новую жизнь, но похоже, для него намечается встреча с новым способом утраты этой самой жизни.

— Бежим! — сорвался резкий крик из уст Майкла. Он мог бы спрятаться и обдумать дальнейший путь: будь то надежда пробраться незамеченными до конечной цели или впопыхах вернуться обратно в канализацию и строить новый план побега.

В конечном счете, пара побежала сломя голову через обломки зданий, рискуя ещё больше, чем раньше. Сейчас, опасность убиться насмерть была намного выше, чем при встрече с преследующими их существами. Майкл прекрасно понял свою ошибку: он

выбрался на поверхность вместе со своим напарником, от которого разило так, что его мог легко учуять даже обычный человек. В голове сразу стала всплывать картина того, как ранее чудовища уже пытались с помощью обаяния найти нужную им цель... и вот, будучи посреди продуваемых руин, сильно выделяясь своим резким и чуждым запахом, их жертва легла им на блюдечко. Это была заготовка к самому трагичному из возможных финалов, где любой исход мог быть плачевным для каждого из беглецов, даже несмотря на то, смогут они добежать до спасительного места или нет.

Несмотря на то, что казавшаяся крайне реалистичной опасность приближалась к путникам всё ближе и ближе, они продолжали неумолимо мчаться вперёд, слепо веруя в спасение. Параллельно им, за ними всё же была погоня. Постепенно до слуха Майкла и его спутника доходил громкий топот, доносящийся также с нескольких направлений. Уже этот грохот становился всё громче и громче, что говорило о том, что их источники становились ближе.

Дальгарбур с каждым пройденным метром рос вверх, под ним начала расширяться огромная золотисто-жёлтая поляна цветов. Майкл и выбравшийся из канализации выживший стремительно приближались к спасению. Но что же ждёт их в конце? Спрятаться в куче цветов и травы от чудищ, что могут легко учуять особо примечательного по запаху человека, было по-детски наивно и нелепо. Риск быть найденным и настигнутым был слишком высок. Но всё же Майкл старался спасти не только свою жизнь, ведь у него есть возможность оставить своего спутника, и таким способом предоставить себе вполне существенный шанс на выживание. Эта мысль даже отдалённо не касалась его, вместе со своим непутёвым путником, сейчас он составлял одно целое.

Достигнув заветного поля, Майкл вбежал в него как умалишённый, — кем, в принципе он сейчас и являлся, — сметая всё на своём пути. Нежные и хрупкие цветы отлетали от ворвавшегося в их сонм безумца. Лепестки и стебли срывались с места и улетали прочь, а пыльца прилипала к запачканной одежде, медленно окрашивая вторгнувшегося человека в жёлтый цвет. Пробежав ещё несколько метров, Майкл осознал, что он остался один. Как удар в висок пришло осознание того факта, что за ним никто не вошел на это громадное и красивое поле.

У самой границы этого чудесного природного явления, — или не такого уж и природного, так как никто никогда не знал, как именно появилось это поле, — остановился спутник Майкла. Этот грязный, пахнущий всякими различными мерзостями, ранее живущий в клоаке человек, не решился ступить ногой на эту чарующую красоту. Он гордо встал перед этим полем, пытаясь бороться с огромным количеством мыслей, что сжигали его изнутри. Где-то вдаль, за этим отвратительным на вид и на запах человеком, среди огромного множества возвышающихся друг над другом обломков зданий, можно было видеть движущиеся фигуры, медленно приближавшиеся к огромному дереву. Эти косматые, рогатые, чешуйчатые, зубастые и упрямые создания постепенно приближались.

— Давай! вперёд! — кричал Майкл новоиспечённому другу, который так и не решался сделать шаг.

Выживший из клоаки начал говорить. Он говорил тихо, и его голос с трудом достигал ушей. Было крайне тяжело что-то услышать. Говорящий сказал, что из-за него Майкла ждёт смерть, что именно он, несмотря на то что пытается выжить, сейчас находится на логичном конце всего пути, и, в этот момент имеет единственный шанс исправить доведённую до смертельной опасности ситуацию. Сейчас, он имеет маленький и единичный шанс сделать

великое и благое дело — спасти чью-то жизнь. Этот человек смотрел всё время вниз, не подымая глаз на спасителя. Словно смотря на истоптанные Майклом цветы, он читал по ним свой страшный и трагичный сценарий.

— Не глупи, мы можем сбежать! — кричал ему Майкл, пытаясь изменить принятое решение.

Стоявший на краю поля ничего не ответил. Он молча достал откуда-то прихваченную им зажигалку и раскрыл её. Почти сразу, этот человек вспыхнул, как подожжённая спичка. Тело упало на колени к земле, а огонь принялся пожирать застывшую картину Эдема.

— Беги! прячься! Спасай свою жизнь! — вопил, испытывая непередаваемую боль мученик, будучи скрытым за растущим столбом дыма.

Постепенно стена из дыма всё росла и росла, стремительно пробираясь к Майклу. Ему уже не было видно ни своего товарища, ни того края поля, где он когда-то стоял, ни города, ни демонов, что преследовали их... только чёрную непроглядную пелену, заслонившую даже небо.

Глава 12. Выходец из пещеры

Глава 12. Выходец из пещеры

Некогда солнечный город и его окрестности, легко славились на всю округу тем, что большую часть дней в году там процветала ясная погода. Данная привилегия не изменила и тогда, когда людей на планете не осталось, а города трещали по швам от переполнявших их гор мусора, руин и различного рода паразитов. Можно было бы и сейчас лечь куда-нибудь на покосившуюся стену и наслаждаться нежными лучами солнца, но его не было. Причиной такого резкого изменения послужил — как в прочем, и во многих других ситуациях — человек.

Над городом, который Майкл считал своим самым родным и приятным для воспоминаний, выросло непомерное облако дыма. Всё небо окрасилось в отвратительно-чёрный оттенок, который вслед за небом «очернил» и землю. Столб этого дыма нашел свою точку восхождения из некогда прекрасного и широкого поля с цветами, в центре которого на десятки метров возвышался превосходный дуб. Вся эта природная красота и, почти что, вторая достопримечательность местного города, была предана огню. Чарующая картина была сожжена дотла. Теперь это был небольшой холм из пепла и угля.

Майкл едва успел вовремя убраться подальше из очага возгорания. Он долго пытался высмотреть в клубках дыма своего друга, но все попытки были тщетны. Только когда огонь начал ласкаться и цепляться за одежду, тогда он и отказался от этой затеи. Дым окружал беглеца, а огонь был в опасной близости и уже намеревался повергнуть непутёвого путника в океан невыносимых мук. Дышать было невозможно, нереально было и видеть дальше вытянутой руки, но в таком состоянии слепого котёнка, мужчина всё же выбрался из ада, в котором ненароком оказался.

Когда же спасение оказалось достигнутым, и Майкл смог оказаться в той местности, которая меньше всего может быть подвержена огню, то почти сразу же потерял сознание. Его организм переходил через такие невозможные усилия и находился в настолько чудовищных условиях, что, оказавшись в более-менее спокойной обстановке, просто отключился. Очнулся же измождённый путник поздней ночью. Вокруг него не было ни капли света, только высоко в небе виднелся едва различимый блеск дальних звёзд, но и они не могли никак помочь Майклу. Его окружала сплошная тьма, и первой же мыслью, что посетила его было то, что огонь распространился дальше поляны, и даже смог пройти мимо беглеца, чудом не коснувшись его. Но нет, трава под ним была всё ещё мягкой и свежей. Кошмарная мысль, пришедшая Майклу в голову, была просто ужасающим наваждением.

Цветочное поле и сам Дальгарбур слабо святились, оттого, что внутри ещё имелись не потухшие очаги, который только и дожидались того, что тепло навсегда покинет их оболочки. Только этот слабый свет и являлся единственным, что бросалось в глаза и привлекало внимание Майкла. Вокруг не было больше ничего, даже шум и сильный ветер сошли на нет. Полное безмолвие, тишина и одиночество. Майкл ощущал себя так, словно оказался в самом страшном кошмаре, который когда-либо мог себе представить, который к тому же, оказался реальным. Даже преследующие его демоны, которые были в настолько опасной близости, что могли легко дотянуться, отсутствовали на этом кладбище. Ни воплей, ни топота, ничего не говорило о том, что эти создания где-то поблизости. Они так же исчезли, как и дерево, цветы, и новый друг.

Собравшись с силами и отдышавшись после продолжительного нахождения в едком дыму, Майкл поднялся на ноги и решил вернуться обратно. Он достиг той самой цели, о которой и мечтал последние несколько недель. Большой ужас накладывало то, что он сам лично стал причиной уничтожения этой поляны, которую так надеялся увидеть. Но несмотря на плачевный и жестокий финал, задача его была выполнена. Осталось только вернуться домой.

Домой.

Именно это слово и прозвучало в его голове, когда он просто подумал о том, что ему хочется вернуться обратно к Марии. Но почему же он назвал её «домом»? Ведь дом — огромное здание, где можно жить и наслаждаться жизнью, чувствовать себя в безопасности. Литейный завод никак не подходил под это определение, по крайней мере потому, что Майкл только страдал, находясь в нём. Но что же всё-таки было домом? Почему Майкл подумал о Марии, как о доме? Ощущая спокойствие рядом с этой прекрасной девушкой, он чувствовал себя, как будто... дома, там, где когда-то рос, где находился всю осознанную жизнь. Где была Мария, там и было безопасное место, спокойное и беззаботное. Значит, домом для Майкла стало не какое-то здание, домом для него стал человек, способный понять его измученную душу, согреть её и успокоить, предоставить ей защиту и напоить самыми радостными и приятными мыслями.

Сам того не осознавая, Майкл подсознательно пришел к выводу, что нуждается не в огромном замке, а в нежном сердце, в котором он способен найти покой.

Майкл отдалялся от огромного сожжённого поля. Обойдя город на достаточно большой дистанции, он пошел обратно к *ней*. Начало пути особо не вызывало никаких проблем, и, он начал надеяться, что и дальнейшая дорога будет спокойной и безопасной.

Будучи ведомым не картой и заранее проложенным путём, а врождённым превосходным чувством направления, Майкл сам отправился в нужную сторону. Пережитое заставило его смотреть на мир под другим углом; встреча с новым лицом, прощание с семьёй, размышления о Марии и судьбе. Майкл ощущал то, как что-то меняется в нём, как он становится кем-то другим, кем-то лучше прежнего «я».

Хоть путь туда и обратно отличались друг от друга, возвращение уже не предвещало какой-либо беды или встречи с чем-то необычным и удивительным. Не желая делать длительные и ненужные перерывы, Майкл полностью игнорировал различные города и небольшие населённые пункты, ограничивая свои остановки холодной землёй под открытым небом.

Где-то изредка путнику попадались дикие животные, которые, как и раньше держались от него на почтительном расстоянии. Даже опасные представители фауны, такие как волки, если и наблюдали за странствующим человеком, то не пытались что-нибудь предпринять. Это странное поведение зверей, которые превосходно видели ослабшее состояние Майкла и отсутствие способностей к самозащите, добавляло ещё больше вопросов. Быть может, все животные с почётом относились к одному из последних представителей некогда властвующего вида; быть может, Майкл с самого города нёс с собой какой-то странный запах или другие изменения, которые заранее предупреждали каждого встречного.

Проводя дни на ногах и ночи на траве, Майкл потратил несколько дней, чтобы вернуться. Картина, которую он так надеялся забыть, заново навестила его, представ перед ним во всей красе. Увидеть металлургический завод было несложно: его огромные дымовые трубы были легко заметны на расстоянии нескольких километров. Уже эти гиганты, —

стоило им показаться в поле зрения, — предвкушали какую-то зловещую встречу, какое-то недоброе ознаменование чему-то скорому и неотвратимому. Недалеко от границы территории завода, Майкл наскоро обратно перемотал руку, чтобы сразу при возвращении не появились неловкие вопросы.

Внешне завод никак не изменился: вокруг него также царствовали горы мусора и стойкий сетчатый забор. Чем ближе подходил Майкл, тем ощутимее становилась обстановка всей местности. Горький запах, витающий в воздухе, почти сразу стал прорезать чувствительный нос, даже само окружение постепенно стало окрашиваться в какой-то смертельно-чёрный цвет.

Огороженная территория привычно молчала как склеп.

Каким Майкл оставил это место, таким он его и встретил заново. Время будто бы стороной обходило этот проклятый комплекс. Конечно, времени с ухода Майкла прошло не особо много, но он был уверен, что даже за несколько месяцев или лет ни внешний вид, ни обстановка в этом месте никак не изменится.

Когда же Майкл оказался за забором, он напрямик направился внутрь литейного корпуса, где жил вместе с Марией и Стрелком. Подходя ближе к зданию, он заметил единственное, странное и пугающее изменение в этой конструкции: в одной из стен зияла крупная дыра. Этот пролом был проделан с внешней стороны, о чём говорила огромная куча разбросанных внутри зала осколков стекла, кирпича и кусков металлических балок. Ничего другого не наблюдалось, весь остальной «гарнитур» был в целости и сохранности. Только недалеко от разлома были различимы глубокие впадины в полу и несколько следов высохшей жидкости багряного цвета.

Вид нескольких старых пятен очень сильно смутил мужчину, из-за чего он сразу же встал в ступор. В нос ударила сильная вонь, рассудок мутнел, а в ушах застыл противный писк. Не стоило и гадать о том, что это была за жидкость и как она здесь появилась. Майкл достаточно много раз в своей жизни встречался с различными ранами и их последствиями. Стоило ему только увидеть эти пятна, как он сразу понял: кто-то ранен.

Майкл смотрел на последствия какого-то происшествия или драки. Он бегло начал осматриваться, чтобы ещё более подробно увидеть окружение, и, быть может, найти подсказку, которая сможет предоставить ему ответ на главный вопрос.

Вокруг было пусто, никаких тел или оружия, только кучи заострённого и ржавого металла. В ушах всё ещё царил писк, из-за чего казалось, будто бы каждая балка, что находилась недалеко, извивалась на подобии ядовитых змей. Ничего не давало Майклу ответа на преследуемый его вопрос, из-за чего он всё сильнее и сильнее начинал паниковать, боясь в конечном итоге столкнуться с резкой и пугающей правдой.

Только при дальнейшем продвижении, Майкл начал замечать всё больше и больше деталей. На подступе к лестнице в хоромы Стрелка, на земле были видные другие следы битвы. Небольшой кровавый след тянулся к лестнице; недалеко от новой багровой лужи лежали ошмётки кожи, что ранее была частью чей-то одежды. Путник сразу обрадовался, увидев эти клочья, так как прекрасно помнил, что Мария ничего подобного не носила, а значит, если кто-то и пострадал, то точно не она. Но всё же окончание столь трагичного происшествия продолжало давить на него. Ведь, если такое несчастье случилось с незнакомцем, то значит, что Мария осталась одна, без какой-либо защиты.

Только в эту минуту, представляя и обдумывая всё, что могло здесь произойти, и может произойти в ближайшее время, Майкл смог услышать странный стук, дошедший до него

через непрекращающийся писк в ушах.

И действительно, сверху, куда уже сломя голову собирался взобраться Майкл, доносился тихий стук по металлической поверхности. Он был слабым, но довольно активным; кто-то жалобно ломился в дверь, что вела к Стрелку и Марии, кем бы ни был этот человек, он явно из последних сил пытался достичь своей цели. Начиная подъём, Майкл вооружился для того, чтобы встретить возможного неприятеля и навсегда забрать Марию с собой. То, что «грандиозный замок» Стрелка пал от неизвестного вторгнувшегося неприятеля, говорило о том, что этот человек неспособен защитить ни себя, ни других.

Чем выше поднимался Майкл, тем более отчаянным казался стук. Уже на подходе появился едва различимый голос.

— Лазарь! Лазарь! — доносился слабый и обессиленный крик. Этот голос невозможно было перепутать — он принадлежал Марии.

Майкла будто подхватило и понесло сильным потоком вверх. Он в мгновение оказался в конце лестницы, легко минув все разделявшие его ранее ступени. Он ощущал страх того, что с его подругой что-то случилось, что она нуждается в его помощи, как никогда раньше, и если он не придёт на выручку сейчас, то горько пожалеет. Перед глазами мелькали самые разные и ужасающие детали того, к чему бежал он: Мария могла оказаться в заложниках у третьей стороны; она могла быть ранена или напугана до истерики.

В картине, которая предстала на втором этаже литейного цеха, страдал только Майкл. Мария была в полном порядке, она просто стучала в закрытую дверь и жалобно смотрела на неё, словно та способна растрогаться и раствориться перед девушкой. По её бледным щекам стекали всё новые и новые слёзы в непрекращающемся потоке скорби.

— Мария!.. — удовлетворённо на выдохе позвал её Майкл, задыхаясь от попытки отдышаться и говорить. Чтобы ни происходило в этом отвратительном месте, чтобы ни происходило в ближайшую минуту или далёком будущем, сейчас Майкл был спокоен, что видел Марию целой и невредимой. В миг, всё что могло иметь хоть малейшее значение обратилось в прах; из головы вернувшегося путника даже исчезли планы, которые он хотел осуществить после освобождения девушки.

Мария услышала голос друга и, как только повернулась к нему, побежала в его объятия. Она чудом не скинула вернувшегося мужчину с лестницы вниз, так как он не ожидал такой встречи и был сильно измотан. Девушка продолжала плакать в плечо старому спасителю, закутавшись в его пальто.

— Что случилось, Мария? — поинтересовался Майкл, осматривая всё ещё закрытую дверь. На протяжении небольшого пройденного пути по залу, он так и не заметил ничего, что могло бы подсказать о судьбе Стрелка. Запертая дверь о чём-то, да и говорила, но её вид никак не нёс хороших новостей.

— Он внутри! с ним случилось что-то страшное! — говорила Мария, не поднимая головы, продолжая утешаться в объятиях друга.

Майкл осторожно и неуклюже направился к двери, пытаясь не отрывать от себя Марию, чтобы невольно не отвергнуть её попытки самоутешения.

Железная дверь действительно не поддавалась ни под толчками, ни под нажатием на рычаг. Она была заперта... и заперта была изнутри. Странные обстоятельства, которым Майкл стал свидетелем, всё сильнее и сильнее начинали смущать его. Если же Стрелок и оказался раненым, — о чём благополучно свидетельствовали следы и пятна далеко внизу, — то почему же он заперся в полном одиночестве? Мария могла бы помочь с ранами,

если же у него оставались силы, чтобы добраться до своей берлоги. Но мало того, что он оказался один, так ещё и каким-то образом Мария осталась снаружи, а дверь была заперта. Какие же секреты мог прятать Стрелок, если бросил бедную беззащитную девушку на произвол судьбы? Он точно что-то знал, и, возможно, специально оставил Марию, чтобы обезопасить её. Но всё это были догадки, которые нуждались в подтверждении или опровержении.

Майкл начал стучать по массивной преграде, призывая незнакомца выйти или дать хоть какой-нибудь знак. Стучал он неистово, громко; могло показаться, что он собирается ворваться внутрь, чтобы вершить кровавую месть. Он и сам не понимал, какого исхода ждать. Грохот от десятков удар разносился по всему огромному помещению, резонируя от стен и множась так, как это было возможно при местной акустике. Майкл начал кричать в исступлении, вызывая Стрелка наружу.

Не долго пришлось дожидаться того, как хоть что-то начало происходить. За железной дверью послышались странные звуки: что-то перемещалось в комнате и с грохотом падало на пол; внутри то стремительно резко появлялись неизвестные шумы и сразу же исчезали, то начинались с едва заметного скрипа или шороха. За железной дверью проснулся целый кавардак и хаос, которые никак не намекали на то, что происходит внутри. Там благополучно могла завязаться драка или кто-то очнулся ото сна и, будучи напуганным и застигнутым врасплох агрессивной манерой Майкла, пытался найти себе место и собраться мыслями. Всё это звучало примерно одинаково, и, правда происходящая внутри была сущей загадкой.

С самого начала внутреннего бардака, Майкл перестал стучаться. Он только осторожно отошел назад и начал выжидать, чем всё закончилось. Вскоре дверь открылась, и за ней стоял Стрелок.

То, каким его видел Майкл при своём уходе, и то, каким он сейчас предстал перед вернувшимся другом, сильно смутило Майкла. Это был сутулившийся, грязный, растрёпанный, и, видать недавно раненный человек, который сильно изменился с последней встречи. Он открыл дверь бодро, словно эта крупная металлическая пластина ничего не весила, но сам стоял в проёме едва живой; он пошатывался, словно слабое дерево на сильном ветру, но даже не смотря на видную немощь, пытался держать суровую и недружелюбную позу, будто готовился за дверью встретить вовсе не вернувшегося друга, а кого-то другого. Как подтверждение возможной встречи с тем, с кем нельзя было бы затянуть дружескую беседу, он сжимал в руке пистолет. Даже будучи в таком ужасном положении, он продолжал носить на своем лице старую маску.

— Что ты?.. — начал Майкл, не предоставляя Стрелку и возможности что-то сказать.

Стоило ему только начать говорить, как Мария словно с цепи сорвалась и бросилась со слезами на глазах на шею Стрелка. Точно так же, как и пару минут назад на Майкла; она почти повалила ослабшего хозяина завода на пол, но тот едва смог удержаться на ногах, причём даже лучше, чем первый мужчина. Девушка бросилась на этого человека и повисла на его шее, издав только слабый и отчаянный крик: «Лазарь!».

Майкл стоял в ступоре. Картина, которая предстала перед ним с самого возвращения, казалась какой-то выдуманной и чуть ли не комичной. Что же могло произойти, что Мария бросилась на Стрелка с таким отчаянием и мукой? Он уже забыл, что хотел было сказать открывшему дверь приятелю — он был так смущён, что ничего не мог испытывать, кроме как удивления.

— Лазарь?! — Единственное, что вырвалось из уст Майкла после того, как его перебила Мария. Он было собирался начать спрашивать Стрелка о том, что здесь произошло, или стал бы отчитывать, что Мария оказалась снаружи безопасной комнаты, и не имела никакой возможности оказаться внутри, пока этот подлец спокойно спал.

— Что? — слегка потупившись и не поняв, кому адресован этот вопрос ответил Стрелок. Для него это было так резко и неожиданно, что легче было бы предположить, что слова Майкла ему просто показались.

— Лазарь... она называла тебя Лазарем, — сказал Майкл, указывая на Марию. Теперь реакция Стрелка на это замечание ещё больше начало смущать и удивлять Майкла.

— Она?! разве?.. — Стрелок всё никак не приходил в себя. Он продолжал выглядеть так, будто бы только что проснулся от крепкого восстановительного сна, и ещё не полноценно мог осознать то, что происходит.

Майкл же понял, что сейчас в таком состоянии он ничего не добьётся от собеседника. Скорее всего, он даже не будет способен ответить на любой другой вопрос, более понятный для него и более существенный в данный момент. Медленно войдя внутрь комнаты, Майкл закрыл дверь.

Теперь все они находились внутри комнаты, далеко от опасностей внешнего мира. Из-за тишины и того, что за пределами металлической коробки ничего не было видно, легко могло возникнуть ощущение, словно эта комната оказалась где-то в далёком космосе, там, где до неё невозможно добраться. Мария постепенно начала уставать и успокаиваться; уже через несколько минут она отпустила Стрелка и села на привычный ей диван. Майкл стоял у двери, дожидаясь того, что с ним наконец-то заговорят, и, он получит ответ на свой вопрос. Стрелок так же, как и Мария, после недолгого затишья осторожно расположился на диване.

Наступило неловкое молчание, точно такое же, какое было и тогда, когда они все троём жили под одной крышей. Мария и Стрелок спокойно сидели, так, будто ничего и не происходило с ними на протяжении последних дней. «Да как так-то?» — возмущался про себя Майкл, злобно смотря на эту отвратительную картину. «Разве не должна Мария гневно высказаться ему за то, что он заперся внутри, что не позволил ей оказаться в безопасной комнате за стенами и дверью? Разве их не волнует тот вопрос, что на них кто-то или что-то напало? Да даже сам Стрелок выглядит так, словно побывал в очень тяжелом бою. А сейчас они... они!..» — продолжал про себя Майкл. Он думал о многом, ругал и себя, и всех присутствующих; его мысли могли только выдать сжатые изо всех сил кулаки.

— Что здесь произошло? — тихо высказался он, пытаясь говорить спокойно.

Стрелок только вяло повернулся к своему гостю и старому знакомому; если бы не маска, полностью скрывающая лицо, можно было предположить, что он осуждающе смотрел на Майкла.

— На нас напали, — спокойно ответил он.

— Что?! Кто?

— Уж точно не люди, — ответил Стрелок с ноткой сарказма, — это был один из демонов.

— Ты ведь утверждал, что это самое безопасное место. Как на вас могли напасть? как давно это было? — Майкл ощущал, как злость прожигает его, как колит прямо в сердце, заставляя всё сильнее и сильнее кривиться и повышать голос. Он прекрасно и в самом начале понял, кто на них напал, но до последнего в его голове занимала первенство мысль, что это могло быть недопонимание или несчастный случай.

— Я утверждал, что оно безопасно для меня. Но тут была ещё и эта девушка, — он кивнул в сторону Марии, так и не пытаясь назвать её по имени. — Это уже полностью меняет всё. Само же нападение произошло ещё вчера, — мне удалось отбиться, но думаю, что вскоре он вернётся.

С каждым новым словом Майкл всё сильнее и сильнее начинал злиться на Стрелка. Его уже грызло неудержимое желание накинуться на этого человека и приступить к его избиению: в каждом слове он находил ещё больше деталей, к которым можно привязаться и найти новую причину в споре и обвинении.

— Да это немыслимо! Как так вышло, что на вас вышли в это место?! Тут всё мертво, тут нечего искать; это место — один сплошной склеп! Да и что значит, что “тебе удалось отбиться”, к тебе в дом ворвался враг и застигнул тебя врасплох, и, даже при таких обстоятельствах ты вышел победителем? Один! Тогда почему Мария оказалась снаружи этой комнаты? Она при мне ни разу не выходила наружу, почему же она была вынуждена идти на такой уступок при тебе, тем более что ты сражался? — Майкл впал в исступление, он кричал на Стрелка так, как только мог. Даже при таких условиях, и Мария, и сам Стрелок оставались спокойными, как никогда раньше.

— Я же прекрасно знаю тех, с кем имею дело. Да, нападение было неожиданно, но в любом случае, победителем вышел я. Вот только как *она* оказалась снаружи я не знаю, скорее всего вышла из комнаты, чтобы наблюдать за дракой, или испугалась того, что всё рухнет, и сбежала вниз, а потом вернулась. После возвращения назад я был сильно уставшим и, просто, упал на кровать.

Майкла ещё сильнее злило то, что слова Стрелка были без эмоциональными и холодными, и также, вполне здравыми и верными, — в них не было никакой зацепки, к чему можно было придаться. Майкл очередной раз проигрывал ему. Мария как на зло, не опровергала, и не подтверждала слова никого из них. Она лишь отвержено сидела недалеко, уткнувшись лицом в колени.

Сдавшись в этом бесспорно проигранном бою, Майкл сам нашел себе место, где он мог бы отдохнуть. Однако он со Стрелком обсудил только то, что здесь произошло прошлым днём. Здешняя трагедия могла привести к ещё большему несчастью, что стоило поставить во внимание, и работать над тем, чтобы не допустить развитие событий.

— И кто это был? огромный волк? — добавил Майкл после продолжительной паузы.

— Нет, другой.

— Говоришь, он вернётся?

— Обязательно.

— Они же общаются... не думаешь, что он придёт не один?

— Не до... — Стрелок остановился. Он резко поднял голову и посмотрел на Майкла, будто только в это мгновение понял, что тот сказал. — Общаются?!

Из-за этого странного и резкого поведения, Майкл смутился. Он прекрасно помнил, что ранее уже говорил со Стрелком, и высказывал своё предположение, что один из демонов уже пытался с ним говорить. Сейчас же слова Майкл не звучали былыми нотками сомнения; уверенный в своих словах, он подал это, как истину. Собеседник же, воспринял этот факт соответствующе.

— В моём путешествии я наткнулся на одну группу этих созданий, и, мне казалось, что они общались между собой, — смущённо добавил Майкл, надеясь, что его не будут обвинять в сумасшествии, ведь иначе, мирным способом он не сможет забрать Марию.

- “Показалось”. Путь, что ты провёл за такой короткий срок очень трудный, и твой организм просто ослаб и начал бредить, — словно цитируя книгу, сказал Стрелок.

— Да... начал бредить. — Это замечание звучало крайне реалистичным. Весь окружающий хаос всё рос и рос на глазах, вынуждая мучиться и страдать в тяжёлых надеждах выжить. Майкл даже был бы рад, если бы действительно оказался в бреду, и просто находился в какой-нибудь захудалой психологической лечебнице.

— Как никак, я уверен, что вернётся он один. Скорее всего это произойдёт в ближайшие пару дней, когда ему удастся *зализать* раны. — Стрелок продолжил рассуждать вслух, специально для Майкла. Он говорил о том, что их ждём в скором времени, и продолжал изредка с укором поглядывать на гостя.

Майкл никак не ответил и не отреагировал на слова собеседника. Между ними возросло продолжительное молчание, которое никто и не собирался нарушать. Каждый из них думал о своём. Перед хозяином завода сидел грязный, впитавший в свою одежду резкий запах дыма и другого зловония путник; глаза его так же блестели, как и при первой встрече, только он сам выглядел более подавленным; ружьё его было грязным, с лёгкими наростами ржавчины, — было хорошо заметно, что этим оружием давно не пользовались. Костюм Майкла никак не изменился, как вышел, таким и вернулся. Однако же, больше всего интереса вызвала перебинтованная рука. Стрелок заметил это отличие и в первый день, но особо не придавал этому значения. «Мало ли что может он прятать за ней — рана или шрам» — думал он. Но всё же, главной причиной сильного любопытства к этой повязке было то, что бинты на руке выглядели идентично тем, что были ещё при уходе Майкла. Незнакомец стал вспоминать дни совместной жизни с этим человеком и заметил, что ни разу не наблюдал за тем, чтобы эту повязку сменяла другая, или хотя бы то, что она кровоточила или пропитывалась какими-нибудь другими жидкостями.

При Стрелке, Майкл старался минимально использовать изменённую руку, и, поэтому у незнакомца не было причин подозревать что-то ужасное. Но даже простое использование нескольких слоёв бинтов, на — казалось бы — здоровой руке, ровно для косметической цели или украшения, уже было странным.

— Что у тебя с рукой? — рискнул спросить Стрелок.

Этот самый вопрос и вывел Майкла из ступора, заставив его не только дёрнуться от неожиданности, но и начинать бешено перебирать в голове мысли, чтобы дать вразумительный и не подозрительный ответ на такой вопрос.

— С рукой? — слегка смутившись ответил Майкл. Он неуклюже поменял позу и огляделся, будто пытаясь найти подвох в вопросе.

— Да, с рукой. Ты уже не первый день ходишь в бинтах, и я так и не заметил, чтобы ты их менял. Что с ней?

— Она... — Майкл не знал, что ему ответить. Он должен сказать то, что удовлетворит одинаково и его, и Стрелка. Правду он сказать не может, да и собственно, что он скажет, ведь он сам не знает, что происходит с ним. Также эта правда может полностью изменить отношение незнакомца к Майклу, превратив его из друга с шатким отношением в настоящего врага. Ему следует произнести такую ложь, в которую даже он сам будет готов поверить, которая вынудит Стрелка не только забыть о неизвестном недуге его собеседника, но и пытаться иначе *воспринимать* Майкла.

— Она ужасно болит. Это ожог! Но он не так критичен, чтобы постоянно за ним ухаживать, ведь знаешь, организм сам заживает раны и восстанавливается. Мне больно, и я

не могу ей активно пользоваться, а бинты... защищают от различных испарений и бактерий, — высказал Майкл. Всё сразу. Прямо в лоб. Без ненужных деталей или предыстории.

Эти слова нашли свою цель. Стрелок не только удивился вспыльчивому ответу, но и принял его, как «укор» в сторону Майкла. По гостю было заметно, что разговор о его руке является не самой приятной темой, и поэтому её следует максимально избегать.

Наступил новый момент тишины, который из-за недавно закрытой неприятной темы, казался ещё более зловещим и раздражительным.

— И как... как мы будем обороняться от нового нападения? — поинтересовался Майкл.

— Есть у меня одна мысль: взорвать его.

— Взорвать?! Как?

— У меня спрятано несколько старых гранат. Если сделать из них связку и кинуть на шею, то можно при ловком выстреле взорвать всё разом.

— И кто же этим займётся?

— Одному будет неудобно. Ты стреляешь метко?

— Нет.

— А бросаешь?

— Более-менее.

— Вот и решили.

— Стой. Я не могу брать на себя такой риск. Если же я промахнусь, то всё рухнет, и мы погибнем! — вспыхнул Майкл, ощущая, что на его плечи ложится очень важная и, почти что, непомерная задача.

— Без твоей помощи мы тоже погибнем. Так у нас хотя бы будет шанс на победу.

Майкл только опустил взгляд вниз и кивнул в знак согласия. Следом, Стрелок облегчённо выдохнул и встал с дивана. Он направился к бронированной двери, откуда позже вышел с мотком верёвки и несколькими гранатами.

В следующие полчаса, Майкл с незнакомцем сидели рядом друг с другом и собирали их «смертельный снаряд». Мария сидела поодаль от них и с любопытством смотрела за делом.

— Мне нужно знать детали: куда кидать, как кидать, на каком быть расстоянии от взрыва во время детонации... — Майкл был согласен на участие в такой рискованной задаче, но всё же боялся за собственную жизнь, и Марию. На протяжении всей подготовки он сидел бледный, как мертвец.

— Я всё скажу. Тот, кто к нам придёт, имеет очень тонкую шею. Тебе нужно будет кинуть связку так, чтобы она обвязалась вокруг неё. Я же буду следить за тем, чтобы ты, спрятавшись за какой-нибудь металлический лист, был вне зоны досягаемости осколков. Когда я сделаю выстрел, то всё закончится. — Стрелок говорил спокойно и уверенно. Он был единственным, кто верил в надёжность плана, и, он звучал настолько непоколебимым, что даже Майкл постепенно начал успокаиваться.

Когда же подготовка связки закончилась, Майкл всё никак не мог окончательно подобрать нужный настрой. Стрелок легко похлопал его по плечу, чтобы избавить друга от гнетущих мыслей.

— Успокойся, это будет не скоро. К тому же, я по большей части буду отвлекать монстра на себя, из-за чего ты будешь в меньшей опасности. — Стрелок даже громко посмеялся после этих слов, из-за чего напомнил Майклу, почему тот считал его безумцем. — Но если же он будет только на мне сконцентрирован, то я не смогу выстрелить, и в какой-то

момент тебе придётся перевести внимание на себя.

Общая подготовка уже была окончена. Единственный снаряд был готов, место обороны было давно уже установлено; оставалось только ждать того, когда начнётся атака. И снова Майкл оказался в том самом аду выжидания и проведения часа за часом лишь для того, чтобы посмотреть: «а что будет дальше?». Имея чёткий план вытащить отсюда Марию, он сам ненароком завяз вместе с ней. Даже возможность сбежать исчезла, теперь Майкл не мог оставить Стрелка одного с его проблемами, когда частично на себе видел вину за случившееся. Когда же они помогут друг другу, уничтожив одного из демонов, то Майклу и Марии ничего не останется, кроме как сбежать в более безопасное место. После того, как атака чудовища захлебнётся, Стрелку будет не под силу уговорить гостей остаться.

Глава 13. Там, где должен быть один, будет и второй

Глава 13. Там, где должен быть один, будет и второй

Выжидать возвращение «гостя» пришлось долго. На это ушло двое суток; времени было предостаточно даже для того, чтобы Майкл и Стрелок сумели изготовить ловушку для врага. Предполагалось, что существо пройдёт уже знакомым путём, и именно на этой тропе были установлены растяжки, которые бы и предупредили обороняющихся. Всё время ожидания Майкл только и представлял тот момент, когда наконец-то покинет территорию завода, и больше никогда сюда не вернётся. Только эта мысль и помогала ему верить в то, что мучительное выжидание скоро окончится. Даже страх драки с чудовищем мерк перед этой мечтой.

Мария никак не реагировала на то, что происходило вокруг неё. Она прекрасно видела и слышала всю подготовку. Её знание общего плана было наравне со всеми остальными. Был ли ей известен общий риск? Вряд ли... Ни Майкл, ни Стрелок так полностью и не смогли определить, как именно она относится ко всему окружающему. Иногда, когда Майкл сильнее всех нервничал из-за грядущего события, никто другой даже и виду не подавал (заклучалось это, собственно в том, что у Марии почти никогда не менялось лицо, а Стрелок своё прятал за маской). С одной стороны, поведение девушки облегчало ношу на плечах мужчины, с другой — пугало.

Стрелок, казалось бы, стал ещё более замкнутым, и часто уходил в свою комнату, — Майкл просто не мог назвать как-то иначе то помещение за бронированной дверью, — и просиживал там часами. Иногда случалось так, что Стрелок посмотрит на Майкла, когда думал, что тот его не видит, и будто что-то говорил себе под нос.

В целом вся картина в большой комнате никак не изменилась — все просто ждали скорых перемен. Обстановка стала ещё более гнетущей и недружелюбной... но только в глазах Майкла.

Когда загрела тревога, и, расставленные на пути демона датчики сработали, оповестив звуком только людей, то вся атмосфера тишины и уныния испарилась. Уже долго выжидавшие этой минуты Майкл и Стрелок поднялись с мест и направились наружу, — им было необходимо как можно скорее оказаться внизу и не допустить того, чтобы противник зашел дальше положенного. Если же принятое во внимание создание окажется внутри зала, то ему не составит никаких проблем пробраться вверх к Марии, тем самым полностью спутать весь план обороняющейся стороны. Именно так говорил сам Стрелок, повторяя продуманный план.

Оказавшись внизу, защитники успели занять позиции до прихода противника. Ожидая увидеть настоящее воплощение ужаса и жестокости, они видели лишь темноту безлунной ночи. Никаких воплей или шума, только полная тишина и силуэты макушек деревьев, выступающих на фоне звёздного неба.

— Где он?! — слегка в панике вскричал Майкл. Его сердце бешено билось в груди, он ожидал увидеть любую картину, любой монструозный образ... но не пустоту.

— Я не знаю... — испытывая аналогичное удивление проговорил Стрелок. Он начал всматриваться в темноту, как едва заметил проблеск движения. — Ложись!

Такую, казалось бы, простенькую команду способен за долю секунды выполнить любой натренированный солдат. Эти вещи, вбитые им в головы, доходят чуть ли не до

рефлекторных реакций. Услышав знакомую команду, хороший подчинённый оказался бы на земле даже раньше окончания фразы. Майкл не был таким идеальным солдатом — он даже никогда не служил. Поэтому, услышав сбоку от себя выкрик, он не сразу понял о чём идёт речь, и, только увидев пример, столь заботливо предоставленный Стрелком, сам припал к земле. Через пару секунд над парой пролетел наполовину проржавевший и рассыпавшийся в песок грузовой контейнер. Часть ржавчины опалась на землю, а снаряд угодил глубоко вдалеке зала, утопая в море острого металлолома.

Вслед за брошенным контейнером, снаружи здания раздался звериный вой. Не стоило и гадать почему демон повёл себя так неожиданно, — он всё же мог легко раскусить ловушку. Майкл потом припоминал слова Стрелка, который говорил, что, встретившись с чем-то новым, демоны запоминали полученный опыт, успешно применяя свежие знания в охоте. Только после того, как вся засада была уничтожена, до обороняющихся дошла нелепость их затеи, так как демон мог просто в исступлении вбежать внутрь здания и на корню уничтожить оставшийся план защитников, но поступок, совершённый им, был до безумия остроумен и хитёр. Это демонстрировало то, что пара людей сражаются не с каким-то глупым созданием, а с кем-то гораздо хуже.

Пока Майкл и Стрелок поднимались на ноги, к ним наконец-то вышел противник. Это было крупное существо, с толстым туловищем, напоминающим медвежье; на тонкой, но достаточно длинной шее, что вытягивалась из торса на полтора метра, крепилась маленькая голова, с змеиными глазами и крупным птичьим клювом. Стоило только гадать, какими именно способностями пользовалось это создание, чтобы добираться до беззащитных людей. Демон осмотрел пару встречающих его людей, но больше всего внимание уделял именно Стрелку, словно не замечая Майкла, не считая его хоть за какую-то угрозу.

— Начали! — выкрикнул Стрелок и стал уходить вбок, чтобы отвлечь на себя демона. Он попытался сделать прицельный выстрел, в надежде, что попадёт монстру в глаз, и тот частично ослепит его.

Демон только ловко дёрнул тонкой шеей, умело увернувшись от выстрела. Такая встреча заставила его ещё сильнее сконцентрироваться на Стрелке, всё более и более игнорируя Майкла. Казалось, что демон его просто не замечает; он только в начале бросил на него беглый взгляд, и по большей части даже не смотрел в его сторону.

Это поведение противника было достаточно выгодным для Майкла, так как у него была идеальная возможность, чтобы бросить связку гранат на открытую шею, и благополучно завершить свою часть плана. В худшем же положении был Стрелок, который, никак не ожидая такой целеустремлённости от демона, был главной целью для нападения. Если такое внимание будет продолжаться и дальше, то он просто не сможет выполнить свою часть плана.

Ворвавшийся на территорию завода демон, словно досконально знал план, выстроенный для его умерщвления. Он не только сконцентрировал нападение на Стрелке, но и продолжал теснить того дальше от Майкла. Стрелку оставалось только отступать, тогда приблизилась и следующая напасть: монстр выпустил изо рта длинный язык, которым крепко обхватил ногу хозяина завода, лишив его возможности отступать. Ещё хуже стало от того, что этим языком демон тянул жертву на себя.

Ситуация стала максимально критичной: у Стрелка не было возможности открыть огонь, а связка гранат уже находилась на шее демона. Оставалось совершить самое последнее действие, чтобы прикончить ворвавшееся существо. Когда Майкл кинул

взрывчатку, то чудище даже не заметило, как что-то повисло и обхватило его шею. Оно, может, только мельком глянула на Майкла, и это был его максимум — никакой реакции.

Этот факт пугал и злил Майкла. Каждая последующая секунда только приближала крах всей операции. Если выстрел по гранатам не будет совершен, то погибнет Стрелок, а за ним Мария и Майкл. Всё это произойдёт из-за какой-то случайности! из-за того, что по неясной причине демон полностью игнорирует Майкла.

Майкл стал кричать, он прыгал и махал руками, чтобы хоть что-то сделать, чтобы привлечь к себе внимание монстра и высвободить Стрелка. Подойти к языку и отрезать его от ноги Стрелка было уже невозможно — его подняли на пару метров в высоту, а сама жертва изо всех сил держалась за поручни прогибающейся лестницы. Выстрел по подвижному, постоянно опускающейся и поднимающейся мышце также не предоставлялся возможным, она была достаточно тонкой и резкой, чтобы была хоть мизерная надежда на удачный выстрел.

— Майкл, уходи! — прокричал Стрелок, продолжая всеми силами держаться за поручни лестницы.

Майкл действительно хотел сбежать. Но у него не было такого выхода. Его побег был бы равносителен поражению, что значило смерть всем вокруг. Если же сейчас не избавиться от вторгнувшегося демона, то погибнет Стрелок, а за ним Майкл и Мария. Он в панике начал оглядываться, чтобы найти способ помочь попавшему в беду товарищу, и — как на зло — увидел высоко над собой Марию. Девушка вышла из комнаты, желая посмотреть на то, что будет происходить, как именно будет развиваться бой, и стоит ли вообще волноваться за своих друзей. Её глаза источали страх, она яснее Майкла понимала критичность сложившейся ситуации. Она ничего не делала, просто стояла на возвышенности и наблюдала за всей картиной, замерев как испуганный зверёк. Прижимая руки к груди, она словно удерживала сердце внутри себя, не позволяя тому вырваться. Майкл будто даже смог услышать это громкое и быстрое биение. Или же сейчас он сделает хоть что-нибудь, или он не сделает больше ничего.

Не такого исхода желал Майкл, не смерти для себя или кого-нибудь ещё. Он вернулся обратно на завод лишь для того, чтобы вернуть себе Марию, и показать ей «другую жизнь», а не то, что ей удалось познать в компании Стрелка. И весь этот проделанный путь, не мог закончиться здесь, на развалинах металлургического завода. Любой ценой он должен выполнить свою цель, бороться за жизнь. Он решился.

То, что принял Майкл было не легко. Первой же мыслью в его голове родилась идея, что он наконец-то должен воспользоваться своей изменённой рукой, чтобы сразить демона, или помешать ему в нападении на Стрелка. Эта идея была превосходна, но она рушилась из-за того, что за Майклом одновременно наблюдал Стрелок и Мария. Их реакция после спасения могла быть совершенно неожиданной и неприятной для героя. Сразу же начнут возникать вопросы: что это? откуда это? кто ты, человек или монстр? За вопросами могли появиться самые разные последствия, одно хуже другого, — Майкл не мог рисковать всем, ради маленькой попытки испытать имеющиеся у себя силы. Лишь одна вещь оставалась у него, с помощью которой он мог уничтожить образовавшуюся проблему. Дробовик, что он нёс с собой после встречи с лжесвященником всё ещё находился под рукой. Хоть Майкл был слаб в прицельной стрельбе и почти что не пользовался этим огнестрельным оружием, у него был только маленький шанс на удачу, и он решил его испытать.

По всему залу раздался громкий выстрел, вслед за ним ещё более громогласный,

оглушающий взрыв. Разрыв связки гранат заставил стены сотрясаться; с потолка посыпалась пыль с песком. В начале ничего нельзя было различить, только на месте связки у основания шеи чудовища появилась яркая вспышка и медленно оседающее багровое облако. Гораздо раньше, как подтверждение того, что план сработал удачно, прозвучал вопль монстра, который кричал так неистово и иступлённо, что невольно возникала жалость к этому созданию.

Майклу было уже не до этого, не до грохотов и звона в ушах, не до воплей и кровавой мороси. Пока демон шатался на месте и хватался лапами за едва держащуюся, но ещё не оторванную взрывом шею, инициатор взрыва упал на пол. Вместе с выстрелом, он ощутил сильную боль, что разлетелась по всей левой руке. Эта неожиданная волна даже ослепила его, притупив все чувства; она ощущалась как резкий огонь, окутавший всю конечность. И действительно, когда пелена перед глазами постепенно начала проходить, Майкл смог заметить, что именно случилось с ним. Чтобы совершить выстрел по связке гранат, и не попытаться выдать своё «проклятье» перед Стрелком, и её новый вид перед Марией, Майкл был вынужден сделать выстрел, используя только одну руку. Сложилось множество факторов: давно необслуживаемый и ржавевший дробовик, ослабевшая хватка одной рукой и неправильный наклон при стрельбе. В конечном счёте, оружие разорвало в клочья, часть дроби попало в взрывчатку, а стреляющий заслужил страшную рану. Рука до самого локтя была превращена в работу матёрого мясника: на ней не было ни сантиметра живой плоти, и это была цена за сохранение страшной тайны.

Совершил ли Майкл ошибку, или был прав во всём, он не мог сказать наверняка. В том ужасном моменте, когда каждое мгновение является критическим, он был вынужден поступать так, как посчитал верным, даже надеясь на призрачный успех.

Послышался звук упавшего тела на металлическую поверхность: чудовище выпустило Стрелку, и тот упал на лестницу. Сам же монстр в полном ужасе начал ходить кругами, продолжая придерживать бессвязно болтающуюся туда-сюда шею. Был ли он способен продолжать осознавать происходящее или же все действия происходили на чистых мышечных рефлексах, но чудовище даже в таком состоянии продолжало представлять угрозу. Оно ходило кругами, не ведая, куда ступает; несколько раз оно чудом не раздавило лежащего на земле Майкла, и параллельно сносило множество толстых балок вокруг. Оно бродило и бродило, отдаляясь куда-то в центр всего зала, пока наконец-то не ударились об огромный чан.

От случайного удара по многотонной конструкции, она лишь могла просто слегка пошатнуться и вернуться в своё первоначальное положение, но ударившись, демон снёс его с места. Вслед за этим, всё здание стали окутывать вибрации; крепёж за крепежом стали лопаться и вылетать из закреплённых положений. Огромные металлические конструкции оголялись и извивались наподобие раскрывающимся цветкам. Плавильный чан упал на пол, из-за чего стены ещё гуще начали дрожать; земля под ногами дрожала так интенсивно, что тяжело было удержаться на ногах; даже Мария припала к полу. Всё бы и закончилось тем, что цех немного задрожал, да успокоился, а демон всего на всего истёк бы кровью и помер. Но как будто этого было мало, — воздух резко наполнил множественный треск и клубы оседающей пыли. Наконец-то появился виновник нового шума — высокая дымоходная труба. Из-за снесённого чана и общей разрухи внизу, единственные — но ничуть не ненужные — кирпичи расшатались, в связи с чем, основа труб была уничтожена, и вся конструкция рухнула вниз. Она повалилась прямо на крышу, унося с собой черепицу и

железную матицу. Весь этот ужас легко мог упасть на Майкла и всех остальных, но чудом им удалось оказаться вне радиуса поражения. Единственным, кто пострадал от всей разрухи, стало существо, что и начало весь кошмар. Оно оказалось погребено под многотонным весом, без какой-либо возможности выбраться из смертельной ловушки.

Поднятая ударом многометровая волна пыли вырвалась из центра плавильного цеха. Она в мгновение поглотила всё вокруг. Этот грязный воздух так и обжигал лёгкие. Сбежать от этой напасти было практически невозможно. Она как поглотила всех внизу, так и не позволяла им свободно дышать. Пытаясь встать, Стрелок ещё сильнее припал к земле: даже его маска не могла полноценно спасти его от сильно загрязненного воздуха. Такой густой клуб пыли походил на результат настоящей химической атаки, он был таким же неожиданным и опасным. Только Мария находилась в более-менее благоприятной обстановке; пыль, поднимавшаяся до потолка, начала спадать, и раньше всего её концентрация в воздухе снизилась как раз на возвышенности с Марией.

Майкл был ближе всех к эпицентру клуба, его окинуло на долю секунды быстрее, и сама концентрация пыли там была выше. В этой отвратительно-мучительной ситуации он продолжал страдать ещё сильнее. Окружающая его грязь только усугубляла общую обстановку: ранее он задыхался и от боли, и находил легкое успокоение в том, что ловил ртом воздух, но теперь ему пришлось мучиться с обжигающей болью в лёгких и горле. Оседающая пыль на рану только сильнее ухудшала обстановку, вызывая ещё большее мучение. В голове не могла удержаться ни одна мысль, — постоянно Майкл фильтровал какой-то бурный и необузданный поток идей и желаний. Он было хотел что-то предпринять и сконцентрироваться на важных вещах, но все этим сладкие слова и образы перед глазами меркли, утопая во мраке.

Некоторое время, ничего внутри зала не происходило, только плотное облако пыли, медленно оседающее вниз. Мария смотрела со своей смотровой площадки, надеясь увидеть хоть кого-нибудь, кто мог пережить этот ужас. Чем дальше внизу никого не было видно, тем сильнее у неё возникало ощущение, что облако пыли поглотило людей, обратив их в такую же пыль. Эта мысль пугала её, и к сожалению, казалась безнадёжно правдоподобной, ведь совершенно недавно она повторно прочла в своей книге, где что-то похожее уже происходило в мире, только там была соль. Девушка дальше смотрела вниз, но там ничего так и не появилось, ни силуэта, ни звука. Только пыль.

Рука Майкла продолжала ныть, но почему-то эти болезненные ощущения становились менее заметными с каждым ударом сердца, будто постепенно они начинали происходить с кем-то другим. Он стал ощущать сильную усталость; возвращалась способность мыслить. Майкл был благодарен, неизвестно чему именно, возможно, тому факту, что боль в руке, хоть и медленно, но утихала. Случилось ли это из-за притока адреналина в крови, или осевшая пыль образовала защитную кору вокруг раны, засыхая вместе с кровью, образуя что-то на подобие чешуи; ощущения боли могли притупиться из-за сильной усталости или наступающего болевого шока. Всё это уходило на второй план и меркло перед более важными задачами: любыми способами спасти руку и свою жизнь от наступающей гибели, и, убедиться в безопасности Марии.

Он глазами бегал по стенам и всматривался в ещё не осевшую преграду, пытаясь любыми способами найти девушку, увидеть хотя бы её силуэт, чтобы облегчённо выдохнуть, быть может в последний раз. И правда, вскоре высоко над Майклом появился худой и утончённый силуэт, что в порывах видимого волнения прижал к себе руки. Это была Мария,

и, она не радостно смотрела вниз. Сразу появился и другой силуэт; высокая и грубая по очертаниям фигура медленно проявлялась в слегка буром облаке. Он подходил медленно, и становился всё более и более заметным. Это был Стрелок, что с трудом поднявшись на ноги шел к Майклу. Его походка была шаткой, уставшей, но из последних имеющихся у него сил, он продолжал идти вперёд, не желая сворачивать назад или лежа отдыхать после выигранного боя.

— М-Майкл? — слегка удивлённо проговорил Стрелок. В его голосе слышалось удивление и нотки испуга. Он чётко смог различить после грохота взрыва чей-то прерывистый крик и стон, и был напуган тем, что это был Майкл.

— Я... здесь... — вперемешку с приступом кашля говорил Майкл. Появление Стрелка его обрадовало, так как шанс спастись медленно повышался. Боль всё сильнее и сильнее притуплялась, теперь ощущение складывалось, как некое растяжение в мышцах, но даже так, раненный не рисковал пошевелить конечностью.

Даже после того, как Стрелок услышал голос друга, он продолжал подходить медленно, оттягивая неизбежную встречу так сильно, как это было возможным. На то у него были причины: почему-то Майкл до сих пор не поднялся на ноги, а продолжал лежать на полу.

— О нет... — проговорил Стрелок, возвышаясь над раненым товарищем.

— Мне нужна небольшая помощь, быть может, ещё получится спасти руку! На крайний случай я даже готов пойти на ампутацию, — со смешком произнёс Майкл, скорее для того, чтобы успокоить себя, а не кого-то другого.

— Майкл... — продолжал Стрелок, ничего не предпринимая.

— Помоги!.. Не знаю... отведи меня наверх или принеси тряпок, воды, шину или хоть что-нибудь.

— Я не могу...

— Что?!.

— Майкл, у меня нет ничего. Из тряпок только одежда, ремней тоже нет, а медикаментов и подавно. Ничто тебе не поможет. Ты умрёшь, в муках.

— Одежда!.. Я сниму с себя одежду, ремень есть, а как шину используем металл вокруг!.. — Майкл видел иступленное состояние Стрелка, которое идеально демонстрировалось через позу и речь.

— Нет. Металл вокруг грязный, и ржавый, — это только скорее вызовет некроз тканей, а одежда твоя тоже не первой свежести. Вылечить не сможем...

— Ампутируй! — Стрелок только отрицательно помотал головой — даже с такой серьёзной раной, он будет не в силах помочь Майклу. — Прошу!

Страх смерти резко нахлынул на него, он был готов встретить смерть огромное множество раз, особенно в последние пару лет. Он так часто путешествовал и попадал в самые разные неприятные события, что мог быть умерщвлён много-много раз. Предсмертный холод постоянно ласкал его затылок, и стал почти что родным, из-за чего и сам Майкл немного охладел к возможному неизбежному концу, но сейчас, он весь околел. Его бросало, то в жар, то в холод, сердце бешено билось в груди, каждая минута растягивалась до невозможных границ.

В этот ужасный момент все позабыли о недавней битве; всех поработила новая трагедия, которая медленно приближалась к концу.

Майкл начал жалеть, жалеть обо всём, через что проходил. Он проклинал и хорошие, и плохие события; он проклинал свою жизнь и все сделанные выборы. В голове рождались

самые бредовые идеи, способные не то, что спасти жизнь, а скорее даже отдалить смерть хоть и ненадолго. В Стрелке он видел своего палача, того, кто свершит убийство из милосердия. Майклу даже захотелось приподняться, чтобы одним ударом своей чудотворной руки защититься. Страх смерти отупил его, заставляя мыслить так, как он никогда бы и не подумал.

— Я только в одном могу помочь тебе, — прискорбно проговорил Стрелок. Вслед за словами, он достал из-за спины винтовку.

Пока Стрелок брал оружие в руку и направлял дуло прямо в грудь Майкла, то тот уже успел обдумать огромное множество различных вариаций и идей, лишь бы не умирать. Майкл уже был готов дать отпор Стрелку и напасть на него, но всё же что-то мешало ему, что-то глубоко в его сознании кричала об обратном, пытаясь сохранить нить человеческого достоинства. В огромном непроглядном лабиринте отвратительных, низменных и жестоких мыслей, была только одна светлая и тёплая. «Быть может, это моё избавление? Может, это та самая награда, за которой я так долго гнался?».

Стрелок уже навёл винтовку на грудь мужчины, именно в то место, где находилось сердце. Началась зловещая тишина, где никто уже не рисковал и слова сказать, чтобы не усугубить момент. Стрелок дышал тяжело, — по нему было заметно, как ему сложно исполнять то, что он задумал.

— Не держи на меня зла... — тихо проговорил он.

Как только он прижал плечо к прикладу, чтобы снизить силу отдачи, то тут же вместо выстрела он отлетел в сторону. Его толкнула в бок из ниоткуда возникшая Мария. Увидев, какое страшное события происходит внизу, она помчалась по лестнице сломя голову, и в самый последний момент спасла Майкла от гибели. Девушка повалилась на пол вместе со Стрелком, и между ними завязалась борьба.

Стрелок и не думал причинять Марии вред, — у него никогда не было умысла и плохого слова ей сказать — он верно заботился о ней, как о родном человеке. Даже то, что она помешала ему совершить «благое» дело, — как он считал, — никак не меняло его отношение к этой девушке. Да, она пытается изо всех сил предотвратить смерть друга, и Стрелок от части был благодарен за это... Теперь у него ещё есть время собраться силами и быть готовым привести себя в чувства.

Стоило Стрелку только чуть-чуть приподняться, чтобы можно было встать на ноги, как его тут же валили обратно. Мария умудрялась держать своего соперника лёжа на земле, и у неё получалось это только из-за того, что Стрелок сопротивлялся не в полную силу. Однако, как бы долго он не думал *играть* с Марией, он всё же мог ненароком навредить ей. Девушка яростно пыталась то трясти Стрелка, то выворачивать ему руки в попытках забрать винтовку, то грубыми толчками отправляла его обратно наземь. Постепенно это начало злить и раздражать хозяина завода, и, вскоре он грубо — даже несмотря на то, что причинит Марии боль — откинул её в сторону.

Всё это время, Майкл только и смотрел на потасовку. У него было сильное желание подняться на ноги и вмешаться, но ноги его не слушали. Единственное, что оставалось Майклу — кричать. Он кричал на Марию и Стрелка в надежде, что они остановятся, пока никто из них не пострадал. И наконец-то драка прекратилась; Мария отлетела в сторону и потеряла сознание. Стрелок поднялся и вернулся к Майклу; подойдя к товарищу, он выглядел сильно вымотавшимся, но никак не собирался отступать от задуманного. Он поднял винтовку, и очередной раз нацелился в сердце Майкла. Теперь никто не сможет

спасти его от неминуемой гибели: Мария лежала где-то в стороне, не в силах что-либо предпринять. Расстояние между ними стало ещё меньше, — Стрелок боялся того, что, испытывая неприязнь к такой жестокой сцене, он может случайно промахнуться, чем внесёт в жизнь Майкла только больше страданий. Стоя с винтовкой в руках вблизи к жертве несчастного случая, он наблюдал, как ствол ружья ходил ходуном, не в силах зависнуть в одном положении.

— Ты почувствуешь только лёгкий укол. Секунда, и ничего более, — успокаивающе проговорил Стрелок. Майкла это никак не утешало. Возможно, Стрелок пытался больше успокоить себя, нежели друга.

Из-за происходящего время начало растягиваться ещё сильнее обычного. Каждая последующая секунда тянулась всё дольше и дольше, заставляя беспрерывно мучаться в ожидании всей этой пытки.

Майкл, словно в исступлении, предпринял спонтанное решение, казавшееся ему верным и спасительным. В надежде, что вот-вот произойдёт выстрел, он схватился за дуло винтовки, чтобы отвести его в сторону. Что будет дальше — неважно. Лишь бы отвести этот первый, фатальный выстрел от себя, предоставить жизни ещё хоть несколько секунд биться в измученном теле. Хвататься за любую доступную ниточку. Так и поступают те, кто боится собственной смерти.

— Нет! — раздался громкий крик Майкла.

Стрелок нажал на спусковой крючок. Вместо громкого выстрела, что на многие километры легко бы предупредил каждого, что именно произошло в стенах металлургического завода, раздался лёгкий хлопок. Это был слабый приглушённый звук, сравнимый с стуком упавшего мяча внутри каменного куба. По звуку было невозможно понять, что случилось; когда все ожидали грохот выстрела, случилось что-то другое. Все удивились, смутились, даже слегка напугались. Могло произойти что-то необычное, ужасное, и никто никак не мог связать то, что слабый хлопок как раз и заменял тот необходимый и ожидаемый грохот.

Майкл крепко сжимал в руке дуло винтовки. Он просчитался и ему не удалось отвести оружие в сторону, из-за чего оно выстрелило прямо в него. Ожидалось многое: крики боли, всплески алой крови!.. но ничего из этого не произошло. Над Майклом и Стрелком вздулось небольшое облако льняных бинтов, разорванных на множество маленьких частиц. Изменённой рукой Майкл держал дуло винтовки, и легко ощутил, как произошел выстрел, как пуля ударила его в ладонь и осталась в кулаке. Он навсегда запомнит, как по всему телу прошелся сильный импульс, вызывающий неприятные ощущения; как из-за этого импульса выстрела и разорвались едва держащиеся бинты. И вот, Майкл лежал на земле перед Стрелком, сжимая чёрной нечеловеческой рукой дуло винтовки. Между этими странными пальцами просачивался слабозаметный дым. Оба мужчин смотрели друг на друга в полном замешательстве.

— Ты!.. — вскрикнул неожиданно Стрелок. Он отскочил назад, полностью позабыв про винтовку и бросив её на пол. Оказавшись в нескольких метрах от Майкла, он выхватил с пояса пистолет и открыл беглый огонь по цели. Теперь его не терзали сомнения и муки совести — ярость охватила его, и теперь он уже горел желанием уничтожить то, что когда-то было его приятелем.

Стрелок всё стрелял и стрелял, он выпустил десяток пуль, и ни одна из них не смогла принести какого-то должного эффекта. Все они попадали то в руку Майкла, который

инстинктивно закрыл себе лицо, то в грудь. Ни криков боли, ни стонов или звуков разрывающейся плоти, только глухие удары по чему-то твёрдому.

Стрелок опустил пистолет и впал в ещё большее иступление. Он застыл на месте и не пытался что-либо предпринять. Майкл же, будучи ещё более удивлённым произошедшим так же продолжал лежал на земле, как и всё остальное время. Никто не понимал, что именно происходит и почему сейчас. Они не сказали друг другу ни слова, а только злобно смотрели в глаза.

Мария очнулась из-за выстрелов, и когда они прекратились побежала к Майклу. Она была напугана тем, что её спаситель находится в опасности и нуждается в поддержке. Но когда она подбежала к нему и закрыла его своим телом, то заметила, что никакой угрозы уже нет.

Когда девушка бежала к лежащему на земле другу, Стрелок только и успел крикнуть ей вслед громкое: «нет!», но она его не послушалась.

В этот неожиданный момент, Стрелок оказался одинок, — Мария бросилась спасать Майкла, и, прижимая того к своей груди была ему щитом и упокоением. Стрелок же был в полном смятении от случившегося; в голове родился целый рой мыслей, начали строиться самые разные теории и их последствия. Стрелок уже представлял, что, избавив Майкла от страданий, похоронит его где-то в лесу, а сам продолжит жить вместе с Марией, пытаясь утешить её. Но сейчас... он уже сомневался в том, что Майкл вообще был человеком. Никто бы не пережил таких выстрелов в грудь, тем более, наконец-то открылась правда о руке Майкла. Кем же на самом деле являлось это существо? Имея нечеловеческие способности, он почему-то продолжал себя вести, как самый обычный человек.

И что же сейчас происходило перед глазами Стрелка? Не только мир и бóльшая часть его составляющих перевернулись на глазах, но и само отношение, как к Марии, так и к Майклу. Стрелок видел, как девушка, жертвуя собой кинулась спасать друга, и её не волновало то, что он и без живого щита смог бы спокойно пережить любую атаку. Своим действием она так и кричала: «Убить его, всё равно, что убить и меня!». Сам же Майкл, — каким бы монстром его теперь не видел Стрелок, — не казался воплощением зла или одним из демонов — он нежно приобнял Марию за плечо, и злобно продолжал смотреть на бывшего палача. Майкл с какой-то животной яростью наблюдал за действиями Стрелка, так и пытаясь осудить его лишь за одну мысль продолжить стрелять, несмотря ни на что. Но это был всего лишь страх, обычный человеческий страх, заставляющий видеть вещи совершенно иначе, делающий так, что холодные расчёты и чёткие планы уходили в дальний угол разума, предоставляя весь контроль рефлексам и инстинктам.

— Кто ты?! — Стрелок всё же опустил пистолет, заметя, что Майкл не предпринимает никаких враждебных действий. Он говорил громко, властно, но не с целью запугать Майкла или успокоить себя, а скорее, чтобы поддержать свой авторитет на территории завода, ведь это его дом.

— Я — Майкл! — также громко ответил Майкл, пытаясь не то, чтобы соответствовать своему собеседнику, а доказать ему, что он не трусит.

— Ты человек или кто?

— Человек! — Майкл отодвинул от себя Марию, ещё больше доказывая Стрелку, что не боится.

— У человека не может быть... этого. — Стрелок показал на руку и грудь Майкла, которые виднелись через рванную рубашку. Грудь покрывали те же пластины, что и руку.

— Я!.. не знаю... — Сказав это, Майкл оскорблённо посмотрел в сторону. За несколько недель жизни с таким дефектом, он так и не понял, что это всё обозначало, и, не имея никакой возможности опровергнуть или подтвердить полную безопасность всех этих изменений. Если бы его начали в чём-то обвинять, то у него не было бы шанса доказать обратное. В добавок, для Майкла стало полным удивлением то, что и грудь была подвержена этим переменам, чего он вовсе не замечал.

— Не знаешь? — Даже уличив в Майкле жертву, которая сама ничего не знает и боится своей судьбы, Стрелок всё равно нервничал и оставался в стороне.

— Когда и как это началось? — неожиданно продолжил он. Голос всё ещё был холоден, словно за шлемом, что всегда прятал лицо Стрелка, пробудился другой человек.

— Не знаю... может... когда на нас напали в церкви. У меня тогда появилась сильная рана на руке, которая позже стала быстро заживать. Что со мной?

— Похоже, что во время близкого контакта с демоном, его ДНК вступило в контакт с тобой, и началась мутация.

— Нет! Я человек, и всегда им буду! — Майклу не понравилось предположение Стрелка, но он всё же поверил в него, так, как и сам — хоть и нехотя — догадывался обо всём.

Пылкое обсуждение между ними прекратилось тогда, когда Мария резко перескочила через Майкла и вцепилась в его недавно раненную руку. Она резко подняла её и начала рассматривать, и все увидели, что она также видоизменилась, и даже исцелилась. Теперь в ней не наблюдалось никаких ран, только чёрная, чешуйчатая здоровая рука.

— Похоже, что это произошло из-за стресса, — тихо проговорил про себя Стрелок, примечая причину изменений в Майкле. — Если ты всё ещё человек, то позволь мне избавить тебя от участи превращения в демона!

— Я человек! и навсегда им останусь! — пылко ответил Майкл, — а если ты нападёшь, то я буду защищаться. Обещаю.

Разговор между ними становился всё жарче и жарче, с минуты на минуту могла начаться драка, из которой вышел бы только один победитель. Никто не рисковал сделать первый шаг. Майкл и Стрелок пытались заглушить растущий конфликт переговорами, пока на то была возможность.

— А что, если *это* доберётся до твоей головы? — поинтересовался Стрелок, намекая на туманные последствия трансформации. — Если из-за этого ты перестанешь быть собой?

— Я не верю в это, и буду бороться до конца.

«Ты только усложняешь задачу...» — подумал про себя Стрелок, так и не решаясь проговорить это вслух.

— Если я буду использовать *это* в своих целях, то смогу истребить так много демонов, насколько у меня хватит сил.

— Такой путь ты себе выбрал? сражаться до конца?! — Стрелок говорил так, словно сам не верил в решимость Майкла, считая её чем-то вроде детской фантазии.

— Да! Пусть запомнят человечество на всю жизнь.

— В этом нет смысла...

— В этом нет смысла для тебя!

От этих слов, Стрелка словно поразила молния. Он резко вздрогнул и удивлённо посмотрел на Майкла через безэмоциональную маску. Противоречивые мысли и эмоции в нём наконец-то сдались, и он перестал возражать.

Стрелок уже не пытался что-нибудь сказать, он стоял как статуя, не реагируя даже на то, что с ним продолжали говорить. Осознав бесполезность слов, Майк поднялся наверх в жилище Стрелка и начал собираться.

Через пару минут они снова поравнялись внизу, и Стрелок остановил мужчину. Он полностью осмотрел его и признал, что очередной раз проиграл и остаётся один.

— А что с ней? — спросил он, указывая на Марию.

— Она уйдёт со мной.

Стрелок промолчал, словно взвешивая шансы.

— Ты убьёшь её, — сказал он через пару секунд.

Майкл окинул взглядом помещение, вспоминая чуть меньшую разруху, когда он вернулся; он представил, что станет с Марией, если она останется здесь дальше. Он вообразил эти ужасные и грустные картины, и только подогревал решимость, что ему следует раз и навсегда забрать девушку с собой, не только ради её спасения, но и для собственного.

— Нет... Это ты убьёшь её.

Майкл пошел в сторону пролома в стене, Мария без какого-либо вопроса или уточнения пошла за ним. Она не сказала ни слова, даже толика сомнений не зародилось в её голове. Ей стало привычно то, что её судьбой распоряжались другие люди, и она была благодарна им, потому что именно из-за них, она всё ещё была жива и здорова. Стрелок так и не извинился перед ней за то, что ударил — она и сама не нуждалась в таких извинениях, ибо понимала, насколько это было случайно и мелочно.

— Когда-нибудь ты обратишься и утратишь свою хваленную человечность! и тогда, тогда я буду держать тебя на прицеле! — прокричал Стрелок след уходящему другу.

Майкл остановился и озлобленно посмотрел на Стрелка через плечо. Тот даже оступися, ощущая, как что-то грозное проснулось внутри «приятеля». Майкл достал из внутреннего кармана куртки свёрнутую в трубочку книгу и кинул в сторону Стрелка.

— Тебе следует научиться быть более человечным! — прокричал он вслед улетающей книги.

Уходящая пара даже не обернулась ни на Стрелка, ни на завод. Все они расстались так же быстро и неожиданно, как и встретились друг с другом.

Глава 14. Шепот Дуилгримма

Глава 14. Шепот Дуилгримма

Майкл вышел на заросшее травой шоссе. Он отправился уже по знакомому направлению, туда, откуда пришел вместе с Марией. Ему хотелось оставить воспоминания о родном городе, и том ужасе, что происходил так далеко позади. Но это было невозможно. Мария следовала рядом с ним и мало прислушивалась к тому, что говорил ей Майкл, оставляя все мысли и идеи ему одному, а сама покорно следовала рядом. Смутно ей доводилось припоминать о том, что у её друга был какой-то важный и необходимый план; она замечала, как сейчас Майкл спокоен и не настроен сломя голову мчаться на всех парах вдаль, а был полностью умиротворён. Когда же он уходил, и его не было много дней, она тихо тосковала о нём, желая скорой встречи. Если же в эти моменты разлуки Майкл выполнил свою задачу, то так тому и быть, Мария просто молча радовалась за него.

Майкл действительно не имел какого-то четкого виденья того, что ему следует делать. Впервые за долгий период жизни он ощущал какую-то лёгкую свободу, в то же время, это чувство раскрепощённости создавало за собой уйму незнакомых и странно сковывающих ощущений. Возникла мысль, что любое действие подвластно ему, и не несёт за собой никаких последствий, параллельно этому рос страх того, что перед глазами исчезали все границы дозволенного и возможного, а в след за этим, и страх совершить ошибку.

Оставаться на открытом пространстве и жить в постоянном странствии были не самыми лучшими вариантами, — им обоим нужно было найти прибежище... дом. Последним приятным местом Майкл вспоминал маленькую деревню, полностью проросшую травой. В ней он жил вместе с Марией несколько дней, и ни секунды не сомневался в том, что вокруг него безопасно и умиротворённо. Это была идиллия, самое нежное и приятное место... но оно было уничтожено. Майкл невзначай улыбнулся, вспоминая жизнь в ванной маленького дома, как он спал на мягкой и душистой подстилке из цветов, но сразу же вспомнился накинущийся ужас, когда он осознал, что там он с Марией находился словно в могиле, которая вот-вот могла обрушиться на головы.

Никаких других убежищ они не находили, пользуясь в основном только мягкой травой и чистым небом над головой. Однако, существовало одно место, особо глубоко засевшее в голове и сердце. Это была та самая церковь, в которой он познал самый страшный кошмар всей жизни, где он нашел себе как друга, так и врага. Это было настолько отвратительное и приятное место, что даже за всю жизнь Майкл не смог бы сформулировать точное описание и отношение к этому зданию и его злосчастному подземному тоннелю. Однако, там он изменился, туда он вошел каким-то наивным и слабым путником, а вышел спасителем. Здание церкви было ему знакомо, его запасы, стены и помещения. Это было идеальное место, где можно было бы остаться на очень долгий срок, и при необходимости прибегать к посещению жилых домов, чтобы пополнять запасы пищи. Конечно, безопасность этого места была поставлена под вопрос, и Майкл не хотел бы пережить очередное нападение, когда он итак чудом остался в живых. Но всё же туша огромного убитого монстра придавала больше страха не со стороны того, кто стал причиной этой смерти, а тем, кто мог повторить эту незавидную судьбу.

Уже несколько часов Майкл шел бок о бок с Марией и не сказал ей ни слова. Он смотрел куда-то под ноги, полностью пустыми и безжизненными глазами, даже не обращая

внимания на то, что не раз запинаясь по пути. Мария внимательно смотрела в глаза друга, гадая, о чём именно он думал. Она прекрасно понимала, что он не *здесь*, и не хотела его тревожить.

В какой-то момент мужчина остановился и, посмотрев в лицо Марии, улыбнулся. Она ответила ему взаимной улыбкой. Всё было хорошо.

Майкл выстроил в своей голове не то, что необходимый к исполнению план, а так, слабое желание, которое было не особо-то и нужно. Торопиться им было некуда, поэтому Майкл мог побродить с Марией кругами, чтобы отдохнуть и расслабиться. Можно было посетить какой-нибудь минеральный источник или крупную лесную рощу. Майкл не видел сильного требования в том, чтобы найти определённое место и жить там, пока не случится что-то громкое, необычное, то, что заставит обратить на себя внимание.

Когда же за последнее время Майклу удалось пережить множество удач и неприятностей, он всё же пришел к мысли, что ему безразличен смысл жизни и всё вокруг, лишь бы рядом находилась Мария. Даже перспектива того, что они будут жить *вдвоём*, уже не нервировала его.

Они шли по знакомому шоссе, иногда переходя через поля и леса в совершенно другие и незнакомые места, выискивая что-нибудь красивое и необычное. Прикидывая в голове карту местности, Майкл даже надумал посетить несколько крупных и небольших городов. Там он смог бы посмотреть, как сильно изменяется то, что осталось на этой земле от человека, и Мария бы нашла в этом занятии плюс, засыпая в прохладные ночи на мягких и тёплых кроватях.

Когда они оба проходили через самые разные встречающиеся в природе виды, то стало заметно, как Мария начала оживать. На лице её стал выступать здоровый румянец, а глаза блестели от удивления и лёгкого трепета, когда виды действительно захватывали дух.

— Как жалко, что мы больше никогда не увидим такие превосходные виды, — проговорила девушка, когда стояла над рекой на скальном выступе. Майкл в этот момент смотрел в сторону запада и прикидывал идею посетить один довольно крупный город, в надежде найти что-нибудь интересное.

— Не думай об этом. Этот вид навсегда останется в наших воспоминаниях, и мы сможем посещать его тогда, когда захочется. — Майкл обернулся к девушке, чтобы утешить её, и та лишь невинно улыбнулась в ответ. Однако взгляд её был до боли печальным.

Майкл уже не знал, чем именно он может помочь Марии, чтобы та тосковала меньше, и по возможности приободрилась. Он и в себе уже не первый день ощущал какую-то черноту и тоску, но Мария волновал его больше всего. Едва-едва ему удавалось лишь на секунду замечать живой блеск в её глазах и то, как она сияла от радости и возбуждения, но это продолжалось недолго, и только тогда, когда девушка была чем-то сильно увлечена. Он размышлял о том, что постепенно их жизнь склонится к какому-то скучному и ужасно нудному быту, который отчасти будет бесполезен и ни капли не долговечен. Когда-нибудь они полностью позабудут о *радостях жизни*, проживая каждый день в тяжёлом труде, чтобы просто существовать дальше. Даже перспективы возможных прожитых лет были каким-то туманными, так как Майкл всё чаще и чаще ощущал растущую в воздухе угрозу, которая почему-то была то слишком близко, то очень далеко.

Ближе к ночи они оба оказались на территории города, и даже находились в вполне просторном и приятном на вид районе, где можно было благополучно переночевать. Особого требования к домам не было, но первый в который они вошли оказался почти что

разрушенным изнутри. Вся мебель и прочие удобства были уничтожены, разорваны на маленькие куски и раскинуты по самым разным углам. Обои ободраны и исцарапаны, в стенах были маленькие, но многочисленные дыры, вся мебель, на изготовление которое пускали кожу, превратилась в мусор. Этот дом выглядел так, словно внутри него был неумолимый ураган, неспособный насытиться. Таким же оказался и второй дом, и третий.

Все жилые здания внешне выглядели более-менее опрятно, даже ухоженно, но они хранили в себе сплошной беспорядок.

Посещая один дом за другим, Майкл внимательно прислушивался к окружающей тишине, которая казалась чересчур враждебной. Если раньше он мог заметить какой-нибудь слабо заметный шорох или движение, то сейчас всё было окончательно мертво. Складывалось ощущение, что даже самые последние и незначительные живые создания на территории города исчезли. Нет ни жуков, ни птиц, ни каких-либо других животных... Никого. Этот город — а возможно, и все остальные — превратился в огромное кладбище, чьи могильные надгробья-небоскрёбы возвышались до небес.

— Мы устали, и нам ничего не остаётся, кроме как остаться здесь, — проговорил Майкл. — Но не волнуйся, это только на время. Может быть здесь ещё что-то осталось, но я уже начинаю сильно сомневаться.

Майкл всё сильнее и сильнее ощущал растущее в нём недоверие к городу, к его серым зданиям и гробовой тишине. Но всё же неумолимая, и в то же время почти что призрачная надежда не позволяла ему так быстро прекратить странствия. Он будет рад даже маленькой жестяной банке, в которой ещё могла сохраниться еда. Больше же хотелось посетить какую-нибудь художественную галерею или музей. Вид многолетних изобретений и нарисованных картин мог вновь вдохновить его и Марию. Серость и скука уже начинали давить на сознание; он постепенно ощущал уныние и подавленность. Эта общая слабость странно резонировала с физической немощью, будто скука действительно могла убить, а вслед за ним и его спутницу. Боялся ли он напрасно или нет, но он продолжал верить в эту закономерность, постоянно замечая тоскливое и безразличное лицо Марии. Когда ещё несколько дней назад она радостно улыбалась, он ощущал те же приятные эмоции внутри себя, но сейчас эта девушка медленно увядала.

Выбор был сделан: они вместе остановились в одном из этих мёртвых домов. Оставшиеся обивки диванов, кроватей и кресел были мягкими, и это было единственное ложе, на которое можно было прилечь и отдохнуть. Находясь среди тишины и смрада, оба гостя уснули.

В течении следующего утра и всего дня, обездоленная пара пыталась гулять по городу, чтобы хоть чем-то себя занять, надеясь найти что-нибудь удивительное и интересное. Пытаясь пользоваться выцветшими указателями и сгнившими картами, Майкл и Мария только ходили кругами, всё чаще и чаще уходя куда-то в тупики. Иногда попадались здания, вполне пригожие для того, чтобы посчитать их за какие-нибудь музеи или галереи, но они были или совершенно опустошенными, или в них и вовсе не было возможности войти. Так, день уже приближался к завершению, и общее состояние заставляло желать лучшего. Проведя в тоске, без какого-либо увлечения и увеселения, сил не оставалось даже на банальные мысли о безопасном ночлеге. Майкл уже и сам хотел любым способом приободрить Марию, но у него не было ни сил, ни желания, ни настроения. Сама же девушка будто ощущала это, и невольно отдалялась от мужчины.

Проходя в каком-то забытьё весь день, Майкл заметил одну странную особенность: в

течении всего времени он не увидел ни единого тела.

Сейчас, он сидел в углу тёмной комнаты, на восьмом этаже многоэтажного дома. Мария сама нашла это место, и пришла сюда, словно ведомая незримым магнитом. Она быстро уснула на куче обивки, пока мужчину мучила бессонница. Он ощущал глубоко внутри себя, что что-то происходит, будто какая-то энергия струится сильными потоками вокруг него, но всё было также тихо и невнятно.

Отдохнувши телом, но не уставши мысленно, он невольно начинал обдумывать прошедший день. Несколько часов он вместе с Марией бродил по городу, заглядывая в самые разные переулки и тупики. Всё вокруг так же было тихо, как и с самой границы города. Вместе они пробрались практически в центр, в сердце огромного мегаполиса, но на его пустых и грязных улицах ничего не говорило о том, что здесь когда-то жили люди. Только здания, величавые, пустые и молчаливые. Это было странно. Пугающе. Он прекрасно помнил, как некогда вместе с Марией бродил по другому городу, и видел чуть ли не горы мёртвых тел... но не сейчас. Эта необычная тишина и пустота пугала, эта загадка проникала в самое сердце, заставляя трепетать телом и разумом. Но страшнее всего Майклу было не оттого, что всё это каким-то образом произошло, а неясность самой причины произошедшего. Города — а Майкл не сомневался, что аналогичная ситуация происходит и в других населённых пунктах — стали враждебно пустыми и тихими, и у этого должна была быть причина.

Ответ, а точнее догадка, пришла на ум сама собой: когда спавшая Мария перевернулась на другой бок, то потревожила гору обивки, из-за чего некоторая часть осыпалась на пол. Крысы. На мгновение Майклу показалось, что бедную девушку с ног до головы окружило неисчислимое множество отвратительных грызунов, и они копошились на ней, одной большой кучей. И как он только мог позволить Марии прийти сюда, как он сам решился на такую опасную глупость? Все эти опустошенные дома, исчезнувшие тела, изгрызенные и уничтоженные предметы мебели, дыры в стенах! С самого начала их похода по городу все эти подсказки были на самом видном месте... а Майкл их просто не замечал, будто и не хотел замечать.

Майкл уже приготовился сорваться с места и умчаться с Марией прочь, как можно далеко от этого города-ловушки, но остановился. Окружающая его тишина одновременно и тревожила, и успокаивала. Он начинал задумываться: «Если же где-то здесь и остались ещё крысы, то мы бы их неприметно заметили». Но ни в богатом районе, ни на улицах среди небоскрёбов, ни внутри других зданий. Везде было пусто. Будто... все они сбежали или исчезли как тела на улицах. Но на смену одной мысли приходили другие. Майкл начал размышлять о судьбе городских грызунов более глобально, чтобы самому понять, стоит ли ему успокоиться и жить дальше, или бежать, спасая свои жизни.

Последний раз, когда он находился в компании этих отвратительных существ, когда имел возможность наблюдать за ними или слышать их, то ему доводилось насчитывать стаи, более чем в тысячу голов. Относительно недавно он видел бурный поток этих созданий в канализации, которые даже умудрились заставить всю поверхность над ними ходить ходуном; он также слышал, что эти создания преспокойно ползали меж стен высоких зданий, не зная никакого уединённого и скрытого от них места. Этим животным можно было почуять кругом, источаемое ими зловоние так и впиталось в каждый сантиметр города, словно он сам был построен из крысиных туш. Но сейчас было слишком тихо и спокойно, только неприятный запах оставался на улицах и в домах, напоминая о том, чья это была

территория. Если же крысы не были в домах, не бродили как люди на улицах, значит, они могли сбежать в леса и луга, пытаясь найти себе пропитание и новое жилище. Не имея природных врагов на территории городов, — а Майкл помнил своё замечание, что лесная живность всё никак не желает идти в некогда заселённые людьми территории, — эти маленькие вредители легко могли развить стаи до миллиардных исчислений, используя себе в питание самыми разными вещами. Если бы все эти кучи выбрались за черту городов, то они бы перевернули с ног на голову всю фауну планеты, став новой ненасытной силой. Такие перемены Майкл бы давно заметил. Оставалось только рассчитывать и надеяться на то, что этих созданий будет держать в узде страх перед открытыми пространствами и неизвестностью, и, таким образом на каннибализме и охоте за собратьями будут возвращены такие чудовища, что в качестве пищи будут использовать только представителей своего семейства. Но для эволюции подобных крысодавов потребовалось бы множество лет, чтобы они стали абсолютно безопасны для других живых видов. Майкл с Марией оказались на территории города, когда мир лишь мгновение назад ещё нёс на своих плечах человечество, и ещё толком не смог осознать такую колоссальную потерю. Это значило, что опасность находилась сейчас где-то рядом, где-то глубоко под землёй, пытаясь сводить концы с концами, и мучаясь от растущего и мучительного голода. И, пока Мария и Майкл не привлекают к себе внимания, можно не волноваться, что резко произойдёт неожиданная катастрофа.

Майкл медленно подошел к спящей девушке и осторожно посмотрел на её лицо. Она спала тихим, крепким сном, и даже хождения Майкла взад-вперёд не разбудили её. Он смотрел с лёгким упоением, наслаждаясь этими осторожными и худыми чертами лица, этой невинностью и спокойствием. Недавние переживания о царящей в городе опасности исчезли. Даже ранние ужасные мысли сменились каким-то ребячеством. Мария была расслаблена, во сне она излучала умиротворение и лёгкость. На неё невозможно было посмотреть без улыбки.

Майкл продолжал смотреть, и никак не мог оторваться. Ему доставлял вид этой спящей девушки, которая, не смотря на царящие в жизни перемены и ужасы, могла легкой отторгнуть все страхи и переживания, углубившись в сладкие сны. Майкл даже завидовал этой наивности, и был готов брать на себя любые сложности и муки, лишь бы Мария дальше могла хоть на пару часов спокойно вздремнуть. Испытывая старый, уже давно забытый порыв внутренней доброты и тепла, он осторожно потянулся к девушке, чтобы бережно погладить её волосы. Так он не раз делал со своими спящими братьями, когда те, наигравшись на улице, мирно засыпали на кровати; когда его жена возвращалась утомлённая, грустная, и словно преображалась, засыпая недалеко от своего любимого. А сейчас их место заняла Мария, такая же умиротворённая. Когда же Майкл хотел осторожно погладить её волосы, то резко отдернул руку. Его сразу же напугал вид того, что к столь прекрасной и невинной девушке тянулась страшная чёрная конечность. Не сразу он вспомнил и понял, что это была его собственная. Но на общем фоне, она выглядела чересчур угрожающе, будто одним прикосновением можно было разбудить девушку и вернуть её обратно в этот мрачный, жестокий и умирающий мир.

Крепко сжав руку, он будто готовился к тому, что резко потеряет над ней контроль, но и держал он её другой рукой, которая стала точно такой же. И это касалось не только рук, Майкл прекрасно помнил, что схожие изменения также затронули и его грудь. С каждым днём его тело всё сильнее и сильнее предавалось изменениями. «Это произошло из-за

стресса» — пролетели в голове уже знакомые слова. Слова, которые сказал Стрелок, когда впервые увидел эти странные изменения в своём бывшем друге. Если же он был прав, то Майкл будет изменяться дальше, и в конечном итоге перейдёт такой порог, за которым даже и представить себе не мог возможный результат. Что именно произойдёт с ним, какие могут быть ощущения, когда он полностью погрузится в эту страшную чешуйчатую оболочку? Вся ситуация всё больше и больше походила на проклятье. Изначально, его окутал страх, и тогда оставалась возможность ампутировать себе руку и сохранить жизнь, но сейчас это было уже невозможно. Вскоре он окончательно переродится, и, ему не удастся сбежать, как бы сильно ему этого не хотелось. Это выжидание наполнялось чувством страха, схожего со страхом смерти. Только одно могло всё ещё радовать его...

Он уснул рядом с девушкой, уткнувшись лицом в собственные колени. Так они провели всю ночь, и очнулись только на рассвете.

В течении следующего дня, Майкл начинал задумываться о том, что им следует как можно скорее покинуть территорию города, и ни раз пытался объяснить это Марии, но девушка, по неизвестной причине, сопротивлялась, словно что-то держало её *здесь*.

Она не собиралась куда-либо уходить, всё время продолжая следовать за Майклом, но старалась не идти с ним к выходу из города, а только останавливалась и многозначительно смотрела на мужчину. Майкл перестал слышать её голос, будто она настолько была не в настроении, что даже его звук был ей неприятен. Она всё ходила и ходила поодаль от своего проводника, рассматривая различные здания и всматриваясь куда-то в стороны дальних строений.

Вскоре Майкл с Марией проходили одну небольшую площадь, которая сильнее всех привлекла внимание девушки. Это было какое-то около-религиозное место: нередко попадались ещё уцелевшие лавочки, носившие на себе католическую символику; часто попадались накренившиеся и упавшие книжные шкафы, в которых ещё можно было увидеть различную литературу; везде были занесены различные благородные образы, цитаты, символика. Вдали этой площади стоял огромный собор, от которого Мария не могла отвести взгляд, и будто хотела войти в него. Майкл быстро понял эти намерения, по взволнованному поведению девушки, и решил сопроводить её.

Собор внутри не выглядел так же заброшенно, как и многие другие здания в городе. Он, конечно, был сильно обезображен из-за того, что за последние пару лет человечество — а также всё, что оно построило — было уничтожено или разграблено, но в любом случае здание выглядело целым. Майкл не смог предать особого значения этому месту, — оно было крупным, один в один похожее на любой другой религиозный собор или церковь.

Находясь же внутри, мужчина видел белоснежные стены, на которые были нанесены множественные портреты, иконы и рисунки маленьких херувимов. Некоторые из окон были целы, через установленные мозаики проходил свет, раскрашивая пол во множество цветов. Даже будучи заброшенной на пару лет, собор оставался удивительно чистым, и из-за белоснежных стен даже самые тёмные и отдалённые углы казались достаточно освещёнными. Возникало ощущение, что свет никогда не сможет покинуть это здание, пока не рухнет самая последняя стена, пока не свалится последний золотистый канделябр, пока не разлетится в щепки стеклянные витрины, пока не покроется мхом Его образ. Всё помещение дышало какой-то энергией, каким-то спокойствием и умиротворением, которыми каждый угол здания пропитался за множество лет службы. Но в то же время, Майкл чувствовал себя неправильно, будто здесь ему не место, словно он оскверняет это

помещение своим присутствием. Дальше порога большого зала Майкл не прошел. Мария, словно ведомая кем-то направилась в самую даль, медленно приближаясь к огромной статуе распятого Христа. Не дойдя до подножья постамента и пары метров, она упала на колени и склонила голову. Майкл уже был готов побежать к девушке, чтобы помочь ей, но остановился, увидев, как грубо поднималось её тело в жалобных всхлипах. Майкл ничего не слышал, но зорко видел то, как Мария плакала. Он ощутил то, что девушке требуется уединение, что происходящее сейчас слишком личное, и, Майкл сразу же покинул огромный зал.

Пока он покидал пределы собора и тихо ждал возвращения подруги на лестнице площади, Мария никак не желала отходить от огромной статуи. Вся ноша, все страхи и муки, что носила она в себе уже долгое время, разом покинули её. Пока слёзы выливались из глаз нескончаемым потоком, перед её взором всплывали старые и уже знакомые моменты. Она видела своё мучительное заключение в подвале у обезумевшего священника, видела ужасы разрушенного мира, одиночество, ссоры, вражду. Все эти воспоминания дополнялись знакомыми отвратительными запахами, которые так и ждали, чтобы всплыть из памяти вместе с яркими образами. Было множество запахов, хороших и плохих, но сильнее всего её грудь душил тошнотворный смрад крови и гнили. Мария свободно позволяла всем порывам подхватить её и нести навстречу бóльшим страданиям. Эти воспоминания, ощущения, всё сильнее и сильнее надрывающийся плач, рвущий её сердце и больно жалящий в груди мрак, довели её до иступления. Она не могла успокоиться, не могла дать себе и минуты передышки; в её глазах стоял образ того, что ей следует перейти границу недозволенного, переполнить ту самую чашу терпения и спокойствия, чтобы познать ещё большие границы возможного. Даже мысли о чём-то светлом и хорошем не задерживались в её голове, все воспоминания её длительного пути проходили мимо и постоянно повторялись, оставляя только место для боли и жестокости. Она страдала, и специально мучила себя у ног своего возлюбленного.

Но вот уже муки начали переходить допустимый порог; что-то внутри девушки начало сопротивляться всему этому ужасающему представлению и искуплению. Глаза её продолжал обжигать непрекращающийся поток слёз; веки и щёки раздулись и покраснели; боль была такая, словно в глазницах зажгли огонь. Руки Марии сами потянулись к глазам и пытались стереть этот непрекращающийся всплеск, всё проводя и проводя пальцами по коже. Но они не останавливались. В ещё большем припадке иступления, нахлынувшего страха и безумия, девушка начала царапать лицо. В начале появлялись лёгкие покраснения на коже, потом царапины становились всё глубже и глубже. Вскоре слёзы окрасились в кровь, но даже так, они не прекратились. Мария всё царапала и царапала лицо, не обращая внимание на растущую боль и слабость. Не способная справиться со своей напастью, она стала сильнее бояться и злиться на себя. Лёгкие её были переполнены запахом свежей крови, — она задыхалась от него, невольно продолжая дышать всё чаще и чаще. В какой-то момент всего этого ужаса, она бессознательно упала на пол. Что-то щёлкнуло в её голове, огромное множество мыслей и идей разом нахлынули в её сознание, и от этого резкого удара она осела... не помня себя, не чувствуя себя.

Когда снаружи собора наступал вечер и солнце уходило за огромные небоскрёбы, Майкл начал переживать из-за длительного отсутствия девушки. Он было уже собирался подняться и вернуться назад, поборов в себе все неприятные ощущения, связанные с внутренней обстановкой и самим поведением Марии, но его отталкивал страх того, какой он

её застанет спустя всё время разлуки. Он то поднимался со ступеней лестницы, то садился обратно, всё думая и думая над тем, что же следует сделать. Он представлял, что если помешает Марии, то она его не простит и будет зла до конца жизни. Возможно, она наконец-то пришла туда, куда подсознательно стремилась уже долгое время, и помешать ей, было бы самым страшным преступлением. Он решился ждать, и если будет необходимость, то прождёт до самого утра.

Но стоило Майклу только смириться с судьбой, как неожиданно позади показалась Мария. Он даже не заметил того, как девушка осторожно подошла к нему, и чуть ли не совершил большую ошибку, когда она осторожно прикоснулась к его плечу. Ощущая растущую радость и облегчение, он приподнялся, но обомлел, увидев внешний вид Марии. За те много часов, что они не видели друг друга, она сильно изменилась: её лицо выглядело покрасневшим и исхудавшим, словно она много дней была без еды и воды. Щеки и область вокруг рта пестрели порезами. Вид её был крайне бледным и болезненным. Волосы были растрёпаны и грязные, глаза выглядели как страшное кровавое месиво, только и проглядывался всё ещё спокойный и добрый взгляд. От глаз шли маленькие высохшие багровые дорожки — на бледной коже они выглядели ужасными шрамами.

Майкл собирался сказать что-то, вскрикнуть от удивления и страха, поинтересоваться, помочь, но единственное, что у него вышло, так это только открыть рот. Его поведение и нелепый вид только раззадорили девушку; она мило улыбнулась ему, мол: «вот смотри, со мной всё хорошо». Они бы так и стояли друг напротив друга, не решаясь что-либо сделать. Впервые подобную неловкость нарушила Мария. Она медленно спустилась к Майклу и, взяв его за руку, повела за собой.

Майкл не помнил себя, как в бреду. Необычный вид Марии напугал его, и он перестал что-либо осознавать. Только смутные картины всплывали в голове: как он шел за ней, не зная куда, как всё вокруг было тихо и умиротворённо, как все другие страхи и переживания таяли лишь от того, что в руке он ощущал её тёплое и мягкое прикосновение. Пришел он в себя не скоро. Солнце успело зайти за горизонт, и, Майкл находился в какой-то незнакомой квартире, такого же незнакомого дома. Вокруг было темно, и только тёплое тело спящей Марии ощущалось под рукой. Она уснула рядом, практически под боком у него, или же она сама положила его рядом с собой. Он посмотрел на неё, и ощутил, что она изменилась, что стала... другой, словно вышла из собора совершенно другим человеком. Она... стала ближе к нему.

Майкл было хотел отойти и не мешать девушке своим присутствием, но она крепко держала его руку, словно что-то очень ценное берегла у самого сердца. Мужчину начали поглощать самые разные чувства: он испытывал дискомфорт оттого, что Мария резко изменилась, и тем самым выбила и его из колеи. Но в то же время прекрасно осознавал, что совершенно недавно в бессознательном блаженстве следовал за ней по пятам, пока она не привела его в эту квартиру, а после, они просто легли вместе, как маленькие и невинные дети. «Почему она? Почему я?» — мелькнула мысль в его голове, бессвязная, спонтанная, спутанная.

Майкл долго сидел рядом с Марией, не решаясь на любые действия, пока не услышал с улицы странный звук. Снаружи кто-то толкал машины, чем-то трещал и гремел. Поддавшись любопытству, Майкл осторожно высвободил руку из цепкой хватки Марии и осторожно вышел к окну. Он находился на третьем этаже, и, посмотрев вниз, надеялся ничего не увидеть, чтобы всё списать на мираж или сильный ветер. Майкл был бы рад тому, что

ошибся, но выглянув в окно, он увидел отвратительно создание. Высокое существо стояло в переулке облокотившись о стены; оно водило взглядом туда-сюда, выискивая кого-то. И вот оно подняло голову, взглянув прямо туда, где был человек. Он сразу узнал то создание, из-за которого и случилась вся история с Марией и церковью, с чего началась совершенно новая ветвь этого длительного путешествия. Это был тот самый Дуилгримм.

Увидев Майкла, монстр остановился. Длительно он смотрел прямо на человека, словно вспоминая его и смакуя эту встречу после длительной разлуки. Майкл смотрел на это создания, не способный даже пошевелиться, словно прикованный к одному месту. Он всё также не мог оторвать взгляд от тех маленьких глаз-бусинок, которые выглядели как маленькие огоньки. В них всё ещё ничего не читалось, но при одном лишь взгляде, возникало сильное желание бежать и прятаться.

Этот взгляд между ними продолжался несколько минут, но Майкл ощущал их как часы. Они бы стояли так и дальше, смотря друг другу в глаза, выжидая чего-то, пока Дуилгримм не поднял черепо-подобную голову к небу, и не издал душераздирающий крик. Это произошло неожиданно, хоть Майкла от монстра и отделяли расстояние и окно, но из-за громкости этого крика складывалось ощущение, что он издавался чуть ли не в метре. Сразу же зазвенело в ушах, стёкла панически задрожали в оконных рамах, Мария вскочила с постели, будто бы и не спала. Мужчина бросил на девушку испуганный взгляд, и она сразу поняла, что они оба находятся в наихудшем положении из возможных. Не сказав друг другу и слова, Майкл схватил Марию за руку, и они выбежали в коридор. Остаться внутри тесной комнаты не было никакого желания, Майкл спонтанно решил выбежать на улицу, толком и не обдумав план спасения или защиты. Всё же, пока они бежали через другие здания и переулки, что-то говорило ему, что не следует оставаться среди каменных стен.

Перебегая от места до места, никто не терял чёткого ощущения того, что преследование продолжалось. Дуилгримм заметно перебирался через крыши, пытаясь так или иначе сократить путь до своих жертв, или и вовсе идти наперерез. Стоило беглецам только нырнуть в подземный переход, как преследователь находился уже со стороны выхода. Дуилгримм постоянно находился на шаг дальше Марии и Майкла; возникало ощущение, что он и не преследует парочку, а играет с ними. Майкл видел спасение в стенах старого исторического музея, подвал которого представлял собой запутанный лабиринт. Он сильно хотел оказаться там, но Дуилгримм будто специально не позволял им приблизиться к этому месту.

Такой продолжительной игрой в кошки-мышки, Дуилгримм завёл своих жертв на стройку. Было ли это специально задумано или нет, но Майкл был рад даже такой возможности, ибо сразу заметил несколько тоннелей и возможностей спрятаться или бежать. Беглецы спустились вниз котлована, где уже предвидели конец затянувшегося побега, как в нескольких метрах перед ними приземлился спрыгнувший сверху Дуилгримм. Поднявшийся клуб пыли почти что скрыл это создание, но по маленьким глазам-бусинкам его было видно через преграду. Благодаря этим огонькам, беглецы поняли, что существо получал удовольствие от погони.

— Беги, прячься, — шепотом проговорил Марии Майкл. После этих слов он слегка толкнул девушку в сторону, пытаясь отвлечь на себя всё внимание чудовища и дать подруге шанс спастись.

Дуилгримм, словно предчувствуя весь этот план, рывком сократил расстояние до людей и взмахом руки откинул Майкла в сторону недостроенного основания здания. Никто толком

и не смог среагировать на такой исход: Мария от дрожи земли свалилась на землю; Майкл, ударившись спиной о бетонную конструкцию, упал на землю, едва сохраняя рассудок, он пытаясь не терять сознание от головокружения и тошноты. Майкл был крайне удивлён тому, что от сильного удара, — от которого даже откололась часть бетонного блока, — он ещё оставался жив, в себе он не ощущал того, что что-то пострадало, только ноги сильно ныли после приземления. Всё же, оценка собственного здоровья уходила на второй план, — мужчина видел, как Дуилгримм медленно приближался к Марии.

— Дуилгримм! — прокричал Майкл.

Демон остановился, как будто мгновенно попал под гипнотическую команду. Он даже никак не попытался помешать Марии убежать в сторону, только молча стоял и смотрел в пустоту перед собой. Затем он медленно повернул голову к Майклу, и его глаза выглядел особенно странными, словно маленькие огоньки разрослись до настоящих костров. Он стоял истуканом некоторое время, потом неуверенно направился к человеку. Майкл уже перестал чувствовать страх перед этим монстром, он ощущал только злость и ненависть.

«Удивительно, что я тебя не чувствую» — раздался низкий голос в голове Майкла. От него по всему телу пробежали мурашки, Майкл даже не понял, откуда он взялся. Дуилгримм остановился перед человеком и молча смотрел на него, только изредка то поднимая, то опуская оголённую челюсть.

«Ты не такой, как *они*. Ты — другой» — повторился голос. От него в голове начиналась неприятная боль, но Майкл понял, что так общался с ним сам Дуилгримм.

— Убирайся вон, Дуилгримм!

«Удивительно... — отвлечённо сказал демон. — Я чую её... этот сладкий запах ужаса и отчаяния, но всё же слабый... что-то мешает ему, что-то внутри неё борется. А ты... ничего. Ты, как мы — никто. Холст из грязи; монумент *Ego* гнева и отчаяния». Дуилгримм внимательно всматривался в Майкла, несколько раз при этом оборачиваясь и выискивая глазами Марию. «Она — фаталистка. Ты — заблудшая овца, идёшь, не зная, чего хочешь, и что тебе надо... — продолжал демон, уже незаинтересованно наблюдая за Майклом. — В ней, только и видишь смысл и жажду к действиям и борьбе, хотя сам же был первопроходцем этих идей... Удивительно...».

— Почему вы убиваете людей?!

Дуилгримм продолжал игнорировать Майкла, будто его вопросы казались какими-то бессмысленными, что в них даже и вслушиваться не стоит: «Маленький... Маленький человечек, страдающий абулией». После этих странных слов, Дуилгримм с каким-то растерянным видом — если его можно было к нему приписать — начал отворачиваться от Майкла, смотря в ту сторону, куда скрылась Мария.

— Стоять! — снова выкрикнул Майкл. Дуилгримм никак на это не отреагировал.

Это огромное создание медленно начало ходить по стройке, надеясь найти девушку. Он никак не обращал внимания на мужчину, не ставя его ни во что. Если же Майкл ничего не сможет сделать, то это создание рано или поздно найдёт беглянку, и это не закончится ничем хорошим. Человек ещё несколько раз пытался привлечь монстра, но ничего не вышло. Единственно дельным — но достаточно безумным — вариантом чтобы что-то предпринять оставалось только то, что Майкл нападёт на Дуилгримма. Этот план казался даже хорошим, если бы не то, что разница у них составляла несколько тонн веса и дополнительных метров высоты. Это была почти суицидальная мысль.

Собравшись силами, Майкл пошел на демона, до сих пор испытывая лёгкий страх перед

этим огромным исполином. Чем ближе он становился к этому созданию, тем сильнее росло беспокойство перед неожиданной кончиной. Майкл тут же издал крик, словно с его помощью он мог перебороть любой страх, и будто только этого крика было достаточно, чтобы сразить Дуилгримма. Ранее безразличный к человеку демон отреагировал на такую наглую выходку и резким движением повторно откинул Майкла в сторону, всё ещё презирая его, как жертву, соперника и собрата.

Упав на землю, Майкл ощутил слабость и тоску, он уже был готов сдаться и попроситься с Марией. Печально посмотрев на демона, он надеялся, что в том проснётся жалость, и он отпустит девушку... только демон этого не замечал. Майклу ничего не оставалось, он мог только сражаться. Вставая обратно, он заметил, как странно вибрирует земля под ногами. Ранее незаметные энергичные движения становились всё резче и резче. Пытаясь найти источник этому ниоткуда возникшему явлению, Майкл коротко заметил сотню маленьких огоньков вдали одного подземного тоннеля. Они сразу были узнаны, и никак не обрадовали мужчину своим присутствием.

Майкл, словно ужаленный, побежал прямо к Дуилгримму, пока земля под ногами дрожала более интенсивно. Не думая, что именно стоит делать, и какой исход будет наиболее удачным, он слепо ударил демона в предплечье. Даже и не обдумав этот удар, он не стал сжимать кулак — что, обычно, сделал бы из привычки. Выпрямив пальцы, он вонзил их в плоть монстра, словно вся его кожа была каким-то большим и острым клинком. Почерневшие и заострённые пальцы руки вошли в плоть, как в воду, почти без сопротивления.

Дуилгримм заметил нанесённый ему удар и зарычал от боли. Он резко поднял лапу и начал всматриваться в рану, пока Майкл убегал в сторону. «Удивительно...» — послышался голос в голове Майкла, пока тот надеялся найти Марию и помочь ей сбежать со стройки, до того, как они все погибнут.

— Мария! — кричал Майкл, беспорядочно оглядываясь по сторонам и заглядывая за каждую бетонную плиту.

Девушка возникла неожиданно, как из ниоткуда. Она выбежала из тёмного угла и сразу же побежала на встречу к Майклу. Их воссоединение не оказалось драматически-трогательным, как это могло представиться ещё минуту назад. Майкл, не останавливаясь, схватил Марию за руки и побежал прямо к покосившемуся строительному крану. Дуилгримм всё ещё не стремился гнаться за ними, — не было слышно, что он даже делает хоть какие-то шаги в их сторону.

— Быстро! залезай! — кричал Майкл, приказывая девушке подняться по хлипкой и ржавой лестнице. Мария ничего не понимала, и была слегка напугана поведением Майкла, нежели тем, что недалеко от них всё ещё находился монстр. Но всё же она полезла наверх, и Майкл последовал за ней.

Дуилгримм увидел, как беглецы сами себя загнал в тупик. Медленным шагом он направился к ним издавая странные звуки, издали похожие на смех. Когда же он подошел к крану вплотную, то Майкла заметил, что по краям котлована стали образовываться тёмные движущиеся силуэты и тени, что медленно росли и приближались к людям и демону. Дуилгримм не обращал никакого внимания на эти фигуры, Мария только спрятала лицо, уткнувшись в плечо Майкла.

Демон поднял огромную руку, чтобы разом обрушить её на строительных кран и повалить с ним Майкла и Марию. Собираясь уже опустить массивную конечность, он

остановился. Дуилгримм почувствовал, что что-то ползёт по его ноге. Он наконец-то удостоил своим вниманием то, что так шумно и жадно копошилось вокруг. Это была огромная стая крыс, возможно, собравшаяся со всего города. Эти грязные, побитые, исцарапанные, больные создания жадно смотрели на монстра, и даже не стеснялись подходить к нему вплотную, несмотря на колоссальную разницу в силе.

Голодающие уже не первый день, сводящие концы с концами, этим зверьки видели в Дуилгримме более жертву, чем опасного хищника. Их было десятки тысяч, а он был один. Некоторые особо голодные уже начинали подниматься по демону, царапая и покусывая его плоть, остальные же старались держаться в стороне, то отбегая, то приближаясь к монстру. Живое кольцо всё же не долго пульсировало в этом танце, становясь всё теснее и теснее.

Раздраженный такой помехой Дуилгримм давил этих маленьких создания, гневно рыча, желая спугнуть и не тратит время и силы, но ему только удавалось на время отгонять голодных созданий. Вскоре, остальная толпа крыс не удержалась от искушения — вид запуганной жертвы до того их раззадорил, что они всем скопом прыгнули на монстра, не боясь участи быть раздавленными этим созданием. Они вгрызались в его плоть, залезали в самые разные отверстия и раны, желая извести монстра и дать ему погибнуть. Они окутали своими шерстяными телами каждый сантиметр огромного тела, не переставая перебегать от одного места к другому, создав гигантский живой и пульсирующий ком. Дуилгримм в начале ещё пытался сопротивляться, даже несколько раз крутился из стороны в сторону, параллельно раздавливая своих неприятелей, но количество крыс на его теле только росло. Все этим маленькие создания задавили чудище, лишив его последнего шанса на сопротивление и спасения. Дуилгримм только и смог, что издать посмертный вопль, полный неподдельного отчаяния.

Вся эта расправа над страшным созданием продолжалась много часов. Всё это время Майкл продолжал стоять на лестнице строительного крана, крепко прижимая к себе Марию и, параллельно, держась за балки. От того, что он почти не спал и очень долго убегал от Дуилгримма, — даже пытался с ним сражаться, — веки его медленно закрывались. Когда основная опасность миновала, Майкл почувствовал сильную усталость, что неумолимо окутывала его. Глаза закрывались, а звуки становились отдалёнными и неразборчивыми, но всё же он мог думать только о том, что не должен отпускать ни Марию, ни опору крана.

Борясь с собственной слабостью и бессилием, Майкл уснул.

Глава 15. Признание

Глава 15. Признание

Крепкий сон Майкла потревожил холодный ветер, что дул в спину. Он сразу же узнал эти ощущения, этот запах, что нёс с собой непрерывный поток. Тоска, аромат опавших листьев, и некая нотка меланхолии. Наступала осень, и Майкл прекрасно ощутил её приход. Ничего хорошего она с собой не несла, только мрачные представления более страшной зимы, что уже была не за горами. Желая всем сердцем дальше окунуться в спокойные сны, Майкл всё же был вынужден открыть глаза.

Ему пришлось очнуться в той же позе, в которой он беспомощно заснул: крепко обхватив Марию и держась изо всех сил за строительный кран. Девушка в крепкой хватке не спала, а безразлично смотрела мужчине через плечо. Ведомый любопытством Майкл также обернулся и увидел почти пустой котлован. От ночной борьбы остался только широкий багровый след, уходящий вглубь подземных тоннелей. «Должно быть, их было так много, что они смогли унести его тело в логово» — подумал Майкл, печально смотря в пустое пространство.

Мария никак не отреагировала на то, что её спаситель проснулся, только покорно оставалась в его объятиях, ожидая дальнейших действий. Майкл и не хотел спускаться вниз и куда-то идти. Сейчас он чувствовал себя в безопасности, ему было тепло и мягко; он желал, чтобы этот момент длился бесконечно, но всё же, требовалось действовать. Невольно в голове блеснула жадная мысль, что если бы он и сам был готов стать неким безопасным прибежищем для Марии, хоть рискнув собственной жизнью, то от неё он не мог требовать аналогичного. Как решение всех бед и угроз он видел только одно: возвращение назад, туда, где он впервые встретил Марию, где и начался их путь.

Спускаясь с лестницы, он заметил, как крепкой хваткой за балку во время сна, он сжал её, как клочок бумаги. Возможно, именно благодаря тому, что пальцы застряли в металле, он и смог удержаться от падения, рискуя и своей жизнью, и жизнью Марии. Это было безрассудно, рискованно, и Майкл даже возненавидел себя за такую слабость, но всё же, признал, что другого выбора не было.

Оказавшись на земле, пара направилась вон из города, молча надеясь скорее покинуть его территорию. На улицах было так же пусто, как и пару дней назад, словно целый город окончательно вымер, и вокруг не было ни намёка на какую-либо живность. И это вызывало отчасти отвращение ко всему: к домам, улицам, дорогам, переулкам. Словно все эти постройки и места специально молча выжидают несчастных жертв, что вот-вот окажутся в смертельной западне. Будто этот город был жив и умышленно сговорился с отвратительными крысами, наслаждаясь расправами над незваными гостями. Но Майкл прекрасно понимал, что вся эта «живность» сейчас живёт глубоко под землёй, и никто не в силах им помочь; они выжидают другую жертву, что наряду с Дуилгриммом нечаянно даст о себе знать.

Ступая рядом с Марией, Майкл не мог прекратить думать о будущем, о том, что ждёт их этой зимой. Он сравнивал ситуацию в последнем городе, и визуализировал её на остальных, теряя какую-либо надежду на то, что им удастся найти себе пищу и кров. Безнадёжность медленно подкрадывающегося рока нагоняла более глубокую тоску и отчаяние. Майкл не видел никаких решений будущих проблем — ранее построенные планы уже казались

невозможными для исполнения. Он опоздал, он был глуп, и теперь за это придётся платить, если не через месяц, то через другой. Он всё сильнее и сильнее верил, что эта зима станет последней.

Мария и Майкл шли целый день без какого-либо отдыха и еды, словно в бреду. Он не чувствовал себя, полностью отдавшись размышлениям, отвергнув мир и все потребности. Мария шла рядом с ним, от волнения лишь несколько раз взглядывалась в глаза друга и легонько трепала по плечу. Она ничем не могла помочь ему. Девушка испытывала голод, усталость, её тело дрожало от растущего холода, а спрятанное за тучами солнце никак не согревало. Складывалось ощущение, что причиной холода был Майкл, до необычного отречённый и понурый. Но, как и раньше, она покорно продолжала следовать за ним, плотно прижавшись к нему, по-особенному ласково.

Дорога их была донельзя безмолвной и одинокой. Прошло уже более двенадцати часов, как они начали последний путь, но Майкл так и не возвращался из раздумий, словно заблудился в лабиринте собственных мыслей. Марии пришлось ухаживать за ним, как за маленьким ребёнком. Когда он начал сутулиться и запинаться о собственные ноги, она осторожно остановила его и посадила на землю, и он даже не сопротивлялся. Ей пришлось кормить его с ложки, бережно контролируя каждое действие, и в эти минуты, он выглядел особенно страшно. Не отходя от Майкла ни на шаг, Мария провела с ним бок о бок всю ночь, успев уснуть только на пару часов.

Когда же на следующий день, Майкл всё же смог прийти в чувство, то неприятные боли в голове не давали покоя. Всё тело ныло и чесалось, он даже не заметил, как вместе с Марией успел пройти крупный отрезок пути. Уж слишком странно он ощущал себя после встречи с Дуилгриммом, и новое состояние просто не давало ему покоя. Всё это произошло неожиданно и резко, приятные и спокойные дни один на один с Марией молниеносно сменились какими-то мрачными и подавленными. От этого можно было сойти с ума.

Уже через несколько дней они вернулись в тот самый город, откуда и начали путь. Это было всё такое же тихое и непримечательное место. После произошедшего в большом мегаполисе, Майкл всё меньше и меньше думал о том, чтобы вообще жить в каком-либо населённом пункте. Но мысль, что *этот* город гораздо мельче, всё же немного успокаивала его. В тихом, и достаточно огороженном месте, он видел самый безопасный дом.

Взвешивая время пребывания в каком-нибудь лесу, лугу или деревне с жизнью в городе, он всё сильнее склонялся ко второму. Надежды на работы в поле у него не было, им просто не хватало времени, чтобы изучать фермерское хозяйство. Были даже глубокие сомнения о том, что где-то в маленьких и одиноких деревнях остались призрачные запасы пищи, Майкл сразу признался себе: эти резервы давно были истреблены кем-то другим.

Проходя очередной раз по знакомым улицам, Майкл и вовсе их не узнавал, уж сильно осень и прошедшие месяц повлияли на этот город, словно в нём прошел не один год. Да, могло показаться, что сезонные перемены прошли слишком резко, но природа итак начала вести странную игру после вымирания человечества.

На подходе к уже знакомой церкви сразу был замечен изменившийся парк: большая часть листвы опала, пару яблонь ещё держали на себе свежие плоды, который со дня на день должны были свалиться под собственной тяжестью. Было даже удивительно, что крысы — в наличие которых Майкл не сомневался — избегали это место, или, быть может, просто и не догадывались о его существовании. Сад пах пришедшей осенью и между запахом листвы не прослеживался аромат яблок. Это была хорошая новость, и частично облегчало ближайшую

жизнь Марии и Майкла.

На подходе к зданию, девушка странно и многозначительно смотрела на церковь, точно вспоминая всё, что было внутри её стен и под фундаментом. Майкл только чувствовал лёгкую дрожь, прошедшую по всему телу, во всех деталях вспоминая приход, заключение и побег. Здание почти не изменилось, только окна и стены стали чуть более грязной. Открытая ранее нараспашку дверь была закрыта. «Наверное, ветер» — подумал Майкл.

Не только внешне не изменилось церковь — внутри неё всё также оставалось на своих местах. Набросанные друг на друга скамейки, шкафы и канделябры стояли именно там, где их и оставили во время своего ухода Майкл и Мария. Всё было слишком чисто, спокойно и цело, словно кто-то здесь уже побывал. Только одна вещь находилась не на своём месте, точнее, она полностью исчезла: тело змееподобного чудовища. Ничего от него не осталось, кроме пары старых и засохших пятен на полу. Некогда пробивший череп монстра крест лежал в противоположной стороне, будто бы грубо откинутый посторонней силой. Майкл бы сразу списал всё это на крыс, но он ни за что бы не поверил, что эти создания могли просто откинуть в сторону такую тяжесть, и — тем более — высвободить остальное тело из-под него. Никто другой просто не мог такое сделать; некому было приходиться сюда и забирать медленно разлагающееся тело чудовища. Наблюдая за тем, как пусто зиял спуск в подземный тоннель, и лишь гадая о том, как и почему всё это произошло, Майкл с Марией стояли в ступоре в дверях. Это было до того неожиданно и странно, что Майкл, простояв несколько минут, начал разворачиваться, чтобы найти другое, более безопасное прибежище. Но стоило ему только повернуться в другую сторону, как девушка крепко взяла его за руку и вошла внутрь. Мария окончательно решила остаться в этом месте, и даже *такое* изменение никак не повлияло на её решение. Майкл смотрел на неё и пустое место с каким-то негодованием, будто всё это было связано друг с другом. Из-за этой мысли у него снова начала болеть голова.

Ближе к ночи, парочка решила запереться в уже знакомом кабинете священника, где больше всего ощущала себя в безопасности. Находясь там несколько минут, мужчина быстро подошел к метровому зеркалу и развернул его рабочей стороной к стене. Пребывая там вместе с Марией, Майкл поймал себя на мысли, что его сильно притягивал открытый спуск вниз; ему почему-то хотелось вернуться в то место, где он впервые познакомился с Марией. Эти мысли сначала казались какими-то неправильными и отвратительными: что за желание, вернуться в самое отвратительное, ужасающее, неприятное и раздражающее место? То была пучина кошмаров, плавильня душ и кузница страданий. Майкл до сих пор не мог представить: сколько же людей побывало в тех жутких коридорах, среди постоянной влажности и тьмы, где извечными собеседниками можно найти только холод и одиночество.

Вернувшись к спуску, он не мог перестать смотреть на тот пустой провал, который так и манил спуститься. Тот путь, и лабиринт глубоко под землёй, хоть и казался каким-то ужасным местом, но в то же время чем-то гипнотизировал мужчину. «Испытай себя, — говорило оно. — Окупись снова в этот ужас, чтобы переродиться совершенно в нового человека».

Он бы и дальше стоял на месте, продолжая вглядываться в мрачную лестницу, пока его не отвлекла Мария. Она не разделяла страх — или желание — Майкла; посмотрев чуть меньше минуты на этот знакомый спуск, она вернулась, в более приятное место. Дверь в кабинет священнослужителя знакомо закрипела, словно здороваясь с вернувшимися назад друзьями. Этот звук был приятным, успокоительным: в нём было что-то уникальное,

необычное, что-то, что наделяет эту дверь и издаваемые ими звуки какой-то индивидуальностью. (Насколько бы не было романтизировано это в глазах Марии и Майкла, они всё же ощущали что-то приятное, но неопишное, когда слышали скрип этой двери.)

Майкл наконец-то отвлекся от лестницы. В его голове пробежала мысль, что следует повторно запечатать проход вниз, чтобы он не «мозолил глаза». Вернувшийся, мужчина с улыбкой посмотрел на то, как свободно и без стеснения Мария обошла каждый знакомый угол в комнате священника. Она ждала своего друга внутри кабинета, внимательно всматриваясь в стол и полки шкафа, радостно примечая, что с их ухода ничего не поменялось. Но тут вернулся Майкл, и всё наконец-то было на своих местах, там, где и должно было быть. Вся усталость от затянувшегося и безуспешного путешествия отражалась в печальных глазах Марии, которая перевела взгляд на Майкла, и никак не могла опустить глаза.

В голове сразу всплывали картины того, как Майкл и Мария ранее находились в этой маленькой комнате. Текущая обстановка точь-в-точь повторяла прошлую. «Ну вот, мы здесь, опять... вместе» — читалось в взгляде каждого. Мария многозначительно улыбнулась Майклу и принялась дальше рассматривать уже знакомые полки. Он был рад тому, что он в кои-то веки оказался в месте, которое мог бы назвать безопасным. Для него эта церковь стала поистине значимой.

Следующие несколько дней, после возвращения в исток их длинного путешествия, проходили непринуждённо и спокойно. Ничего необычного не происходило, будто вся случившаяся история, и вся дорога, были какой-то дикой фантазией, только странные изменения в теле Майкла постоянно напоминали о реальности случившегося. В один момент он оставил Марию одну, пока та читала Библию. (Сколько бы Майкл не пытался запомнить или подсмотреть, он так и не понял, читала ли Мария всё это только в первый раз, или уже несколько раз начинала всё сызнова.)

Спрятавшись от девушки, он снимал с себя одежду и разглядывая каждый участок тела. Картина оказалась достаточно неприятной: бóльшая часть кожи уже не выглядела привычно — почерневшие области также имели на себе огромное количество странных наростов и чешуек, что не могло даже и приблизительно почитаться за человеческую; — ноги, руки, и всё туловище были уже *другими*, только через кожу на шеи проглядывались маленькие полосы вен, что чёрными полосами тянулись вверх, будто готовясь вот-вот продолжить трансформацию.

Если бы раньше Майкл и увидел такой исход, то в исступлении мог убить себя, даже не пытаясь взвесить все плюсы и минусы. Сейчас же, эта ситуация рассматривалась с какой-то самобытностью; Майкл лишь уставши выдохнул, словно переживал какой-то период самой просто простуды, такой утомительной и привычной. Что же будет с ним тогда, когда эти чёрные вены доберутся до мозга, когда лицо и голова примет совершенно другой вид... Майкл пытался не задавать себе такой вопрос, но всё же одно неприятное чувство кольнуло в грудь. Это неприятное ощущение было встречено с самой лёгкой улыбкой, которую Майкл мог нарисовать на лице в последнее время. Он чувствовал... он всё ещё ощущал собственное сердце, а значит, он всё ещё был самим собой.

Каждый следующий день повторялся точь-в-точь, как предыдущий. Ничего нового не происходило, каждый угол церкви теперь дышал спокойствием. С одной стороны, это была та самая атмосфера, которую раньше Майкл не мог переносить, — как, к примеру, было на

заводе Стрелка, — но сейчас же, всё воспринималось совершенно иначе. Майкл теперь находился один на один с Марией, рядом не было кого-то постороннего, того, кто ощутимо влиял на девушку. Всё было тихо, спокойно, непринуждённо... Идиллия.

Страх перед надвигающейся зимой временно притупился, и, пока всё имелось в достатке, Майкл даже и на секунду не задумывался о том, что будет происходить дальше. Казалось, что жизнь сейчас преобразовалась в петлю, монотонно проходящей от точки А, до Б, то ускоряясь, то замедляясь, но никогда не останавливая хода. Теперь уже он не мог сказать какой сейчас день и какое время, всё вокруг притупилось и упало; огромное количество важной информации и деталей превратилось в пыль, такую неказистую и бессмысленную. Даже казалось смешным, что раньше Майкл там много боялся различных вещей и событий, который сейчас ничего не значат. Даже тот самый спуск под землю, что ещё недавно напугал и смутил его, превратился в ничто. Сам по себе он остался, занимая при этом достаточно много пространства в главном зале, но в голове Майкла его больше не существовало.

Часами он наблюдал за тем, как Мария смотрит в окна или читает книгу. Иногда он и сам неуклюже присаживался рядом с ней и делал то же самое. Чем дольше он наблюдал за девушкой и повторял её быт, тем сильнее было заметно, что со дня на день Мария становилась какой-то беспокойной. В начале это прослеживалось в её взгляде, потом спокойное дыхание переменялось каким-то удручённым и беспокойным, вслед изменялось движение, повадки. Девушка что-то ждала, что что-то должно произойти, если не в ближайшую секунду, то точно завтра. Это продолжалось пару дней, потом неделю. Если же ближе к концу волнение Марии доходило до предела, и она бездельно смотрела в потолок думая о чём-то своём, то на новое утро она так же была спокойна, как и день назад. Это повторялось снова и снова. В отличии же от Марии, Майкл не ощущал никакого облегчения, — будучи заражённым волнением от Марии, — это жгучее чувство только сильнее и сильнее разгоралось в нём, без какой-либо возможности высвободиться из темницы. И даже частично спокойное лицо девушки никак не успокаивало взволнованного мужчину. Он всё гадал, чего же ждёт она, день ото дня, лишь продлевая это ожидание, без какой-либо задней мысли, что все её попытки и грёзы тщетны, что, прождав впустую несколько дней, ей следует просто забыться. Майкл ничего не сказал ей, только молча наблюдал, готовясь в любой момент сорваться на вырубку, чтобы не случилось, чего бы она не ждала.

Заметив такое странное поведение в лице Марии, Майкл начал чаще пропадать в зале, именно там, где его не видели. Он ходил кругами от одного угла к другому, так и представляя себе, что же ждёт Мария. Он пытался припомнить все события и встречи, что объединяли их. Только вспоминая жизнь у Стрелка, он наконец-то достиг *той самой* мысли: ему вспомнилось, как тот говорил о том, что любые сопротивления и надежды бесполезны. Стрелок не только пытался невзначай убедить Марию и Майкла в том, что жить одним днём было самым оптимальным и спокойным решением, чтобы найти самому себе желанных собеседников и друзей, а как будто пытался намекнуть на что-то важное и неотвратимое. Быть может, пока Майкл путешествовал домой, то Стрелок успел сообщить Марии гораздо больше деталей, чем мог себе позволить при Майкле. Эти мысли только сильнее разозлили его; он очередной раз проклял Стрелка, за то, что он так грубо губил Марию; этот «подлец» просто боялся одиночества и смерти в полном забытье, и Мария казалась для него самым выгодным решением.

— Будь ты проклят, — проговорил про себя Майкл.

Не расспрашивая Марию, не пытаясь самостоятельно рассмотреть или вообразить жизнь Стрелка с совершенно другой стороны, Майкл посчитал его за самого карикатурного злодея, без какой-либо достойной мотивации и страхов. Майклу даже не хотелось говорить о нём с Марией, ибо боялся столкнуться с каким-то сторонним влиянием или привязанностью к этому человеку.

Ещё несколько дней Майкл наблюдал за тем, как Мария день за днём ожидала чего-то. Она так и не заговорила с ним. Её словно сдерживала знакомая только ей обида, но Майкл ничего не замечал, ведь она также спокойно смотрела на него; в её взгляде проскальзывала привычная доброта и ласка. В один момент, пока Мария читала Библию, Майкл подошел к ней, молча сел в метре от неё, и пристально, не стесняясь, смотрел прямо в глаза. Мария заметила это не сразу, но как только поняла, что это продолжается уже не первую минуту, то заметно смутилась. Краска ударила ей в лицо, и она отложила книгу в сторону. Они смотрели друг на друга почти час, не произнося ни слова, не делая какого-либо жеста, полностью бездвижно. Мария с каким-то любопытством смотрела на Майкла, до сих пор не зная, и даже не догадываясь, чего именно хотел добиться этот человек. Она не уставала, не теряла интерес к нему, продолжая всё вглядываться в его грустные, испуганные и печальные глаза.

— Почему ты молчишь? почему ты больше не говоришь мне ни слова? — почти шепотом спросил Майкл.

Все переживания внутри него росли, и он хотел бы избавиться от них, чтобы облегчить жизнь и себе, и самой Марии, но у него просто не было такой возможности. Самостоятельно справиться с всепоглощающими мыслями он просто не мог, и, даже когда он пришел к ней за помощью, та тоже оказалась бессильной.

— Скажи хоть слово, и я воспряну духом. Одно лишь слово, и я излечусь. Уже так долго я тебя не слышал, и, даже начал верить в то, что я просто схожу с ума, что весь мир вокруг меня рушится, что вот-вот... и я окажусь в непроглядной пучине, где нет ничего. Мне страшно и одиноко, и мне не под силу с этим бороться... я чувствую, как будто маленькая часть меня исчезает... какая-то последняя часть... самая важная часть. — Майкл сидел напротив Марии, не в силах уже сдерживать слёзы. Раскрывая девушке своё сердце, ему удалось посмотреть на себя со стороны, увидеть всю ситуацию под другим углом, и он видел поистине жалкого человека. Этот вид и нагнал на него печаль; он скорбел по этому жалкому существу. — Быть может, я всё это заслужил. Быть может, так и надо.

Пытался ли Майкл таким витиеватым способом достучаться до неё и надавить на жалость, чтобы наконец-то получить то, о чём он уже так долго думал и тосковал, или же его сердце было настолько измученно, что в порывах максимализма было готово уязвить свои слабости, в надеждах самоуничтожения. Он уже и не знал, что думать, на что надеяться, и делал просто то, что мог, на что был способен.

Мария всё же что-то почувствовала, когда душа Майкла открылась, и ей явились все переживания, вся боль. Она было открыла рот, чтобы что-то сказать, что-то поведать, но смущённо остановилась и просто промолчала. Майкл это заметил и был сильно опечален. Мария бросилась к другу с распростёртыми объятиями, успокаивая Майкла как могла. Мария прижималась к его груди, но он всё же продолжал ощущать растущую горечь. Они просидели достаточно долго на коленях, Мария даже смогла уснуть, всё ещё обнимая Майкла. Вскоре и ему стало легче; ощущая свою важность он успокоился, но недостаточно,

чтобы смотреть на мир более яркими красками. Он осторожно провёл пальцами по волосам Марии, задумываясь о чём-то, гадая, чего же хочет эта девушка, чего она жаждет и требует. Осторожно переложив её на пол, мужчина тихо вышел из комнаты.

С болью в голове он рассматривал спуск в подземный тоннель, всё доходя до какой-то мысли, но постоянно теряя её; это умозаключение всё время витало где-то рядом, и всегда ускользало сквозь пальцы, стоило только попытаться зацепиться за неё. Он не мог полноценно представить то, что от него требуется, кем он является для Марии, стоит ли вообще ему находится рядом с ней...

Его то притягивали к себе, и нуждались в его компании, защите, решимости и отчаянности, то отбрасывают в сторону, словно старую и надоевшую игрушку. И Мария, и многие другие словно специально крутились вокруг Майкла, то предоставляя тому самостоятельность и одиночество, то повисая на его плечах, прося о помощи и компании. Он в отчаянии обратился к ней... Майкл уже несколько дней страдал и никак не мог получить нужную ему помощь, и вот, когда он оказался на краю той самой пропасти, то был готов упасть. Желал упасть! И не помощь он получил от Марии, не возделенное спасение, что было способно окрылить его. Нет. Мария лишь *поигралась* с ним, дала маленькую надежду на то, что она рядом, что она имеет то, что нужно Майклу, но так ничем не наградила.

Спускаясь вниз по лестнице, Майкл думал, что всё же было лучше, если бы Мария просто бросила его, оскорбила. Если бы она окончательно уничтожила его тогда, когда у неё была такая возможность, когда у неё под рукой было всё необходимое: слова, жесты, даже простой взгляд... но она оставила его на том самом краю бездны. Не толкнула, не оттащила. «Лучше бы я упал».

Майкл очередной раз оказался в непроглядном лабиринте, по спине уже не бежала неприятная дрожь, что прослеживалась при первом посещении. Сейчас всё было спокойно, слишком спокойно. Он даже подумал, что не так должен себя ощущать человек, вернувшийся в одно из самых худших мест, где он мог когда-либо побывать. Здесь было темно и сыро, пробираться вперёд приходилось вслепую скользя вдоль стен, и единственное, что чувствовал Майкл, так это лёгкий дискомфорт из-за неудобной обстановки. Продвигаясь всё дальше и дальше, ему начало казаться, что он идёт уже несколько часов. Осторожной поступью он издавал монотонный шорох, что был единственным звуком в этом огромном тоннеле. Вначале он звучал непривычно и зловеще... даже зная полностью источник возникновения этого шума, Майкл никак не мог перестать наблюдать в нём какую-то враждебность.

Все чувства постепенно притуплялись, оставив только слуховое восприятие, которое и так было напряжено прислушиванием к сплошному раздражительному эху. Несколько раз Майкл останавливался на месте, так как ему казалось, что он слышал поодаль от себя другой шум. Он стоял неподвижно у стен, и позже продвигался дальше, продолжая делать эти ненужные, но осторожные остановки каждые несколько минут. Хотя он и чувствовал себя чересчур одиноким, и никакое присутствие поблизости не заметил, всё же атмосфера вокруг была неприятная и угрожающая, словно вот-вот кто-то мог выйти из темноты, точно появившись, как из засады. Без зрения все остальные чувства обострились, Майклу даже казалось, что он свободно слышит, как над его головой и несколькими метрами земли шумит ветер, гоняя взад-вперёд пыльные бури и листву. Даже кожа стала чувствительней, где-то издали в лицо дул прохладный ветер, неся с собой тот же тлетворный запах наступившей

весны и грядущей зимы.

Через какое-то время, Майкл всё же наткнулся на что-то знакомое. Из стены, вдоль которой продвигался Майкл торчала маленькая деталь, которую он задел. Это была ручка двери, ведущая в одно из многочисленных помещений. Майкл сумрачно припоминал, что ещё до темницы видел какое-то количество складов и прочих комнат, и даже не смог сориентироваться, находился ли он сейчас в пределах десятка метров от спуска или же прошел на многие и многие метры вглубь. Воспоминания таких незаметных деталей болезненно всплывали в голове, затрагивая при этом мучительные ощущения от пыток и страданий.

Собравшись потянуть за ручку двери, у которой стоял Майкл, он подумал, что это не *та* дверь. Интуиция подсказала ему, что он не пришел туда, куда хотел, что следует идти дальше. Собираясь мыслями и пытаясь вспомнить многие детали первого спуска в тоннель, Майкл всё же пошел дальше, доверившись чутью. Чем глубже он уходил, тем сильнее росло в нём беспокойство. Он вот-вот окажется у цели. Сердце началось бешено стучать в груди, и затылок стал слегка покалывать, словно кто-то наблюдал за ним. Он стал ещё чаще останавливаться, стараясь сильнее прислушаться к окружающим звукам.

Через несколько продолжительных метров, Майкл оказался у второй двери. Он машинально остановился на расстоянии вытянутой руки, словно делал это уже множество раз. Станный ком застрял в горле: дверь перед ним слилась с тёмной стеной, но он ясно ощущал исходящий от неё холод. Всё больше и больше вещей намекали Майклу на то, что он наконец-то прибыл в то самое место, где когда-то играл роль заключённого. Прикоснувшись к ручке, он почувствовал, как собравшийся на лбу пот стекал по изгибам носа, как где-то глубоко внутри тела зародилось странное и неприятное чувство. Сам же Майкл никак не мог дать объяснение всему отвращению и поступающему чувству тошноты, когда он просто прикоснулся к железу. Он всё стоял напротив неё, не в силах отпустить ручку или потянуть её на себя, словно прикоснулся к чему-то настолько противоречивому и отвратительному, что моментально потерял всю возможность двигаться и размышлять; чутьё подсказывало ему, что именно сейчас следует уходить, просто взять и развернуться, и никогда больше не совершать подобных деяний, никогда не допускать подобных мыслей и ошибок, и просто жить, где угодно, как угодно.

Железная дверь отворилась.

Майкл сразу на себе начал ощущать то, что по ту сторону дверного проёма действительно ожидает уже знакомое помещение. Мрачный и пугающий холод исходил из открытого входа, манящий внутрь себя старого знакомого. Майкл всё сильнее ощущал растущую тошноту: для него помещение за дверью было настоящим коктейлем из болезненных воспоминаний, легким зудом в давно раненном ухе и неожиданной вялостью. Все ощущения словно соединились в незримые клубы, медленно парящие от стенки до стенки. Майкл уже не хотел убегать, но в голове на миг появилось видение, в котором он упал на колени, и словно маленький ребёнок закрыл лицо руками, веря, что это могло спасти его от надвигающихся кошмаров. Но пустая комната никак не могла навредить ему физически, вот только противоречивое желание всё никак не могло уgomониться.

Будучи без чувств, Майкл переступил через порог, даже не заметив этих маленьких действий, словно сам находился где-то далеко и не контролировал себя.

Ступая вперёд, он ничего не соображал; перед его глазами продолжала стоять тьма, и глаза по неясной причине стали слезиться. Не видя перед собой и пары сантиметров, он всё

же шел бодро, словно ощущал каждую стену вокруг себя, словно наблюдал их очертания таинственным внутренним взором, будто имел способность в эхолокации. И вот он подошел к той стене, к которой когда-то был прикован цепями. Он даже не врезался в неё, не ударился случайно ногой или телом, а просто подошел вплотную и прикоснулся к незабываемо холодному камню. Не ожидая этого, он прекрасно запомнил комнату, в которой раньше никак не мог сориентироваться, словно заучил её карту, и не мог её ни запомнить, ни забыть.

Из всех четырёх каменных и холодных стен, та, у которой он стоял, была *единственной*. Выбоины от старого выстрела, слои осыпавшегося песка, засохшее пятно крови... эта стена была как личный дневник; каждый след на ней представлял собой череду небольших событий, через которые проходил Майкл. Каждая трещина и вмятина восстанавливали яркие картины прошлого. Заныли старые шрамы. Ноги покосились, и Майкл упал. Оказавшись в этом месте, он ощутил, как сильно ослаб. Что-то странное происходило с ним в последнее время, он одновременно мог чувствовать противоречащие друг другу ощущения; ноги странно слабели, и казалось, что он может пройти ещё многие километры, но сердце и общие ощущения говорили о противоположном.

Вокруг было тихо, темно, злоба всё ещё витала где-то поблизости, застрявшая в бывшей темнице. Майкл посчитал, что именно здесь и сможет отдохнуть, сможет наконец-то расслабиться и придаться неумолимому потоку мыслей, желая обуздать *этого* монстра. Лениво он оглядел помещение, словно видел каждый угол, каждую песчинку, каждый сантиметр старой клетки. Внутри этого места — и тем более, где-то поблизости — не было псевдо-священника. Майкл забыл этого человека, поскольку научился собирать мысли и направлять их в нужное русло, стоило только вырваться из его цепей, и, оказавшись наверху с Марией, он просто забыл почти обо всех бедах, что случались с ним. Ему уже не хотелось проклинать этого человека, злиться на него и желать ему смерти. По отношению к нему поселилось безразличие, и чуть ли не жалость. «Он один, а я нет. Быть может, сейчас он страдает больше, чем кто-либо другой» — сказал сам себе Майкл.

В самом начале священник показался каким-то спасителем, при первой встрече с ним, уже хотелось назвать его другом и броситься ему в объятия. В то время Майклу было очень тяжело из-за одиночества, а недавняя встреча с Дуилгриммом только сильнее разжигала этот страх. Тот человек был настоящим даром, и для нового гостя не грехом было бы оказаться слугой в объятиях своего благодетеля, лишь бы быть рядом с ним, быть с кем-то из людей. Но дружба не устраивала обе стороны...

Воспоминания о прошлом нахлынули страшным потоком, ведь не хотел Майкл думать о будущем, что так сильно его пугало, и, вместо этого можно было отдаться прошлому, чтобы заново переоценить некоторые поступки и найти себя. С другой стороны, Майкл даже не собирался вспоминать те многочисленные дни голода, холода и боли, ему казалось, что эти воспоминания огнём пройдут по разуму, неся за собой невыносимую боль. Но какой бы удар Майкл не припомнил, какое бы оскорбление или унижение не вернулось назад, ему почти что было всё равно. В то время вся жизнь его менялась, и он был готов проклясть всё на свете, даже самое святое. Сейчас он понимал, что больше не слаб, что он стал куда сильнее, и, какие бы трудности не выпали ему, он всегда с ними справится.

Майкл ещё целый час вспоминал последующие после своего заточения события, — чаще всего, перед глазами виднелись картины того, как он выручал Марию, как помогал ей и всегда был рядом. Их жизнь была далеко не спокойной, — они переживали самые тяжёлые и

сложные периоды, но всё же оставались вместе.

Находясь в крошечной тьме, в самом эпицентре ужаса и террора, где всё вокруг имеет лишь один чёрный цвет, Майклу так и хотелось взглянуть на себя. Какая-то внутренняя жилка, старое человеческое стремление так и пыталась разгадать эту огромную загадку: «Кто же я такой?». Наблюдая за собой со стороны, взвешивая все мысли, эмоции, действия и порывы самопожертвования, Майкл всё же нашел в окружающей крошечной тьме те самые тёплые и светлые моменты, что возвышали его над собой.

Оставаясь один на один с мыслями, он всё же пришел к одной простой истине, которая охарактеризовала его, от самой встречи с Марией, и до текущего дня. Этот итог вызвал на его глазах несколько слёз, который говорили о внутренней тоске, о перенесённой печали и скорби. В то же время он и улыбался, наконец-то осознавая, для чего ему стоит жить, и что ему стоит сделать. Эта мысль казалась дикой, безумной, но в то же время она была единственной и важной, и только Майкл был способен реализовать её.

Собравшись силами, Майкл поднялся на ноги и вышел из комнаты. Он ощущал необычный прилив энергии, и его тело жаждало действий. Именно поэтому он направился не в сторону церкви, чтобы воссоединиться с Марией и крепко обнять её, по-отцовски, а направился в противоположную сторону, где ожидал найти выход наружу. Пока он брёл по тёмному коридору, что-то говорило ему, что не следует в данный момент находиться вместе с девушкой, что его присутствие необходимо в другой точке. Всё более и более странные чувства начали просыпаться в нём, эта «интуиция» так и пыталась глубоко вгрызться в мозг, всё никак не унимаясь. Со временем она бы всё сильнее и сильнее напоминала о себе, заставляя вскоре его жалеть о неправильном выборе; это могло длиться вечно, пока Майкл наконец-то не пошел бы на уступки.

Выбравшись из длинного подземного тоннеля, он никак не удивился тому, что оказался за пределами церкви, где-то достаточно далеко, чтобы можно было избавиться от любых преследователей. Это был обычный канализационный колодец, который выводил на поверхность в центре маленького жилого района. Проход был изрядно испорчен: на боковых стенах были заметны крупные вмятины и царапины, часть стен обвалилась вниз; было даже удивительно, что вслед за Снарбулом, — тем самым змееподобным чудовищем с бычьей головой, — ничего не обрушилось.

Вокруг Майкла всё было тихо и спокойно, словно все ужасы, пережитые им, исчезли, и остался только чистый и непорочный мир, который будет проживать день за днем, позволяя животным вернуть давно утраченные территории. Майкл бы даже не удивился тому, что на поверхности была такая же непроглядная тьма, как там, внизу, под землёй. Высоко в небе висела полная луна, и мужчине даже казалось, что её лучи согревали его. Они смотрели друг на друга, два совершенно одиноких создания, находившиеся во тьме, что окружала их. Так, человек понял, насколько земной спутник был близок. Эта возникшая сентиментальная мысль заставила мужчину улыбнуться. Он сравнивал себя с этим огромным камнем; он также не имел какой-либо возможности что-то изменить в своём окружении, и, мог только наблюдать свысока за тем, как где-то вдали, где-то среди привычных видов разыгрывается отвратительное представление жизни.

Мария. Это имя резко вернула Майкла в действительность. Сам того не заметив, он совершенно забыл о своей подруге, которую оставил одну в церкви, полностью без защиты. Он сделал для неё так много, что, забыв о ней, он оскорбил самого себя. Майкл поднялся во весь рост и побежал в сторону церкви. Но стоило ему только увидеть это огромное и

одинокое здание, как он остановился. Всё новые и новые мысли посещали его голову, именно такие, о которых он раньше и не мог подозревать. Здание, внутри которого находилась Мария, показалось отталкивающим. Внутри церкви была тишина, которую только изредка нарушал шум перелистывания страниц, и только в небольшом кабинете священника горел свет в виде пары восковых свечей. Эта обстановка не понравилась Майклу, и у него даже была мысль, что и вовсе не следует возвращаться, но только сейчас. На открытой улице его бодро ласкал прохладный ветер, а воздух проникал в лёгкие и выходил заметными клубами пара. Именно вне церкви ему почему-то было лучше, там, где нет высоких стен и давящего потолка.

Майкл решил медленным шагом идти вдоль улицы и продолжать наблюдение за зданием, — он продолжал прислушиваться к интуиции. Внутри церкви всё ещё была Мария, и Майкл необычно ощущал то, что она именно там. Он как будто точно знал это, а не просто догадывался, словно легко чувял это... или слышал. Всё же пару раз он пытался обдумать и опровергнуть то, что наговаривает ему неожиданно обострившиеся чувства, но каждый раз ловил себя на том, что они правы.

«Мария. Внутри. Она очень спокойна. Продолжает читать. Её ничего не мучает и не пугает, она явно даже не волнуется о том, что её спутник исчез. Она слегка устала, но несмотря на желание спать продолжает читать. Перед её глазами только одна строка, которую она повторяет из раза в раз, и, что-то в тех словах написано мрачное, что-то неприятное, но в то же время важное и необходимое» — говорил Майкл про себя, точь-в-точь повторяя то, что нашептывала ему второе «Я».

Окружающая обстановка продолжала странно влиять на мужчину, внушая тому всё более и более необычные мысли. Вокруг было так чудесно и тихо, что хотелось позволить себе любую вольность, хоть даже вскочить на четыре лапы и пробежаться, пока лёгкие не будут гореть от натуги, пока сердце не взвоят от усталости и изнеможения. Майкл даже широко улыбнулся и наклонился к земле, как вдруг остановился. Почему он подумал об этом? Откуда возникла эта странная мысль? В голове продолжало витать необъяснимое ощущение, что только сильнее возродилось после того, как только он вышел из подземной комнаты. Он уже слабо начал разбирать то, какие мысли его собственные, а какие являются лишь наваждением. Появилось неприятное ощущение в груди, с каким-то жжением, что он не выполнил важное поручение... особое задание. Рядом с ним была цель этого задания, и ему хотелось держаться рядом с *ней*, но что именно всё это означало... он никак не мог себе сказать.

Однако же, рядом ощущался кто-то ещё, кто-то совершенно другой, необычный. Этот *новый* ощущался совершенно иначе, не так, как представлялась Мария, и, от него исходили другие, непонятные волны, складывающиеся в приятные и облегчающие ощущения. Этот странный незнакомец воспринимался как друг, напарник. Майкл ощущал, что если встретиться с *ним*, то он не будет представлять угрозу, и их воссоединение приведёт только к лучшему исходу. Мужчина вышел на открытую местность и начал оглядываться: вокруг были только небольшие дома, за которыми ничего не наблюдалось. Всё было так же тихо и спокойно, как и с самого начала ночи, и без странного ощущения кого-то постороннего, Майкл бы ни за что не заметил чьего-либо присутствия. Медленным шагом он направился в ту сторону, где и ощущал *его*.

Чем ближе он приближался к цели, тем сильнее возрастала другая мысль, посторонняя, казавшаяся слегка глупой, но в то же время и неприятно приставучей. Она сообщала, что

Майклу следует пробраться к *нему* очень тихо, и оказаться рядом совершенно незаметным, незримым. Так Майкл и поступил — он сбавил свой шаг и смотрел под ноги, пытаясь не выдать присутствие.

Вскоре он пришел к пустому дому, и конечное ощущение подсказывало ему, что он на месте. Вокруг было тихо, как и везде. Складывалось ощущение, что окружающая обстановка заставила Майкла поступать необдуманно и спонтанно. Он уже был готов уйти и вернуться обратно к Марии, как услышал где-то над собой резкий хрип и треск черепицы на крыше здания.

— Хрр... ты здесь! — раздался громкий, похрюкивающий голос над головой.

Майкл испуганно посмотрел вверх, но не увидел никого, только темноту. Услышав этот голос, он сразу понял, что пришел к очередному демону, который находился здесь достаточно долго. Майкл уже думал спрятаться или убежать, но чувства внутри продолжали намекать ему на дружескую симпатию этого создания и то, что оно безопасно, но вместе с ними и ощущались голод, злость и возбуждение.

— Она где-то там. Одинока. Беззащитна. — Существо говорило медленно, делая крупные паузы между словами, словно собираясь с силами и мыслями, чтобы всё выговорить так как надо. — Скоро охота окончится.

Майкл остерегался допустить ошибку, — он прекрасно понимал, что в данном момент находился в полнейшем инкогнито под носом у противника. Но ему всё же хотелось кое о чём поговорить с этим созданием, узнать лично для себя ответы на некоторые вопросы. Он собрал у себя в голове целый список, и то, что создание не вынуждало его идти на диалог только облегчало задачу и успокаивало, однако к разговору требовалось подойти деликатно, чтобы не выдать себя.

— Дуилгримм мёртв, — тихо и грозно проговорил Майкл. Он попытался имитировать звериные нотки в голосе, и с удивлением заметил, что и без такой театральщины, он звучал иначе.

— Да. Я чувствую кровь. Ты был с ним.

Майкл съёжился от осведомленности чудища, но его продолжал успокаивать спокойный тон демона.

— Скоро и нас ждёт *это*.

— Да. Это будет конец. *Ей* скоро конец. Она одна.

— Не одна... — добавил Майкл.

— Да. Был кто-то другой. Очень давно был. Теперь его нет. Мёртв. — Существо говорило спокойно, даже не интересуясь своим собеседником, даже не пытаясь посмотреть на него и убедиться в том, что оно говорит со своим собратом; оно явно было готово идти на контакт с любым разговорчивым существом.

Услышав слова о каком-то спутнике и том, что он умер, Майкл сразу же подумал про Стрелка. Он сразу представил гибель этого человека, и грустная картина промчалась в голове. Однако же, слова «очень давно» показались чересчур призрачными.

— Тот, что с завода?

Демон долго не отвечал, словно и не расслышал Майкла. Сложилось ощущение, что это существо незаметно исчезло, оставив человека в полном одиночестве, но вскоре сверху послышался вновь треск черепицы.

— Она была у Него. Он сам не хотел ей смерти. Он знал, что скоро *это* случится. Время заканчивается. Надо действовать.

Майкл ещё сильнее не понимал, о чём именно говорило находящееся рядом с ним существо. Оно говорило обрывисто, странно, общалось загадками, которые могли отгадать только его братья по крови. Майкл начал понимать, что чем сильнее он будет интересоваться и продолжать говорить с этим существом, тем быстрее его раскусят.

— Столько крови... Какой смысл? — каждое слово давалось Майклу с большим трудом. Он ступал по тонкому льду, который уже во всю трещал.

— Он *забраковал* мир. Он показался ему не идеальным. Всё начнётся с нуля.

— Тогда нам и не стоит убивать её. Пусть проживёт оставшееся время так, как хочет. Всё равно она не способна причинить вред Ему, — проговорил Майкл. Он стоял дальше под углом крыши, и начал уже думать о том, что всё же переступил черту, и следует уходить как можно скорее, пока проблемы не нашли его.

Стоило Майклу только подумать о побеге, как его поймали. Огромная рука с поразительной ловкостью спустилась с крыши и крепко сжала тело спрятавшегося человека. В следующий же миг он оказался лицом к лицу со своим собеседником. Перед глазами Майкла стояло огромное свиноподобное создание, это была отвратительная помесь между свиньёй, обезьяной и собакой. Всё тело демона было одним сплошным полотном морщинистой и лысой кожи. Существо сторбленно сидело на крыше, осторожно упираясь на её края, голова полноценно принадлежало бы самой огромной свинье на планете, с другой же стороны крыши свисал длинный хвост.

— Ты не собрат, — проговорило создание.

— Никогда им и не был, — рыкнул Майкл. Он наконец-то не испытывал к этим созданиям страх, как было с ним раньше, а только злость и жалость.

Огромное существо продолжало смотреть на Майкла, не зная, что ему следует делать с этим неожиданным гостем. Оно осторожно осмотрело человека, обнюхало его, и начало вглядываться куда-то вдаль, будто о чём-то думая.

— Ты убил Дуилгримма. Значит, была необходимость. Можешь послужить братьям и избавиться от той, в здании. — Огромное создание опустило Майкла не крышу рядом с собой и указало мускулистой лапой в сторону церкви.

От всего произошедшего, Майкла окутало смущение и беспокойство. Он не понимал, почему это чудовище не убило его, а вместо этого поступало как с другом, почему дало именно ему указания, и даже не проявляла хоть какую-то враждебность или осторожность. Человек был напуган и оскорблён, и был готов вступить в конфликт с демоном.

— Почему ты?.. — агрессивно начал Майкл.

— Ты не человек, можешь быть полезен *Ему*, — грубо перебило создание.

«Как “не человек”?» — пронеслась мысль в голове Майкла. «Да как ты смеешь говорить такое! Я человек, и буду им! Ты не до оцениваешь меня, чудище!». В этот момент Майклу хотелось просто убить это создание, что так неуважительно отнеслось к нему. Он был человеком сколько себя помнил, и всегда пытался поддерживать в себе здравый ход мыслей, чтобы не сойти с ума в этом умирающем мире. Он хоть был и слаб физически, из-за чего ему приходилось терпеть множество бед, но он всё же не сдавался и шел дальше. Он оказался в самом ужасном месте и испытывал нечеловеческие страдания и муки, и в конечном итоге не только остался человеческим, но и возвысился над самим собой. Теперь же, хоть он и не имел полноценное человеческое тело, что уже не раз доказывало свою пользу в различных ситуациях, но он всё ещё оставался человеком как сердцем, так и умом, и, Майкл желал доказать этому отвратительному свинообразному монстру, как глубоко тот заблуждается.

Пока Майкл перебирал в голове дальнейший план, то заметил, что огромное создание с каким-то новым любопытством смотрело на него, словно слышало мысли человека и чувствовало его злобу и унижение. Какой-то мрачный холодок прошелся по спине мужчины, будто и он догадался до этого. Никакого другого шанса на спасение или более лёгкую драку не было. Майкл уже давно бродил с Марией без оружия, которое до сих пор лежит где-то среди металлического хлама на территории завода Стрелка. Не было под рукой и штыка, который можно было с каким-то исступлением или отчаянием воткнуть в сердце монстра. Майкл был наг и незащищён, и именно страх от текущего положения и пробежался холодком по спине.

Существо будто почувствовало и это, только слегка оскалив зубы, пытаясь отобразить ласковую улыбку, которую шлют детям, когда те ведут себя глупо и неуклюже.

Злоба в Майкле ещё сильнее возросла от этого отвратительного вида. Его не только оскорбили и раскусили, но и посчитали каким-то незащищённым жуком, слабаком и неудачником. Майкл был готов порвать демона хоть голыми руками. Подумав о жажде крови, человек бросился с сжатым кулаком прямо на чудовище, которое продолжало стоять неподвижно и смотреть на этого странного человека. Оно никак не реагировало, словно и не ожидало от человека никаких агрессивных действий в свою сторону. Не помня себя, Майкл ударил кулаком прямо в грудь, не ожидая какой-либо реакции, и только поддался своим эмоциям, не планируя и шага дальше того, что происходит прямо сейчас.

В этом страшном моменте, когда лицо Майкла покрылось багровыми красками от гнева, он и забыл о том, какие всё-таки возможности предоставляли ему новое тело. Все былые события и приключения вылетели из памяти, оставив только слепую ярость. Удар прошелся прямо в район крупного сердца монстра, разломав по пути рёбра и толстые мышечные сплетения. Ожидал ли демон этого или нет, но он издал посмертный хрип и рухнул, словно покосившийся шкаф, прогремев на весь район, подняв высоко клубы земляной пыли и обломив часть здания, на которой стоял.

Через несколько секунд после удара, Майкл лежал далеко внизу вместе с поверженным чудовищем. Он не помнил, как свалился вместе с ним, только слабое ощущение того, как легко вошла рука в массивное тело, и как что-то тяжелое потащило его вниз. В те мгновения он ощущал колоссальную силу, когда нанёс удар, и ничтожную слабость, когда позволил скинуть себя с крыши. Рука всё ещё находилась в грудной клетке создания, она крепко застряла в костях, и её довольно сложно было вытащить обратно. Пока Майкл пытался высвободиться, он всё же заметил что-то странное на теле огромного монстра: огромное количество старых шрамов и свежих ран, которые он раньше не замечал.

Вглядываясь в раны поверженного противника, Майкл пытался припомнить: видел ли он ранее хоть одного демона со шрамами на теле. Никого и никогда.

Глава 16. Всё ещё человек

Глава 16. Всё ещё человек

I

После убийства свиноподобного создания, Майкл вернулся обратно в церковь. Когда он отходил от огромной лежащей на земле туши, то чувствовал, что вокруг больше никого не осталось. Неожиданно усилившаяся интуиция, что подсказала ему о наличии демона, продолжала работать, и на этот раз позволила Майклу облегчённо выдохнуть. Пробираясь по ночным переулкам и дворам, он всё никак не мог перестать думать о том, что ему довелось увидеть, и о чём говорить. Его продолжала напрягать необычная реакция огромного существа, который не проявлял никакой агрессии в сторону Майкла, даже в целях самозащиты, когда сам понял, к чему всё ведёт. Также под вопрос вставали странные шрамы и раны. Майкл давно слышал о том, что люди пытались вести отчаянную борьбу с этими созданиями, что жаждали устроить геноцид. Было логично и то, что последние оплоты военной власти в страхе использовали все доступные им ресурсы. Конечно, Майкл ни разу не видел гигантские кратеры или снесённые до основания города, что только больше создавало вопросов.

Параллельно общим размышлениям и самобичеванию по поводу изменение отношения демонов к Майклу, его интуиция всё же продолжала давать призрачные подсказки: порой они проявлялись тем, что голова начинала зудеть и появлялись лёгкие боли; иногда рождались мысли, к которым Майкл сам бы ни за что не пришел. «Что-то происходит и происходило. Что-то грандиозное, неопишное... что-то неподвластное обычному человеку. Это легко объяснить... это можно объяснить, но невозможно понять» — заключал про себя Майкл. Он всё ещё пытался бороться и сопротивляться необычным чувствам, он ощущал, что что-то знает, и в то же время находился в полном незнании. Всё время одна скрытая мысль крутилась вокруг, оставаясь недостижимой и желанной, но в то же время она несла в себе непонятный страх, словно узнав об этом, мир вокруг изменится кардинально.

В полном смятении от себя самого, Майкл вскоре оказался в стенах церкви. Вокруг также было тихо, но он ощущал в этой атмосфере что-то недоброе, мимолётное, будто вот-вот всё исчезнет. От самого же здания исходили незримые всполохи, окутывающие мужчину. Они несли с собой самые разные ощущения и эмоции, которые перемешивались и не могли ни о чем сказать.

Внутри церкви, Майкла всё также ждала Мария. Девушка даже и не заметила, что её друг вышел через подземный тоннель, а вернулся через главный вход. Мария спокойно сидела за книгой, никак не обращая внимания на окружение, также спокойно и невинно. Если бы в её лице была хоть нотка беспокойства или страха, тогда бы Майкл начал корить себя за то, что бросил её. Но даже несмотря на то, что он сделал больше, чем было необходимо, всё обошлось благополучно. Быт пары вернулся туда же, где и был последние несколько дней — Майкл сел недалеко от Марии и молча наблюдал за ней. Её необычное поведение повторялось снова и снова.

Что-то новое наблюдалось в девушке, что-то, чего Майкл раньше не замечал. Смотри на неё, он испытывал скрытое возбуждение, что некогда спало внутри него, а сейчас готовилось выбраться наружу. Что-то в этой девушке было не так, и только сейчас Майкл мог предоставить этому поведению оценку: она была чересчур спокойна, и от этого почему-то

хотелось избавиться. Для окружающего её мира, она выглядела каким-то чудесным символом настоящей чистоты, непорочности и спокойствия. Она была великолепна. Идеальна. Но в то же время что-то внутри Майкла пыталось выбраться наружу, неизвестная и неуправляемая энергия, растущая каждое мгновение. Единственное, что смог себе разъяснить Майкл, так это простенькое сравнение и объяснение того, что Мария сейчас настолько прекрасна и очаровательна, что её хочется...

«Убить».

Как только эта мысль зародилась в голове, то мужчина сразу потерял всю связь с миром: в глазах начало темнеть, а окружение стало наполняться нарастающим шумом, заглушающим любые звуки. По телу начал распространяться озноб и зуд, из-за чего у него случился нервный тик, в мгновение и лицо побледнело. Эта мысль, что посетила его недавно, оказалась чрезвычайно дикой и невозможной. Будто бы кто-то другой погрузил её в голову мужчины. Но в то же время, он никак не смог избавиться от этого слова, оно всё витало перед ним, так и маяча перед самым лицом.

Убить. Откуда же появилось такое странное желание? Майкл никогда не позволял себе и подумать об этом, ведь, это было бесчеловечно, жестоко. Это было бы полной противоположностью того, каким раньше был Майкл, но сейчас что-то было не так. Случилось что-то настолько необычное, что сделало Майкла другим, и он ещё сильнее начал ощущать это постороннее влияние. Однако он вспомнил, что подобное желание уже посещало его, когда он был один на один со Стрелком. Тогда у него было желание убить, но... то была самозащита, но может ли быть и сейчас то самое чувство самозащиты?.. перед Марией. Стыд и страх от самого себя так и высветились на лице Майкла: лицо покрылось болезненными красками, и он выглядел, почти как мертвец; глаза его были стеклянными, и сам взгляд был совершенно пуст.

Мария отвлеклась от чтения и посмотрела на Майкла. Она уже несколько минут ощущала на себе неприятное чувство того, как кто-то пристально смотрел на неё. Майкл выглядел так, будто находился на перепутье между двух — или более — выборов, и боялся любого следующего шага, любой последующей минуты, что только сильнее и сильнее будет вынуждать сделать тяжёлый выбор. Всё его лицо было нездоровым, словно он мгновение назад выбрался из могилы. Его болезненный и озлобленный взгляд был направлен на девушку, и, возможно, только она была способна продолжать спокойно выдерживать это мучение. Каким бы не был тяжёлым взгляд такого родного и любимого для неё человека, она продолжала сидеть спокойно и робко, точно веря в то, что ничего плохого не произойдёт, и вот-вот Майклу станет легче.

Ещё через несколько минут ожидания, Мария заплакала. Но вместо того, чтобы в порыве раскрывшейся души, она, сгорбившись, упала лицом в пол и закрыла руками глаза, она просто продолжала дальше смотреть на Майкла. Только несколько слезинок набрались на её веках и блестели под светом свечей.

Майкл очнулся от этого необычного вида. Если бы это не произошло, то он бы и дальше не обращал внимания на любое окружение, продолжая всё глубже и глубже утонуть в собственных мыслях. Его разбудил только какой-то маленький и надоедливый блеск, который сильно мешал концентрироваться. Он даже и не подозревал, что на протяжении часа неотрывно следил за Марией, будто смотрел не на неё, а куда-то дальше. Её словно не было перед ним, вместо неё был кто-то другой, кто-то настолько ненавистный и отвратительный, что Майкл просто не мог легко совладать с самим собой, из-за чего так

долго и находился в смятении.

Когда же он заметил, что девушка перед ним плачет, то не смог оставаться в стороне: он сразу же подошел к ней и, опустившись на колени, обнял. Он хоть и не был виноват в её состоянии, но всё же чувствовал сильную злобу на самого себя. Девушка вскоре успокоилась и всё вернулось на круги своя.

Мужчина открыл рот, чтобы сказать что-то важное, но остановился. Пару часов назад он говорил. Говорил с чудовищем. Говорил не своим голосом. Он продолжал меняться, и всё меньше и меньше был собой. Мария могла испугаться, не понять, не принять. И Майкл промолчал.

«Я спускался *туда*, — сказал он самому себе в уме. — Думал, может, надеялся, найти что-то... но там ничего нет, только пустота. Я был там, где когда-то считал жизнь оконченной, а вскоре встретил и тебя. Те дни я считаю самыми лучшими, так как ты спасла меня», — он продолжал терять с ней связь, и ему было тяжело признать этот удар.

Не в силах высвободить свои муки, он снова вернулся в её объятия, которые и остались единственным способом общения между этой парой. Они обнялись крепче прежнего, и просидели так до самой зари. Девушка больше не плакала, но её сердце беспокойно стучалось в груди. Она понимала, понимала куда больше своего друга, и ей ничего не оставалось, кроме как принять все перемены. Когда же Мария от усталости уснула крепким сном, и Майкл уложил её, то сам отправился наружу, за пределы церкви. Ближе к заре его посетило повторное ощущение того, что по близости кто-то есть, точно такое же ощущение, которое было при встрече с свиноподобным демоном. Только это ощущение было едва заметно, слабо, и как будто находилось достаточно далеко, настолько, что можно было и не волноваться о нём. Даже Мария уснула, и, он не ощущал никакой угрозы, исходящей от нового посетителя, но всё же решил избавиться от нового гостя.

Майкл вышел из здания и направился туда, куда вела его обострённая интуиция. Он даже не сомневался в том, что Мария проснётся и будет искать его, что она потеряет друга и будет пребывать в волнении. Майкл, как по расписанию, знал, что будет с Марией, и уже предвидел то, как она будет спать достаточно долго, чтобы он даже смог вернуться после *работы*. В голове пронеслись некоторые цифры, которые при обсуждении вслух могли напугать любого слушателя: «Вчера она спала девять часов и тринадцать минут, позавчера — восемь часов и пятьдесят три минуты. Сегодня же она проспит около восьми с половиной часов». Майкл не мог самому себе объяснить, откуда возникли эти странные цифры. На деле он не следил так пристально за Марией, считая каждую минуту её крепкого сна, а только почему-то слабо ощущал её незащищённость и дрему, лишь догадываясь и соображая на подсознательном уровне всё, что проходило вокруг девушки; всё это происходило самостоятельно, без надзора, и Майкл никак не мог выкинуть это из головы.

Выбравшись на улицу, он направился в направлении знакомого чутья. Чем сильнее он приближался к своей цели, тем чётче осознавал, что и оно чувствует его. Майкла ждали, его хотели видеть; это выглядело, как запланированная встреча. Зов. Он шел по тем же опустошенным улицам, и только сейчас заметил, каким мрачным стало небо: уже несколько дней к ряду не наблюдалось солнце, — везде были плотные тучи, который день ото дня становились только плотнее и темнее, словно что-то готовилось, что-то необычное, неприятное и страшное. Всё это почерневшее небо ассоциировалось и с самой планетой, и с её жителями, и с самим Майклом: когда-то все они были светлыми, чистыми и спокойными, но сейчас с каждым днём накапливалась *чернота*. Мужчина только гадал: что же будет

дальше. Даже на горизонте мельком не виднелось чистое, голубое небо, словно тьма поглотила каждый уголок мира.

Через несколько часов, Майкл достиг той точки, где его интуиция сильнее всего говорила о присутствии нужного существа. Это был маленький район элитных коттеджей, где каждое здание выглядело, как огромный дендрарий: все они были покрыты лианами и наростами мха, маленькие растения и быстрорастущие деревья создали трещины в стенах и выбирались через них на поверхность.

Интуиция продолжала говорить Майклу, что он не один в этом месте, и он продолжал беспорядочно оборачиваться, надеясь увидеть хоть что-то, но так никого и не увидел, словно ему запрещали видеть то, что призвало его.

— Ты остался последним, но не одиноким, — прозвучал грубый голос в голове. Человек весь продрог, так как уже забыл, как могут грубо и болезненно раздаваться голоса извне. Майкл ещё с большим рвением осматривался вокруг, выискивая говорящего, но никого не было поблизости.

— Я созвал всех, но только ты явился. Ты не один из нас, но всё же носишь нашу шкуру, и наша кровь течёт в тебе, — продолжал голос. Когда неизвестный говорил, то складывало ощущение, что он не совсем пытается транслировать свои мысли в голову Майкла, как это делал Дуилгримм, а говорил *сам*, как человек, но так громкоподобно, что казалось, будто источник звука находится везде и нигде.

— Ты достаточно силён, но наша задача не в братоубийстве. Я чувствую твою злость и жажду крови, но ты направляешь её не туда. Каждый твой последующий шаг не имеет смысла, но ты идёшь дальше. Оставь все свои стремления! познай наслаждение в достижении цели, в выполнении долга! Вернись к той, что оберегал последнее время и лиши жизни. Позволь ей наконец-то освободиться от этого тяжкого бремени, дай ей свободу и покой. Ты, как и я, видишь, что она страдает, мучается и выжидает то, когда всё это закончится. Ты всё это видишь, но ты слеп!

Майкл только начал открывать рот, чтобы возразить неизвестному существу, что он ни за что не убьёт Марию, и только с превеликим удовольствием сделает это с самим громогласным чудищем.

— Молчи! Не смей говорить со мной своим маленьким и писклявым голосом! Я чувствую твои мысли. Желание убить меня, как и всех остальных, только смешит, но также имеет значение. Я знаю всё, что ты хочешь знать, и отвечу тебе: да, мы рождены чтобы уничтожить вас всех до единого, и наша задача почти выполнена. Мы сами с нетерпением ждём конца этого ужаса.

— Зачем?! — вскрикнул Майкл, не реагируя на то, что ему запретили говорить вслух.

— Того хочет Вечный. Но ты слишком глуп, чтобы понять весь план, всю суть вашей и Его природы. Тебе не дано познать и малейшую долю мироздания и жестокости Его судьбы, Его нравов, Его горя. Вы должны быть благодарны за Его дар, за Его милосердие по отношению к вам. — Голос демона стал ещё более громким и угрожающим, он был зол из-за того, что его ослушались. — Вы отбросили Его дары, Его силу, Его знания! Вы продолжали век за веком рушить свой мир, и вот, ваш конец наконец-то настиг всех!

— Милосердие? Я убью тебя и назову это милосердием! К черту тебя и твоего «Вечного», хоть я ничего и не понимаю, но я буду присутствовать на последнем твоём издыхании! Ты и все твои собратья пожалеете о том, что связались с человечеством. — Майкл повышал голос, явно придавая самому себе уважение и значимость, дополнительно

выказываю злобу и ненависть к говорящему с ним демону. Его голос звучал также громоподобно, что и у чудовища.

— Я и не ожидал, что ты поймёшь... — После этих слов земля вокруг Майкла странно задрожала, и одна самая непримечательная тень у покосившегося коттеджа началась двигаться.

На встречу Майклу из тени выбралось странное создание, которое и говорило с ним всё это время. Это была гротескная помесь головастика лягушки и крысы-слепыша. Демон был выше Майкла в четыре раза, и, человек даже самому себе удивился, как так долго не мог заметить этого монстра. Существо вышло из убежища, но вместо того, чтобы напасть на Майкла, — как мог поступить любой другой, — просто сказало ему: «Если хочешь моей смерти, то завтра приходи на поляну, недалеко от этого города. Там всё и закончится».

— Кто ты? — спросил его Майкл, замечая всё более и более странные и отвратительные особенности этого монстра.

— Я был первым, кто родился под Его руками, и назвал Он меня Эхад. Первый.

— Вслед за тобой, я убью твоего создателя!

— Можешь попытаться. Он считает нас животными, и кто-то даже сам пытался убить Его... такова природа некоторых существ. Однако, рабам не убить бога. — Эхад потрясся, точно решил отряхнуться после разговора с человеком и скрылся в той же тени. Очень скоро, ощущение его присутствия растворилось, так же быстро, как и появилось это создание.

Майкл не стал нападать первым, не стал гнаться вслед за демоном; он был удивлён уже тем фактом, что его вызвали на дуэль. Вспоминая весь разговор с Первым, Майкл начал примечать то, что от этого монстра исходили совершенно другие ощущения, интуиция внутри мужчины иначе реагировало на создание, намекая на что-то необычное.

Майкл вернулся к Марии и тем самым длинным, монотонным дням, что стали для него более ценными и нужными. Во время возвращения, девушка ещё спала, и очнулась только через пару часов. Она обрадовалась тому, что видела друга поодаль от себя, но всё же что-то неприятное проглядывалось в её взгляде. Майклу даже начало казаться, что девушка как-то узнала или догадалась о встрече с Первым, но мысль об обычном дурном сне казалась более реальной.

До конца этого дня ничего не выходило за пределы *обычного*, настолько, что Майкла даже посещали мысли того, что его встреча с Первым ему только почудилась. Но стоило ему вспомнить вид этого создания или лишь толику ощущений при нахождении вблизи его, то страх и слабость вновь проносились по телу. Нет, это было не наваждение, и Майкл уже не мог себе позволить такие нелепые заблуждения. Большую часть времени он представлял завтрашний день и последнюю встречу с Первым. Майкл действительно смутно помнил какую-то небольшую и красивую поляну недалеко от города, и, тот факт, что Эхад сам позвал его на то место, мог лишь говорить о том, что он задумал какой-то сложный план или желает установить ловушку на человека. Майкл всё же не боялся этой встречи, после убийства Дуилгримма и свиноподобного он ещё сильнее верил в свои силы.

Поскольку время встречи не было оговорено, Майкл начал собираться ещё на заре, как только тучи стали становиться светлее. Как на зло, своими сборами он разбудил Марию, которая удивлёнными глазами смотрела на собирающегося мужчину, не представляя, куда он уходит. Майклу не хотелось пугать девушку, оставлять одну, но он не мог ничего сказать ей. Он просто подошел и осторожно погладил по нежной щеке, то ли приветствуя её этим ранним днём, то ли прощаясь.

Мужчина вышел из церкви и отправился на встречу. Пробираясь между опустошенными домами, он начал ощущать уже знакомое ощущение. Эхад был далеко и, судя по всему, чем-то активно занимался. Интуиция Майкла подсказывала, что Первый занимается каким-то странным делом, в который вкладывал азарт и старание, без какой-либо капельки агрессии. Злоба в демоне даже не появилось после того, как он аналогично почувствовать приближение Майкла. Чуть меньше, чем через час, они встретились.

Эхад стоял посреди небольшого поля, в некоторых местах которого были вырыты глубокие ямы и разбросаны деревья. Само же создание — со всем своим неприятным видом — выглядело максимально не на своём месте — каждая часть Первого так и намекала, что это существо должно было обитать у водоёмов.

— Я рад тебя видеть, — произнес он.

— Я пришел убить тебя.

— Знаю, и я подготовил всё для этого боя.

— Ты остался один. После твоей смерти, никто уже не будет желать смерти человечеству.

— Моё место займёт другой.

— Тогда и ему останется не долго жить.

— Это правда...

Майкл недоверчиво сверлил Первого взглядом, не желая дальше беседовать с ним. Ему сразу не понравилось то, как демон говорил тайнами и загадками, так толком и не разговаривая с Майклом напрямую.

Несколько минут оба дуэлянта смотрели друг на друга в полном молчании, так и не решаясь на какие-либо действия. Несколько раз Первый поворачивал голову и смотрел куда-то за спину Майкла и что-то думал.

— Я, как и все мои собратья, не собираюсь убивать того, кто мне близок по крови, — прервал паузу Эхад.

— Тогда зачем ты пришел? зачем вызвал меня на бой?

— Чтобы кое-что показать.

— Показать?! Ваша цель — уничтожение людей, но по твоим поступкам ты далеко не к ней стремишься.

— Всему своё время. Главное, что здесь всё закончится. Твоё и моё желание будет исполнено.

Услышав очередную недоговорку, Майкл от злобы сжал кулаки.

— Как же я устал от этих загадок! от всей твоей семьи! Вы просто чудища, которых надо истреблять и истреблять, от вас нет никакого проку, вы просто глупые животные, жаждущие крови. Даже после пары лет нескончаемого геноцида вы не устали и всё продолжали и продолжали этот кровавый поход! Вы чума. Болезнь. Я даже пытался посмотреть на вас под другим углом, понять вас, но нет! Вы не способны идти на компромиссы или сделки. Ненависть в ваших глазах по отношению к людям так и сводит всех с ума. Нет никакого избавления, как уничтожить ваш чёртов род, и я займусь этим. — Майкл был зол, и уже не хотел тянуть с дракой; ему хотелось, как можно скорее дойти до её финала, каким бы он ни был.

Эхад только тихо посмеялся, услышав слова Майкла.

— Пора, — сказал он.

Майкл дождался начала. Чем дольше он говорил с Первым, тем сильнее ощущал, как

растёт ярость и жажда битвы. И стоило Первому сделать шаг навстречу Майклу, как тот побежал вперёд сломя голову.

Битва между Первым и Майклом со стороны напоминала комичные попытки большого человека раздавить маленького мышонка, что проворно ползал у него под ногами. Стоило демону поднять в воздух массивную лапу, как Майкл сразу же убежал в другое место до того, как она опустится. Продолжался бой не долго: между постоянными уклонениями и сменной позиций, Майкл старался царапать когтями и бить кулаками по самой туше чудовища, но почти каждый удар не наносил должного эффекта. Майкл уклонялся от постоянных попыток раздавить себя, а сам Первый не предпринимал никаких других действий, повторяя только один уже заученный способ умерщвления. С того и был их бой комичным, что никто никому не мог навредить, и никто из них не мог выдохнуться и без сил свалиться наземь.

На протяжении каждого движения и прошедших минут, Майкл всё никак не мог успокоиться, и ненависть росла внутри него, готовясь взорваться, как проснувшийся вулкан. То, что его противник не реагировал на удары, а лишь наоборот смеялся над ним, только злило человека. Первый действительно посмеивался над Майклом, дразня его немощь.

В один необычный момент, Майкл почувствовал себя совершенно странно. Какой-то незнакомый прилив сил поглотил его. Жажда крови исчезла, а вместо неё пришло странное и пьянящее спокойствие. Всё тело стало легче, руки словно стали сильнее и больше, и сам Эхад стал только уменьшаться. Майкл уже чуть-чуть возвысился над демоном, не уступая тому в росте, и всё вокруг стало ярче, будто солнце вышло из-за туч, желая помочь Майклу в его тяжелой и неравной битве. Мысли все куда-то улетучились, вместо уже приевшимся рефлексам, основанным на уклонениях и ударах, пришел туман, и слабое желание уничтожить того, кто стоит перед Майклом. Звуки и запахи тоже стали более ясными — ярко ощущался запах мускуса от тела Первого, и даже было слышно, как кровь пульсирует внутри этого создания. Майкл ощущал исходящую от демона радость, когда тот увидел, во что превратился Майкл.

Молниеносно потянувшись к голове Эхада, Майкл разорвал её пополам, когда противник даже и не думал сопротивляться.

Бой был окончен, но Майкл не ощущал в себе уже знакомое чувство завершения, будто должно случиться что-то другое, чего он и ожидал с самого начала боя, но до сих пор не обращал на это внимания. Он пытался сконцентрироваться на мыслях, которые только сильнее ускользали от него всё дальше и дальше в сознание, и, где-то рядом на расстоянии вытянутой руки витали совершенно маленькие бессвязные хаотичные обрывки. Кто-то рядом. Очень знакомое чувство, но никак нельзя вспомнить. Что-то, что хочется ненавидеть и уничтожить. Никакой искренней злости, только обязанность. Маленькое и беззащитное. Это надо уничтожить. Это так необходимо, этому никак нельзя перечить, нельзя сопротивляться!

Майкл повернулся в сторону маленького клочка энергии, и ощутил, как тот неожиданно моргнул. Энергия резко ослабла до такого состояния, что почти стала незаметной. Она находилась где-то внизу, у самой земли. Очень слабая. Ощущая все эти значительные изменения, Майкл начал чувствовать растущую внутри тоску.

II

На земле рядом с Майклом лежало тело Марии. Последние мгновения жизни покидали её тело, и вот-вот из её приоткрытого рта выйдет последний выдох. Вся эта картина предстала через небольшой оптический прицел винтовки. Стрелок встал на колени и

продолжал вглядываться вдаль. Он находился достаточно далеко, чтобы Майкл, после трансформации в демона, не заметил его, но увиденная им ранее картина заставляла сомневаться во всём, что он когда-либо знал. На протяжении нескольких часов он занимал позицию на холме за многие километры далеко от места драки и ждал конца всего представления.

— Не ожидал, что кто-то сможет убить Первого... — прошептал он.

Из дула снайперской винтовки вылетала небольшая струя дыма, знаменуя то, что совсем недавно был выстрел. Подтянув к себе оружие, Стрелок достал маленький нож и сделал четвёртую засечку.

— Мы попытаемся узнать, из-за чего произошла мутация. — Рядом со Стрелком стоял странный человек. Его с головы до ног закрывал плотный костюм из стальных пластин, а из-за спины торчали два нароста, похожих на птичьи крылья.

— Эхад был последним выжившим, а значит, надо искать где-то среди остальных. Догадки? — Стрелок обернулся через плечо и заметил, что к нему подходит ещё один бронированный воин.

— Тело Снарбула подвержено радиационному заражению. Быть может, что именно из-за встречи с ним и произошли данные изменения, — сказал подошедший, смотря на маленький планшет в руке. — При охоте за другими выяснилось, что никто не имел столь близкий контакт с субъектом.

— Такое могло произойти только на генетическом уровне; для этого надо обладать достаточно богатой лабораторией и обширными знаниями в генетике и биохимии, — вспльчиво начал тараторить первый воин. — Этот... человек... не был способен даже нанести серьёзное повреждение слабейшему из...

Стрелок резко поднял руку, из-за чего говорящий моментально замолк.

— Сколько у неё осталось? — поинтересовался он, продолжая смотреть на персону с планшетом.

— Триста восемьдесят семь секунд. Сердце уже прекратило биться, — она умирает, и вскоре оказать ей помощь будет невозможно.

— Точнее: невысказано, — добавил первый. За эти слова Стрелок бросил на него быстрый и недовольный взгляд, из-за чего тело воина передёрнулось от почтительного испуга.

— Давай её сюда, — приказал Стрелок.

Тот, в руках которого был планшет, отошел на метр в сторону, и, достав из кармана маленький металлический диск, положил его на землю. В центре диска начали открываться маленькие треугольные отверстия, из которых в воздух вылетали голубые огоньки. Поднявшись на высоту в два метра, они начали медленно спускаться вниз. Чем ниже оказывались огоньки, тем больше их становилось: в воздухе за собой они рисовали картину — силуэт девушки. Через несколько секунд, перед Стрелком и его партнёрами, в воздухе повисла проекция Марии. Она выглядела так, будто спала, лишь медленно поднимаясь и опускаясь в воздухе.

— Анжелика, очнись! — повысив голос, сказал Стрелок.

Девушка резко открыла глаза и слегка вскрикнула, словно пробудилась от кошмара. Вокруг себя она ничего не видела, кроме одного знакомого себе Стрелка. Посмотрев на него, она лишь ласково улыбнулась от этой неожиданной встречи. Он бы также ей ответил улыбкой, но маска продолжала находиться на его лице. По его взгляду было заметно, как он

рад видеть старую подругу.

— Здесь ты можешь говорить — это не твоё слабое тело, — сказал он.

— Я мертва? — тихо, почти хрипя — словно позабыв, как говорить — проговорила девушка.

— Нет, но твоя смерть близка, и я хотел бы попрощаться так, как ты того заслуживаешь.

— Это был Майкл?

— Нет.

— Хорошо. — Анжелика начала улыбаться ещё шире, не сдерживая эмоции. Она машинально потянулась к глазам, чтобы стереть слёзы, которые не могли появиться. — Не злись на него, он заблудился и нуждается в помощи. Я была с ним так долго, как надо было. Я пыталась сохранить его, спасти.

Иногда девушка смотрела куда-то вдаль. Хоть она и не могла видеть вокруг себя никого кроме Стрелка, но она почему-то смотрела именно туда, где и находился в данный момент Майкл.

— Это было неизбежно...

— Я знаю, но я всё равно продолжала верить. — С каждым словом проекция Анжелы становилась более прозрачной, а маленькие голубые огоньки потухали и опадали наземь. — Он ещё *там*, я чувствую. Ему грустно.

— Ты не злишься на меня?

— Нет. Ведь ты сделал то, что должен был. У тебя были благие намеренья, и я никогда не считала тебя плохим, чтобы ты не делал, чтобы ты не говорил.

— Ты могла не идти за ним, и осталась бы жива.

— Я не могла оставить его, когда так была нужна. — После этих слов никто уже не пытался продолжить разговор.

Через минуту Стрелок молча потянулся к лицу девушки, и та спокойно наклонилась навстречу. Она словно положила голову на его ладони и также покорно последовала за ними к земле. Стрелок уложил её и осторожно гладил по волосам, пока проекция не исчезла полностью.

— Я буду помнить тебя, Анжелика...

— Мозг умер, — холодно проговорил тот, что был с планшетом.

— Что будем делать с *тем*?

Стрелок развернулся обратно в сторону выступа, откуда и совершил выстрел. Прильнув к прицелу, он вернулся к той картине, где и оставил Майкла одного над телом. То, что когда-то было Майклом всё ещё стояло над той, которую он называл Марией, не сдвинувшись и на сантиметр. Оно смотрело вниз, не обращая никакого внимания на окружение, даже не смущаясь тому, что не само было причиной гибели девушки.

Стрелок настроил дальность прицела, чтобы поближе увидеть своего старого товарища, и направляя взгляд к его лицу, заметил, что по щекам Майкла стекали слёзы.

— Значит, ты всё ещё человек.

Эпилог

Вечный, погружённый в свои мысли, стоял на палубе крупного летающего в воздухе судна. Впереди внизу простирались на многие километры маленькие бугры чёрных туч. Их плотность повысилась настолько, что солнечные лучи полностью растворялись в них. Земля под ними оказалась в заложниках у темноты, и все оставшиеся в живых создания больше никогда не увидят свет. Вся эта картина напомнила Вечному о старых путешествиях через океаны на мореходных судах, когда вода казалась бездонной пропастью, и ни один человек не мог добраться даже до неглубокого дна. Он наконец-то снял противогаз, за которым и прятал истинную личность, которую мог узнать хоть и не каждый встречный человек, но любой риск не мог быть оправдан. Теперь, без какого-либо стеснения, он наслаждался прохладными потоками воздуха, что едва трепали его короткие чёрные волосы. Капитан судна стоял в облегающем костюме, с пояса которого свисала загадочная книга в жёлтой обложке. Картина бескрайних просторов, под которыми скоро не окажется жизни очень сильно напрягала его. Жалость так и душила, но он уже никак не мог что-либо предпринять.

Когда он впервые увидел ту пару на земле, в крепких объятиях друг друга, он не мог оставить их позади. Не нашел в себе сил.

— Повелитель, мы так и не можем получить от него нужных результатов, — сказал неожиданно подошедший учёный.

— Он что-нибудь говорил? — Вечный осмотрел подошедшего, и наблюдал за его мимикой. Это было живое существо отдалённо похожее на человека, но без некоторых ненужных деталей, отсутствие которых лишило это создание «изюминки». Весь корабль населяли облысевшие, бледные, белоглазые создания, которые только и знали, что служить своему создателю, который недавно воплотил в жизнь один из своих величественных планов. Эти создания никогда не покидали свои спрятанные базы, так как их внешность не позволяла им быть незаметными среди людей. (Отсутствие ушей, век, и похожие на необъёмные полосы нос и губы максимально делали этих созданий отвратительными монстрами в глазах обычных людей. Сам же Вечный сделал этот простенький и слегка неуклюжий образ для того, чтобы обесчеловечить свои творения и не испытывать к ним жалости.)

— Он сказал только одно слово.

— Какое?

- “Стрелок”.

Резкая и нервная улыбка появилась на лице Вечного. Он ожидал эту весть, но всё же не смог холодно выдержать этот удар. «Какой настойчивый, всё никак мне не простит убийство Анжелики. И почему он всё никак не уgomонится?» — ругался он. На глаза стали набираться слёзы, которые он попытался спрятать от слуги. Сколько бы он не видел за всю свою жизнь волнительных сцен, сколько бы не умудрялся запомнить их наизусть и читать каждый последующий шаг, они всё равно терзали его сердце, как впервые.

— Что на счёт физиологии? — резко поинтересовался Вечный, пытаясь отделаться от неприятных мыслей.

— Догадки подтвердились: кровь Снарбула смешалась с кровью человека, из-за чего и произошли общие изменения. Вскоре, заражение начало только прогрессировать.

— Причина?

— При смешивании крови сработал регенеративный ген, который посчитал человеческую кровь повреждённой. При спокойном состоянии организма, регенеративный ген переходил в состояние покоя, но когда субъект испытывал страх, злость, и находился в эмоциональном дисбалансе, — что заставляло его сердце биться чаще, — то активизировался дальше.

— Лечение?

— Невозможно. Весь организм подвержен изменению.

— Получается, что появился новый объект?

— Да, клетки Снарбула ассимилировали клетки человека. — Учёный слегка начал нервничать, явно не желая говорить что-то ещё, что он обязан сказать повелителю. — Но учитывая сохранение рассудка есть предположение, что мозг не целиком повреждён... но у нас нет ни времени, ни возможности изучить эту теорию! Может быть и такое, что все мозговые импульсы и потуги вести себя разумно являются лишь остаточным воспоминанием и инстинктивным всплеском, которые только через определённое время деградируют и исчезнут.

Когда Вечный только услышал, что надежда на спасение Майкла всё же не утрачена, то более внимательно стал прислушиваться к словам учёного. Однако, он был разочарован и согласен с тем, что никак нельзя попытаться помочь своему приятелю.

— А что с Дуилгриммом, где его тело?

— Исчезло. Мы вышли по его следам к утробам мегаполиса, но ни тела, ни останков... Боюсь, он снова обвёл всех вокруг пальцев.

Вечный не мог бы похвастаться эмоциональной выдержкой — порой эмоции так сильно сковывали его разум, что он едва мог устоять перед тем, чтобы войти в бешенство и забвение. Дуилгримм ему не понравился ещё с того момента, как только его начали собирать на операционном столе. Возможно, использование собственной ДНК была большой ошибкой...

— Вы не довольны, милорд?

— Не доволен.

— Что же вы предпримите? Времени на опыты совсем не осталось.

— Буду работать дальше, уже после *рассвета*. Мне потребуется много времени, чтобы *всё* начать с начала. Очень много времени...

— Нам очень жаль, повелитель, что нам не удалось помочь вам в ваших исследованиях, — проговорил учёный, кланяясь в самые ноги.

— Не вините себя. Я давно привык, что всё это только начало.

Вечный говорил со своим учёным, полностью перестав ощущать уходящее время. Из их небольшого и дружелюбного разговора, — который так сильно увлёк Вечного, — обоих вывел звук включившегося громкоговорителя. «Внимание, до начала “Последнего Рассвета” осталось шестьдесят секунд» — прозвучал голос из динамиков.

— Мы далеко? — спросил Вечный.

— Как вы и приказали: в самом эпицентре.

После получения ответа, Вечный отошел в сторону и направился к аварийному выходу с летающей научной базы. Дождавшись того, что таймер покажет последние несколько секунд, он открыл дверь и выпрыгнул наружу. Летя вниз навстречу земле, он ощущал растущий за его спиной жар.

Огненный смерч возник из ниоткуда и в течении целых суток прошелся по всей планете. Жар был настолько сильный, что никто не смог бы в нём выжить: океаны были высушены дочи́ста, а самые глубокие пещеры наполнились поднимающейся магмой.

Этот мир был предан забвению. Брошен. Но, быть может, к другому, *Он* будет более благосклонен.